

Учредитель
ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет»

ВЕСТНИК

БУРЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

1 / 2014

Язык. Литература. Культура

Журнал издается
с 2011 года

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-47645 от 07.12.2011 г.

Ответственный редактор
Е.А. Бардамова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С.С. Имixelова, д-р филол. наук
(гл. редактор)
Г.С. Доржиева, д-р филол. наук
Е.А. Бардамова, д-р филол. наук
(отв. редактор)

В.В. Башкеева, д-р филол. наук
Л.П. Ковалева, канд. филол. наук
А.П. Майоров, д-р филол. наук
Р.П. Матвеева, д-р филол. наук
А.С. Собенников, д-р филол. наук

✉ АДРЕС РЕДАКЦИИ
670000, г. Улан-Удэ, ул. Ранжурова, 6
☎ 21-05-91 vestnik_phylolog@bsu.ru

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
☎ 21-95-57, riobsu@gmail.com

СОДЕРЖАНИЕ

I. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Бурятоведение

- Дадуева Е.А.* Каузативные аффиксы в бурятском языке..... 4
- Иванова А.А.* Парные слова как объект лингвистического исследования..... 8
- Самданова А.Ц.* К вопросу об объеме фразеологических единиц в бурятском языке..... 13
- Чимитов Л.Л.* Этнокультурная специфика лексики, объективирующей представления о пустоте (на материале бурятского языка)..... 18

Русистика

- Жерноклетова Т.Е.* Коммуникативная организация констатирующих типов речи (на материале художественной литературы)..... 25
- Майоров А.П.* Историческая динамика номинации документов в деловом языке XVIII в. 29
- Омельченко Л.Н.* Первичный и вторичный способы выражения семантики характеристики в русской речи..... 37
- Чжан Н.А.* Фонетические особенности русского языка в ситуации русско-китайского двуязычия (на материале речи потомков русских эмигрантов, проживающих в деревне Хэйшаньтоу)..... 43

II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- Имихелова С.С.* Роль легенды в литературных произведениях о судьбе и историческом выборе бурятского народа..... 50
- Савинова Т.Б.* Художественная концепция исторической личности в пьесе Б. Гаврилова «Чингисхан»..... 57
- Монгуш Е.Д.* Роль мифологических и литературных сюжетов в повествовательной структуре прозы Л. Петрушевской..... 63
- Хребтова А.И.* Проявление комического в жанре литературного анекдота..... 72

III. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

- Биткеева А.Н.* Об этноязыковой ситуации в Республике Саха (Якутия)..... 78

IV. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Майоров А.П., Кронгауз М.А.* Вопросы регионального варьирования языка на конференции..... 81
- Егодурова В.М.* Памяти ученого-филолога Валентина Игнатьевича Золхоева..... 90

CONTENTS

I. LINGUISTICS

Buryat Studies

<i>Dadueva E.A.</i> The causative affixes in the Buryat language.....	4
<i>Ivanova A.A.</i> Double-words in different structure languages as an object of linguistic study.....	8
<i>Samdanova A.Ts.</i> On the question of phraseological units number in the Buryat language.....	13
<i>Chimitov L.L.</i> Ethno cultural specificity of vocabulary objectifying representation of emptiness (on the basis of the Buryat language).....	18
<i>Russian Studies</i>	
<i>Zhernokletova T.E.</i> Communication model ascertains types of speech	25
<i>Mayorov A.P.</i> Historical dynamics of the paper's nomination in the business language of the XVIII c.....	29
<i>Omelchenko L.N.</i> Primary and secondary means of expression of semantics of characterization in the Russian speech.....	37
<i>Chgan N.A.</i> Phonetic features of the Russian language in the situation of the Russian-Chinese bilingualism (on the material of speech of the Russian emigrants descendants living in the village Heishantou)	43

II. LITERATURE STUDIES

<i>Imihelova S.S.</i> The role of legend in the literature devoted to fate and historical choice of the Buryats.....	50
<i>Savinova T.B.</i> The Artistic Conception of the Historical Identity in Bulat Gavrilov's play "Genghis Khan".....	57
<i>Mongush E.D.</i> The role of mythological and literary subjects in prose by L. Petrushevskaya.....	63
<i>Chrebtova A.I.</i> Manifestation of the comic genre of literary anecdote..	72

III. CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

<i>Bitkeeva A.N.</i> On the ethno linguistic situation in the Sakha Republic (Yakutia)	78
--	----

IV. SCIENTIFIC LIFE

<i>Mayorov A.P. Krongauz M.A.</i> The issues of the regional language variations at the conference	81
<i>Egodurova V.M.</i> In the memory of philologist Valentin Ignatevich Zolkhoev	90

І. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

БУРЯТОВЕДЕНИЕ

УДК 811.512

© *Е.А. Дадуева*

Каузативные аффиксы в бурятском языке

Статья посвящена каузативным глаголам. Автор статьи попытался рассмотреть количество, роль и особенности функционирования аффиксов каузативных глаголов.

Ключевые слова: категория каузативности, каузативный глагол, каузативные аффиксы.

E.A. Dadueva

The causative affixes in the buryat language

This article is devoted to causative verbs. The article's author has tried to consider the number, the role and the feature's functioning of the causatives verb's affixes.

Keywords: category of causative, causative verbs, causative affixes.

Бурятский язык, как известно, является языком агглютинативного типа. Языки данного типа обладают развитой системой аффиксации, поэтому функционально-семантическая категория каузативности в бурятском языке получает морфологическое выражение. Каузативность – одна из универсальных понятийных категорий, выражающая причинно-следственные отношения в языке и находящая выражение в различных языках. Каузативным глаголом мы называем «глагол, обозначающий воздействие на объект с тем, чтобы изменить его состояние или побудить к совершению действия, и имеющий соотносительный некаузативный коррелят, выражающий то действие, состояние или качество, которое возникло в результате воздействия» [Дадуева, с. 71].

Обозначим все аффиксы, имеющие каузативное значение в бурятском языке: *-га (-го, -гэ), -гаа (-гээ, -гоо, -гөө), -ха (-хэ, -хо), -хаа (-хээ, -хоо), -аа (-ээ, -оо), -уул (юул, -үүл), -лга (-лгэ, -лго)*. При помощи данных аффиксов в бурятском языке образуется основное число каузативных глаголов.

В лингвистике существует вопрос о разграничении формообразовательных и словообразовательных аффиксов. Считается, что словообразовательный аффикс меняет лексическое значение слова, а формообразовательный аффикс меняет только форму слова, а лексическое значение ос-

тается неизменным. М.А. Хачемизова отмечает, что в адыгейском языке каузативный аффикс получает неординарное решение: одни исследователи относят их к словоизменительным, другие – к словообразовательным [Хачемизова, с. 7]. В связи с этим возникает вопрос, к каким аффиксам относятся каузативные аффиксы в бурятском языке – к словообразовательным или словоизменительным. У.-Ж.Ш. Дондуков и Г.Д. Санжеев ставят под сомнение формообразовательные значения залоговых аффиксов, в том числе и аффиксы побудительного залога, и считают их «вполне самостоятельными и совершенно независимыми глагольными основами по отношению к своим производящим основам» [Дондуков, с. 144]. Г.Д.Санжеев замечает: «Эти залоговые основы должны рассматриваться в плане словообразования, так как они никак не могут считаться формами одного и того же глагола» [Санжеев, с. 4]. Согласно традиционной точке зрения, аффиксы побудительного залога относят к формообразовательным аффиксам, тем самым побудительные глаголы относят целиком к формам побудительного залога, не принимая во внимание совершенно самостоятельное значение, приобретаемое глаголом в результате присоединения аффиксов. Как считает У.-Ж.Ш. Дондуков, глаголы с залоговыми аффиксами, в том числе и с побудительными, имеют совершенно самостоятельное значение от производящей основы, поэтому залоговые аффиксы следует отнести к словообразовательным явлениям [Дондуков, с. 229]. Данную позицию подтверждают и современные исследования. Как пишет Д.Ш. Харанутова, «аффиксы залогообразования выступают не в качестве формального показателя преобразования «глагол – глагол», они являются семантически необходимыми для преобразования смысла «глагольное действие – другое глагольное действие» [Харанутова, с. 6].

Для бурятского языка характерна сравнительно высокая упорядоченность аффиксов. Все аффиксы распределяются по порядкам, к которым можно применить понятие парадигматичности. Парадигматическим называется порядок, в котором все элементы взаимозаменяемы при одном и том же корне. Именно этот признак парадигматичности используется для разграничения словообразования и словоизменения. Признаком парадигматичности обладают аффиксы спряжения, падежей, притяжания, которые относятся к словоизменительным элементам. Словообразовательные аффиксы, присоединение которых влияет на лексическое значение корня, составляют непарадигматические порядки [4]. К таким аффиксам и относятся рассматриваемые нами аффиксы каузативных глаголов. В.М. Егодурова также рассматривает аффиксы побудительных глаголов как словообразовательные: «Лексическая семантика побуждения выражается глаголами изъявительного наклонения с помощью словообразовательных суффиксов» [Егодурова, с. 75].

Каузативное значение, приобретаемое глаголом при присоединении аффиксов *-уул*, *-лга*, *-га*, *-аа*, *-ха*, имеет вполне независимое значение от значения залога – отношение действия к субъекту и объекту действия. В нашем понимании, каузативные формы в бурятском языке следует отне-

сти не к побудительному залогу, а к особому категориальному явлению – каузативности, а каузативные аффиксы – к морфологическим (словообразовательным) средствам выражения каузативных глаголов. В нашей монографии данной проблеме посвящена отдельная глава «Побудительный залог и каузативность в бурятском языке» [Дадуева, с. 51–57]. Категория каузативности получает «явное» выражение в бурятских каузативных глаголах в отличие от русских глаголов, получающих «скрытое» выражение. Например: *хургаха – учить от хураха – учиться, зобоохо – мучить от зобоохо – мучиться, хэбтүлхэ – положить от хэбтэхэ – лежать, гүйлгэхэ – заставить бежать от гүйхэ – бежать* и т.п.

Далее рассмотрим некоторые особенности функционирования каузативных аффиксов. Для бурятского языка характерно использование сразу двух каузативных аффиксов. При анализе глаголов с двойными показателями каузативности нами было выявлено несколько особенностей их использования. Во-первых, если действие предназначено для исполнения третьим лицом, то к основе бурятского глагола присоединяется сразу два каузативных аффикса. Например: *Хүбүүгээ хайн багшада хургуулхаб (Я буду обучать сына у хорошего учителя)*. Каузативный глагол *хургуулха* состоит из двух каузативных аффиксов *-га* и *-уул*, которые выражают значение исполнения каузируемого действия третьим лицом (*хайн багша минии хүбүүе хургаха – моего сына будет обучать хороший учитель*). Во-вторых, использование нескольких каузативных аффиксов в бурятском языке может придавать глаголу пермиссивное значение. Пермиссивное значение каузативного глагола может выражать действие, при котором каузатор разрешает объекту совершить определенное действие. Также обозначает действия, которые субъект не контролирует или позволяет, допускает наступление «неприятного» действия. Глагол с пермиссивным значением может выражать действие, которое каузатор разрешает, позволяет делать. Например: *Манай төөдээ тэдээниие хайрлажа гэртээ хонуулгадаг – Наша бабушка, жалея их, позволяет им ночевать у себя дома*. Глагол *хонуулгаха* содержит два каузативных аффикса *-уул* и *-лга* и обозначает действие, позволенное сделать объекту. Рассмотрим другой пример: *Тэрэ мяхаа үжээлгэбэ – Он позволил мясу сгнить*. Глагол *үжээлгэхэ* содержит два каузативных аффикса *-ээ* и *-лгэ*. Использование двух каузативных аффиксов придает глаголу пермиссивное значение. Глагол в данном контексте выражает действие, нежелательное, неприятное для субъекта. Ср. также: *Ямаанайнгаа хуул шонодо абхуулааш!* [Арадай онтохон] – Ты позволил волку откусить хвост твоей козы. Для русского языка не характерны подобные глаголы с пермиссивным значением. Русские глаголы реализуют преимущественно фактитивное значение каузации.

Далее нами замечено, что при добавлении второго каузативного аффикса глагол может утрачивать значение каузативности. Например: *Би энэ багшада хургуулааб (Я обучался у этого учителя)*. В буквальном переводе глагол *хургуулааб* реализует каузативное пермиссивное значение – *позволил себя обучать (Я позволил себя обучать этому учителю)*. Однако

в бурятском языке использование второго каузативного аффикса может придавать глаголу страдательное значение. На русский язык такие глаголы бурятского языка переводятся глаголами страдательного залога. Следовательно, использование сразу двух каузативных аффиксов может нейтрализовать каузативное значение. Ср. также: *Биш нохойдо хазуулгааб (Я был укушен собакой)* – в букв. переводе «Я позволил собаке укусить себя».

В бурятском языке есть также и другие случаи утраты каузативными аффиксами своего каузативного значения воздействия. Так, еще Ц.Б.Цыдендамбаевым отмечались случаи страдательного значения, выражаемые глаголами побудительного залога. Например: *Хойш, үнээндэ мүргүүлбэи! – Стоп, как бы тебя не забодала корова! Хоер хүн һогтуугаар нанишалдаа хэжэ, нэгэнь нүгөөдэдөө айхабтар ехээр булигдажа, таһа сохюулиаба ха* [Х. Намсараев]. – *Двое мужиков разодрались в пьяном виде, и один из них, намного уступая в силе другому, жестоко был избит.* Как указывает Ц.Б.Цыдендамбаев, данные примеры «иллюстрируют, что страдательное значение имеет место тогда, когда действие направлено на субъект-подлежащее» [8, с. 92]. Семантика же каузативного глагола имеет объектную направленность, поэтому в данных конструкциях глагол не имеет значения каузативности. Таким образом, в бурятском языке возможны конструкции, в которых глагол с каузативным аффиксом может не содержать каузативное значение. В таких случаях глагол не имеет значения объектной направленности, свойственной каузативным глаголам. В бурятском языке существуют глаголы, имеющие формальные показатели каузативности, однако не выражающие каузативную семантику воздействия. Например: *ялалзуулха (сверкать чем-либо), ярьюулха (звенеть чем-либо), тодоруулха (выяснять, определять что-либо), туяатуулха (отражать луч)* и т.д. Исходя из этого, является очевидным, что определяющим критерием для выделения каузативного глагола является семантика воздействия, а не морфологический показатель.

Литература

1. Дадугева Е.А. Функционально-семантическая категория каузативности в русском и бурятском языках. – Улан-Удэ, 2011. – 128 с.
2. Дондуков У.-Ж.Ш. Аффиксальное словообразование частей речи в бурятском языке. – Улан-Удэ, 1964. – 246 с.
3. Егодурова В.М. Бурятский глагол. – Улан-Удэ, 2003. – 140 с.
4. Кузьменков Е.А. Глагол в монгольском языке. – Л., 1984. – 140 с.
5. Санжеев Г.Д. Современный монгольский язык. – М., 1959.
6. Харанугова Д.Ш. Категория залога в бурятском языке (словообразовательная или формообразующая категория) // Вестник Бурятского государственного университета. Сер. Филология. – Улан-Удэ, 2013. – С. 3–6.
7. Хачемизова М.К. Каузатив в адыгейском языке: его сущность, маркированность, функционирование: автореф. ...канд. филол. наук. – Майкоп, 2003. – 19 с.
8. Цыдендамбаев Ц.Б. Грамматические категории бурятского языка в историко-сравнительном освещении. – М., 1979. – 148 с.

Дадуева Елена Александровна, кандидат филологических наук, преподаватель БФ Сибирского государственного университета телекоммуникаций и информатики, г. Улан-Удэ.

Dadueva Elena Aleksandrovna, Lecturer of the Siberian State University of Telecommunications and Informatics, Candidate of Philology, Ulan-Ude.

УДК 811.512

© *А.А. Иванова*

Парные слова в разноструктурных языках как объект лингвистического исследования

Статья посвящена проблеме изучения парных слов в русском и бурятском языках. Рассматривается связь композитов со словосочетаниями, а также классификации сложных слов.

Ключевые слова: сложное слово, двандва, композит.

A.A. Ivanova

Double-words in different structure languages as an object of linguistic study

The article is devoted the problem of studying double-words in Russian and Buryat languages. Considered relation between composites with combination of words, as well as classification of compound words.

Keywords: compound word, dvandva, composite.

Парные слова – особые единицы, бытующие во многих языках мира и являющиеся одним из способов пополнения лексического состава языков. По своей природе парные слова являются результатом одного из наиболее продуктивного способа словообразования – сложения. Словосложение – один из древних типов словообразования, состоящий в морфологическом соединении двух или более корней (основ). Результатом процесса словосложения являются сложные слова.

Парное словообразование – языковой феномен, изучением которого занимались многие видные ученые, однако в настоящее время отсутствует точное определение данных лексических единиц. Первое упоминание в отечественном языкознании о наличии сложных слов мы находим в «Грамматике церковно-словенского языка», составленной А.Х. Востоковым. Автор замечает, что употребление композитов связано с переводческой деятельностью, когда «сложные слова в церковно-словенских переводах составляются по образцу греческих, однако древние переводчики не были «робкими подражателями», а придерживались свойственным славянам словосочинения и перелагали греческие сложные слова двумя словами своего языка» [Востоков, с. 102–103].

Наличие композитов впервые было выявлено еще в древнеиндийском языке. В иноязычной терминологии данному лексическому явлению дано название «двандва-композиты» или сочинительные или копулятивные

сложения (нем. *Kopulativ komposita*). Э. Бенвенист констатирует о равноправии компонентов, входящих в состав двандва. Автор указывает на отношения сочинения, в которых находятся члены композита. Выявлено, что оба члена сложного образования не могут быть сведены к одному, а также внутри двандва не существует главенства одного из компонентов над другим. «Объединение двух имен реализует бессоюзную связь как синтаксическую черту, и, кроме того, служит лексическим способом выражения для их синтетической формы так называемого эллиптического двойственного числа» [Бенвенист, с. 241–244].

В процессе изучения сложных слов ряд лингвистов пришли к выводу, что словосложение имеет неразрывную связь с синтаксисом. Так, была высказана точка зрения, что словосложение – процесс свертывания словосочетания. По мнению В.П. Григорьева, сложное слово – лексическое образование, возникающее по одному из действующих в языке словообразовательных типов; компоненты сложного слова находятся в отношениях синтаксической сочетаемости двух или нескольких знаменательных основ. При превращении словосочетания в сложное слово утрачивается грамматическое отношение между компонентами, составляющими композит. [Григорьев, 1958, с. 102–104]. Похожую мысль высказал В.В. Виноградов, который утверждал, что «слитное слово» образуется при превращении *словосочетания*: «происходит утрата словосочетанием своего синтаксического качества, из прежних слов образуется единое, нерасчлененное, непроемное слово» [Виноградов В.В., с. 225].

В дальнейшем проблему сложных слов рассматривал З.А. Потиха, который обратил внимание на слова типа *город-герой, изба-читальня, телефон-автомат, слесарь-монтажник и др.* С исследованиями З.А. Потихи связано включение в отечественную лингвистику нового термина – *составные* (или *сложносоставные*) слова. Автор замечает, что данные языковые единицы представляют собой лексические единства, в которых компонентами слова являются самостоятельные существительные, сохранившие параллельное склонение обоих компонентов (ср. *телефона-автомата, телефону-автомату*) [9, с. 271].

Вслед за З.А. Потихой Н.М. Шанский относит парные слова к составным, образованным посредством словосложения типа «определяемое + определяющее». Автор указывает на образование составных слов путем словосложения, при котором членение по составу происходит уже не на морфемы, а на «словные компоненты, каждый из которых имеет самостоятельное словесное оформление (ср. *мать-героиня, диван-кровать* и т. п.)» [12, с. 121]. По мнению автора, в настоящее время это один из самых активных способов образования сложных существительных вообще. В качестве примеров подобных образований приведены слова: *город-герой, вечер-встреча, кафе-закусочная, школа-интернат* и др.

После работ Н. М. Шанского в языкознании более последовательно закрепился термин «сложносоставные (или составные) слова» и способ их образования стал признаваться как разновидность сложения, наряду с чистым сложением, аббревиацией и сращением.

Композиты в бурятском языке не раз выступали объектом изучения. Было выявлено, что парные слова являются одним из продуктивных способов словообразования. Они употребляются как в разговорной речи, так и в письменной литературе, в особенности в художественных произведениях.

В определении парных слов в бурятском языке так же как и в русском языке существует мнение об образовании композитов в результате превращения словосочетаний. Со словосочетанием их связывают синтаксические отношения между компонентами и раздельное оформление. Автор «Современного бурятского языка» – Д.Д. Амоголонов утверждает, что парные слова в бурятском языке избыточны и весьма продуктивны, что они образуются аналитическим способом, а значит, между компонентами существует сочинительная связь.

Согласно «Лексике современных монгольских литературных языков», автором которой является Т.А. Бертагаев, существует два основных способа образования сложных слов – основосложение и словосложение [Бертагаев, с. 240]. Слова, образованные путем основосложения, по мнению автора, являются собственно сложными, а слова, полученные в результате словосложения, образуются либо от свободного словосочетания путем присоединения к нему какого-либо аффикса, либо путем примыкания. Сложные слова, образованные примыканием, автор называет «аналитическими, или составными, сложными словами». По мнению автора, составные сложные слова выражают единое номинативное значение.

Д.Л. Шагдарова утверждает, что словосложение стало одним из продуктивных способов словообразования. В работе автор приводит классификацию сложных слов: сложные основы по типу определительных словосочетаний, сложные основы по типу обстоятельственных словосочетаний, сложные основы по типу дополнительных словосочетаний, сложные основы по типу предикативных сочетаний, сложные основы парных слов по типу однородных словосочетаний. Кроме того, автор выделяет сложные основы, образованные посредством терминологических элементов: *ангин ашанар* «классовость», *үйрхэй шанар* «сыпучесть, рассыпчатость». Также автор выделяет сложные единства, выполняющие функцию имен существительных, но тяготеющие к перифразам, фразеологизмам, приложениям и т.д. [Шагдарова, с. 138].

По мнению У. Ж.- Ш. Дондукова, способ словосложения корней и основ для монгольских языков был совершенно непродуктивным, однако существует немало опрощенных сложных слов, исторически образованных из двух самостоятельных слов, соединенных между собой на дополнительном или атрибутивном словосочетаниях, а также на базе примыкания, которые в новый период развития монгольских языков стали сильно активизироваться [Дондуков, с. 158].

Рядом ученых была предпринята попытка классификации сложных слов. При классификации рассматриваются разные аспекты композитов. Так, Эрдынеева А.Д. строит свою классификацию по характеру компо-

нентов, входящих в состав бинарного образования и выделяет три вида парных слов, образованных от существительных:

- 1) сочетание двух самостоятельных (знаменательных) слов;
- 2) оба компонента синонимичны;
- 3) сочетания, в которых второй компонент не имеет самостоятельного употребления [Эрдынеева, с. 212].

В основу другой классификации, предложенной А.А. Дарбеевой в статье «К вопросу о парных словах в бурятском языке» заложено смысловое содержание компонентов. Автор делит их на:

- 1) парные слова, состоящие из двух лексически самостоятельных слов;
- 2) парные слова, состоящие из сочетания одного лексически значимого слова со словом, не употребляющимся самостоятельно;
- 3) парные слова, состоящие из двух самостоятельно не употребляющихся слов. Здесь новой является третья группа, но, к сожалению, автор не подкрепляет ее ни одним примером [Дарбеева, с. 18].

Иной подход к классификации парных слов применил У.-Ж.Ш. Дондуков. В статье «Парное словообразование имен существительных в бурятском языке» ученый пишет: «Парные существительные в бурятском языке бывают только сочинительного типа, т.е. такие, в которых оба компонента связаны между собой на началах соположения». Автор утверждает, что парные слова в бурятском языке образуются посредством аналитического способа, при котором сочетающиеся компоненты парных слов являются морфологически однородными, синтаксически равноправными и семантически близкими и делит их на две группы:

- 1) парные существительные, представляющие собой сочетания компонентов с лексическим значением;
- 2) парные существительные, второй компонент которых служит усилителем значения первого [Дондуков, с. 29–45].

Парные слова в бурятском языке с точки зрения семантики рассматривала Е.А. Бардамова. В статье «Структурно-семантические особенности парных слов с пространственным значением» автор дает семантическую характеристику бинарных конструкций, приводит классификацию значений парных слов и определяет особенности создания комбинативного значения. Были выявлены следующие типы парных конструкций:

- 1) парные слова, в которых можно вычленить базовое или родовое понятие и аргумент;
- 2) композиты, каждый из компонентов которых выступают аргументами пропозиции, конкретизирующими место в пространстве;
- 3) слова, называющие множество из двух типов объектов, указанных в мотивирующих основах;
- 4) бинарные образования, эксплицирующие совокупность отдельных предметов или понятий в отвлечении от последних [Бардамова, 2011].

Знакомство с лингвистической литературой по проблеме изучения сложных слов дает представление о наличии и функционировании композитов в разноструктурных языках. Обнаружена непосредственная связь композитов со словосочетаниями, предприняты попытки классификации

сложных слов. Решение проблем строения и образования парных слов, несомненно, имеет большое теоретическое и практическое значение для современного языкознания.

Литература

1. Амоголонов Д. Д. Современный бурятский язык: учеб. для вузов. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. – 337 с.
2. Бардамова Е.А. Структурно-семантические особенности парных слов с пространственным значением // Материалы научно-методического семинара «Динамика языковой ситуации в монгольском мире» (21–22 октября 2010 г., г. Улан-Удэ). – Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2011. – С. 72–75.
3. Бенвенист Э. Общая лингвистика. Изд-е 2-е стереотипное. – М.: Едиториал, УРСС, 2002. 448 с.
4. Бертагаев Т.А. Лексика современных монгольских литературных языков. – М.: Наука, 1974. – 373 с.
5. Виноградов В.В. Исследования по русской грамматике: избр. труды. – М., 1975. – 559 с.
6. Востоков А.Х. Грамматика церковно-словенского языка, изложенная по древнейшим оного письменным памятникам / сост. акад. А. Х. Востоковым. – Санкт-Петербург: Тип. Имп. Акад. наук, 1863. – 135 с.
7. Григорьев В.П. Заметки о сложных словах // Вопросы языкознания. – М., 1958. – С. 102-104.
8. Дарбеева А.А. К вопросу о парных словах в бурятском языке // Вопросы литературного бурятского языка. – Улан-Удэ, 1963. – С. 15-27.
9. Дондуков У.Ж.-Ш. Парное словообразование имен существительных в бурятском языке // Вопросы литературного бурятского языка. – Улан-Удэ, 1963. – С. 29-45.
10. Дондуков У.Ж.-Ш. Словообразование монгольских языков. – Улан-Удэ, БГПИ им. Доржи Банзарова, 1993. – 230 с.
11. Потиха З.А. Современное русское словообразование. – М., 1970. – 384 с.
12. Шагдарова Д.Л. Проблема сложного слова в бурятском литературном языке // Вестник Челябинского государственного университета: Филология. Искусствоведение. Вып. 62. – Челябинск, 2012. – С. 134-139.
13. Шанский Н. М. Слова, рожденные Октябрем. – М.: Просвещение, 1987. – 127 с.
14. Эрдынеева А.Д. Парные слова в лексике жилищно-поселенческого комплекса бурят // Воспитание дошкольников и младших школьников в условиях гуманизации образования: материалы республиканского Круглого стола, посвящ. 25-летию ФНО. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2006. – С. 212-214.

Иванова Анастасия Афанасьевна, магистрант 2-го курса направления подготовки 032700.68 Отечественная филология. Русский язык ФГБОУ ВПО «Бурятского государственного университета».

Ivanova Anastasiya Afanasievna, undergraduate 2 year Buryat State University; e-mail: stasi-van@bk.ru

УДК 811.512

© *А.Ц. Самданова*

К вопросу об объеме фразеологических единиц в бурятском языке

Статья посвящена истории изучения фразеологии и классификации фразеологизмов в бурятоведении. Представлена точка зрения, исключающая из объемов фразеологии пословицы, поговорки, афоризмы, крылатые слова.

Ключевые слова: фразеологизм, классификация, фразеологические сращения, фразеологические единства, фразеологические сочетания.

A.Ts. Samdanova

On the question of phraseological units number in the Buryat language

The article considers the history of the study of phraseology, the classifications of phraseological units in the studies of the Buryat language and represents the viewpoint, which excludes proverbs, aphorisms, eloquent collocations from the phraseology.

Keywords: phraseological unit, classification, phraseological clusters, phraseological unities, phraseological combinations.

На протяжении всей истории изучения фразеологии наиболее дискуссионным остается вопрос: относятся ли к фразеологическим единицам (ФЕ) такие устойчивые сочетания, как пословицы и поговорки, крылатые слова, афоризмы?

В рамках этой проблемы в науке сформировались два понимания границ фразеологии – «широкое» и «узкое» [Ожегов, 1957]. В русистике «широкое» понимание объемов и границ фразеологии восходит к трудам В. В. Виноградова [Виноградов, 1977]. Следует отметить, что данной точки зрения придерживается большинство ученых, таких как В.Л. Архангельский, Л.А. Булаховский, Е.М. Галкина-Федорук, А.И. Ефимов, М.М. Копыленко, А.А. Реформатский и др.

Классификация фразеологизмов по степени семантической слитности подробно описана Н.М. Шанским. Основными критериями для разграничения ФЕ послужили воспроизводимость и устойчивость значения и состава. Выделяя вслед за В.В. Виноградовым фразеологические сращения, единства и сочетания, Н.М. Шанский также отмечает четвертую группу – фразеологические выражения, состоящие из слов со свободной сочетаемостью [Шанский, 1985]. Так выделяются две противоположные группы: семантически целостные (сращения и единства) и семантически членимые (сочетания и выражения).

Другая точка зрения представлена лингвистами, полагающими, что к фразеологизмам относятся только группы ФЕ с целостным значением (сращения и единства) [Н.Н. Амосова, В.П. Жуков, А.И. Молотков,

С.И. Ожегов, И.С. Торопцев, И.И. Чернышева и др.]. Узкое понимание объемов фразеологии руководствуется в первую очередь целостностью значения и его немотивированностью в синхронном плане, то есть утратой первоначального лексического значения и изменениями в грамматическом облике слова.

В монголоведении традиционно преобладало «широкое» понимание объемов ФЕ, и при классификации ФЕ всегда учитывались особенности монгольских языков, их образность и метафоричность. В этом плане наибольший интерес вызывает классификация Т. Пагвы [Пагва, 1959, с. 92-93], где устойчивые словосочетания подразделены на идиомы (*овормец хэллэг*) и фраземы (*хэвимэл хэллэг*). Примерами идиом служат такие устойчивые словосочетания как *хөл алдах* (досл. 'потерять ноги') – то есть «суесться, радуясь кому-либо», *ам бузарлах* (досл. 'осквернить рот'), что означает «попросить кого-то, надеясь на помощь, а тот подводит». К фраземам относятся пословицы, поговорки, афоризмы, крылатые выражения. Эта идея нашла свое дальнейшее отражение в трудах Ж. Томорцэрэн, который классифицировал все ФЕ на идиомы, фразеологические единства и фразеологические сочетания. В качестве примеров единств и сочетаний им приводятся поговорки [Томорцэрэн 1974, с. 149].

В рамках данной работы также необходимо отметить классификацию ФЕ, предложенную монгольским исследователем Чой Лувсанжавом, где в качестве основного дифференциального признака разграничения ФЕ выступает цельность значения (как и у отечественных представителей узкого понимания фразеологии). Согласно данной классификации ФЕ делятся на:

1) цельные или законченные (*морь харах* – досл. 'посмотреть коня', то есть «справить нужду», *хазаар гуйлгэх* – досл. 'заставлять бегать уздечку', то есть «заниматься конокрадством»);

2) частичные или незаконченные (более свободные соединения). Например: *цагаан зам* (досл. 'белая дорога'), *цагаан зан* (досл. 'белый нрав'), что означает «нравственность, доброжелательность».

В бурятоведении до последнего времени так же преобладало «широкое» понимание объемов фразеологии. Существует несколько классификаций ФЕ бурятского языка, одной из первых является классификация Т.А. Бертагаева, где на основе структурного аспекта ФЕ делятся на фразеологические сочетания и фразеологические речения (куда входят пословицы и поговорки). Д.Д. Амоголонов делит ФЕ на 3 группы: идиоматические выражения, фразеологические единства, включающие пословицы и поговорки, и собственно фразеологические сочетания [Амоголонов, 1958, с. 216].

Ц.Б. Будаев, Ш-Н.Р. Цыренжапов, основываясь на концепции Шанско-го, выделяют 4 одноименные группы ФЕ, где сращения и единства отличаются критерием мотивированности цельного значения. Фразеологические сращения немотивированы и непроизводны. В качестве примера Ц.Б. Будаев рассматривает выражение *досоомни долоон нохой үхөө*, выра-

жающее понятия о подавленном, тоскливом состоянии. Дословный перевод данной ФЕ 'во мне семь собак подохло' доказывает тот факт, что целостное значение фразеологических сращений не зависит от значений слов, которые их образуют. Ц.Б. Будаев пишет, что в русском языке ему соответствует фразеологизм «На сердце у меня кошки скребут» [Будаев, 1970, с. 11].

Значение фразеологических единств мотивировано и понятно. Немаловажным признаком рассматриваемых устойчивых комплексов является их образность. Наиболее ярким и показательным подтверждением данного тезиса среди примеров, представленных Ц.Б. Будаевым, на наш взгляд, является выражение *халуун шулуу долёохо*. «...вместо необразного сочетания *хамаг бүхы юумэ үзэхэ* ('все испытать') говорим *халуун шулуу долёохо* (досл. 'горячий камень лизать'), что соответствует русскому выражению «пройти огни и воды». Приведем на это пример из связной речи: *Хэды хоноод байхада, Ольга Сергеевна өөрынгөө байдал Сержунда хөөрээжэ үгэбэ. Энээн шэнги халуун улуу долёохон, байдалай бүхы замуудые найтай муутайнь ото ябажа гараан эхэнэр хомор бээ гэхээр*. (Через несколько дней Ольга Сергеевна рассказала Сержуне о своей жизни. Пожалуй, немного можно встретить таких женщин, которые столько испытали (досл. 'лизали горячий камень'), преодолевали все трудные пути, как эта женщина) [Будаев, 1970, с. 13].

Н.П. Дондокова отмечает спорные моменты, касающиеся мотивированной образности некоторых примеров, представленных в работе Ц.Б. Будаева, таких как *нохойн хоншоор* ('морда собаки' – шиповник), *үнэгэнэй нүүл* ('лисий хвост' – щетинник зеленый), которые Ц.Б. Будаев относит к единствам. По мнению Н.П. Дондовой, приведенные примеры следует относить к сочетаниям.

Главным отличием фразеологических сочетаний от фразеологических выражений является критерий связанности употребления слов, входящих в состав оборота. Примером фразеологического сочетания служит выражение *балшыса бариха* (или *балшыса элирүүлхэ*), то есть 'разоблачать, уличить в чем-либо', где слово *балшыса* ('с поличным') имеет связанное употребление, а слова *бариха* ('поймать') и *элирүүлхэ* ('разоблачить') – свободное. Во фразеологических выражениях слова со связанным употреблением отсутствуют. Пример: *суг мүшэн* ('плеяда звезд', досл. 'вместе находящиеся звезды').

Выделение фразеологических выражений служит ответом на наш вопрос относительно пословиц, поговорок, афоризмов и т. д., так как данные выражения относятся к фразеологическим выражениям коммуникативного характера. Например: «*Эрхим баян – эржэм ном*» ('Наилучшее из богатств – знание').

Мы придерживаемся узкого понимания объемов фразеологии, выделяя только три типа ФЕ: сращения, единства и сочетания, исключая пословицы, поговорки, афоризмы из объемов фразеологии. Сращениям, единствам и сочетаниям присущи признаки ФЕ, такие как образность, воспроиз-

водимость, относительная устойчивость компонентного состава и раздельнооформленность. Однако структурно-семантический анализ пословиц, поговорок, афоризмов, несмотря на наличие этих общих признаков, не позволяют нам отнести их к ФЕ. Обзорное освещение данного вопроса мы встречаем в монографии Д. Ш. Харанутовой «Словообразование бурятского языка».

От фразеологизмов пословицы и поговорки отличаются тем, что они имеют структуру и свойства предложения (единицы предикативного характера). В основе их целостного значения лежат не понятия, как у фразеологизмов, а суждения, в связи с чем пословицы и поговорки не обладают лексическим значением, которое присуще фразеологизмам; их общий смысл выражается с помощью предложения, в отличие от фразеологизма, выраженного словом или словосочетанием. Таким образом, их характеризуют смысловая и интонационная завершенность, предикативность, модальность. Пословицы и поговорки выражают отношение высказывания к действительности, которое часто обнаруживается в их дидактической направленности.

Особенность пословиц состоит в том, что они могут быть употреблены и в буквальном, и в переносном смысле. Например, *нюрга руу хүйтэ дааха* – 1. Обдавать спину холодом. 2. Пробежаться мурашкам по спине, букв. ‘спина, по, мороз, поднимать’ [Цыренжапов, 1992, с. 57]. В первом случае эта пословица употреблена в буквальном смысле, а во втором – в переносном. Фразеологизмы лишены такой особенности: они не употребляются в прямом значении, их цельное значение в разной степени сохраняется только в переносном смысле.

В рамках вышеописанного деления ФЕ бурятского языка по трем типам (фразеологические сращения, фразеологические единства и фразеологические сочетания), приведем некоторые примеры из словаря-справочника Т.Б. Тагаровой:

1. Фразеологические сращения

– голһоо яһа ургаха – ‘*руг. букв.* из стержня, аорты кость вырастет. Все пойдет прахом’. Тэдэнэйтнай голһоонь яһан ургажа, гуламтаһаань модон ургажа нэрлэгдэхэ нэрэгүй, нэхэгдэхэ сологүй болохо өөһэдөө амиды мэндэ ябаа һаа, нюдөөрөө үзэхэт гэжэ таанадта үнэн сэхьень хэлэнэм [Х. Намсараев, 1957].

- ехэ бурган һара – ‘*уст.* название третьего весеннего месяца’.

2. Фразеологические единства

- гарай хуули – ‘*букв.* закон руки, рукоприкладство’.

- гартаа дүйтэй – ‘*букв.* в руках с навыком, мастер на все руки’.

- гозон толгой (бэе) – ‘*букв.* одинокая голова, один как перст, бобыль’.

- гэр мал болохо – ‘*букв.* дом, скот становится, пожениться’.

3. Фразеологические сочетания

- гартаа бариха (абаха) – ‘*букв.* в руках держать, держать в руках’.

- гараа (нюдаргаа) зохолхо – ‘*букв.* руки (кулаки) чешутся’.

- бурхан үзэг (хараг) – ‘*букв.* бог пусть видит’.

Такие выражения как *гарайн хамар хэды үргөөшье наа, газар хандан зүдхэдэг* – ‘букв. сколько бы морду свиньи не поднимай, к земле стремиться, рожденный ползать, летать не может’ – выражает не просто характеристику кого-либо или чего-либо, но является целым суждением, образцом народной мудрости, поэтому мы не относим их к ФЕ.

Гэмыннь урдаа, гэмшэлын хойноо – ‘букв. вина впереди, раскаяние позади, сожаление потом приходит’ – также является единицей предикативного уровня и в состав ФЕ не входит.

В заключение следует отметить, что проблемы, касающиеся фразеологии бурятского языка остаются на сегодняшний момент дискуссионными и требующими многоаспектного изучения. Определение объемов фразеологии бурятского языка, включающей в себя фразеологические сращения, единства и сочетания и исключающей пословицы, поговорки, афоризмы и крылатые выражения, на наш взгляд, является наиболее приемлемой.

Литература

1. Амоглонов Д.Д. Современный бурятский язык. – Улан-Удэ, 1958. – 337 с.
2. Будаев Ц.Б. Фразеология бурятского языка – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. – 88 с.
3. Бертагаев Т.А. Об устойчивых фразеологических выражениях // Сборник трудов по филологии. – Улан-Удэ, 1949. – Вып. II. – С. 64–119.
4. Виноградов В.В. Об основных типах фразеологических единиц в русском языке // Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М., 1977. – С. 140–161.
5. Дондокова Н.П. Зоосемические фразеологические единицы бурятского языка: структура, семантика, функции. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2012. – 127 с.
6. Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание. – М.: Просвещение, 1977. – 224 с.
7. Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка. – Л.: Наука, 1977. – 283 с.
8. Тагарова Т.Б. Концептуально-прагматическая характеристика фразеологических единиц бурятской художественной прозы. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2008. – 341 с.
9. Томорцэрэн Ж. Монгол хэлний угийн сангийн судлал. – Улаанбаатар, 1974. 164 с.
10. Цыренжапов Ш.Р. Бурятско-русский фразеологический словарь. – Улан-Удэ, 1992
11. Харанутова Д.Ш. Словообразование бурятского языка. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. госуниверситета, 2012. – с. 270.

Самданова Арюна Цырендондоковна, аспирант ФГБОУ ВПО «Бурятского государственного университета»

Samdanova Aryuna Tsyrendondokovna, postgraduate student, Buryat State University, e-mail: ryuna1810@rambler.ru

УДК 811.512

© Л.Л. Чимитов

**Этнокультурная специфика лексики,
объективирующей представления о пустоте
(на материале бурятского языка)**

Статья посвящена выявлению особенностей осмысления сущности пустоты как фрагмента пространственной картины мира, изучению лексических средств ее объективации на материале бурятского языка.

Ключевые слова: картина мира, языковая картина мира, этнокультурная специфика, концепт, когнитивные слои концепта.

L.L. Chimitov

**Ethno cultural specificity of vocabulary
objectifying representation of emptiness
(on the basis of the Buryat language)**

The article is devoted to identification of peculiarities of understanding of the nature of emptiness as a fragment of the spatial pattern of the world; study of lexical means of its objectification as exemplified in the Buryat language.

Keywords: picture of the world, linguistic view of the world, ethno-cultural specificity, concept, cognitive layers of concept.

На этапе формирования национальных языков знания о мире ограничивались непосредственно воспринимаемой природно-климатической средой, отличающейся от условий обитания других этносов [Корнилов, 2003]. Поэтому лексикализации подвергалась только непосредственно воспринимаемая объективная действительность, а осмысление ее фрагментов осуществлялась с помощью знакомых и понятных реалий, позволяющих объяснить не только наблюдаемые физические явления, но и мир идеальных сущностей.

Анализ лексических средств объективации представлений о пустоте в бурятском языке позволяет увидеть, как происходил процесс восприятия и осмысления мира национальным языковым сознанием.

В картине мира бурят пустота как отсутствие чего-либо в пространстве осмысляется непредставленностью объектов в данном сегменте окружающего мира, что еще раз подтверждает тезис о том, что пространство в бурятском языковом сознании конституируется с помощью объектов, его составляющих. Особенностью репрезентации феномена пустоты в бурятском языке является то, что в его обозначении участвует ряд лексем, актуализирующих разные информативные сигналы данных реалий. Чаще всего используется атрибутивный оператор, эксплуатирующий идею отсутствия чего-либо в объекте атрибуции. Так, по данным толковых и переводческих словарей сема пустоты представлена в семантической структуре следующих лексических единиц: *хиш*, *хунхи*, *хунды*, *хооһон*, *хула* (*сул*) [Бабушкин, 2000; Цыдендамбаев, 1962; Черемисов, 1973].

Вследствие отсутствия этимологических словарей бурятского языка, обращаемся к внутренней форме слов, номинирующих пустоту.

Хии. Наиболее абстрагированное представление о пустоте несет лексема *хии*. В одном из своих значений *хии* переводится как *воздух*: *хии оруулха* `накачать воздух`, а также, «оставаясь без перевода, префиксально употребляется как аналитическое прилагательное с некоторыми существительными, которые обозначают тела, содержащие воздух, и образует бинарные сочетания, переводимые по значению второго члена пары: *хии агаар* `воздух1; *хии агаарые хахазураха* `рассекать воздух` (при быстром движении); *хии хуй* `вихрь, небольшой смерч`; *хии халхин* `небольшой ветер`; *хии ханяадан* `бронхит`» [Черемисов 1973, с. 569].

Таким образом видно, что *хии*, соотносясь с воздухом, обозначает невидимую субстанцию, характеризующуюся подвижностью, которую можно почувствовать, увидеть результаты его движения. Воздух как показатель пустоты представляет максимальную абстракцию, которую могла предоставить донаучная языковая картина мира бурят.

Хии означает также *зря, попусту, впустую, напрасно*: *хии халаха* \approx попадать впросак (букв. зря пропадать); *хии хаяһан сагни хайрамтай* жаль (зря) потраченного времени [Черемисов]. Значения *зря, попусту, напрасно* выражаются в бурятском языке также лексемой *тала* `степь`, которая обозначает незаполненное пространство, пустоту: *дэмы талаар* попусту (букв. напрасно, стороной), *хии талада* впустую (букв. в пустоту, в сторону) [Бардамова, 2011, 152].

Хунхи. Первоначальное значение лексемы *хунхи* (изначально *мульһэнэй хунхи* (букв. пустота льда) – пустота подо льдом, корка льда с пустотой под ним [Черемисов 1973, с. 622]. Когда лед трескается, вода выходит на его поверхность и начинает замерзать, образуя новую тонкую корку льда, и, если в это время нижний слой льда поднимается, вода уходит обратно, оставляя после себя пустую полость. При ходьбе по этому тонкому слою пустая полость резонирует и издает специфический громкий и звонкий скрипящий звук. Эта акустическая особенность переносится и на другие сферы, и *хунхи* начинает обозначать полость в таком предмете, который может издавать звук при ударе по нему, грохотать, как например: железная бочка, жестяное ведро и т.п. В бурятском языке выделяется словообразовательное гнездо лексемы *хунхи*: *хунхинэхэ* `грохотать, греметь, гудеть, издавать гул`, *хунхинуулхэ* `вызывать гул`, *хунхинүүр* `гулкий`, *хунхинэмэ* `гулкий, громогласный`, *хунхинэсэ(р)* `гулко, громко с грохотом; со звоном`, *хунхинөөн* `гудение, гул, грохот; звон`, *хунхеэтэй* `гулкий, громкий`, *хунхеэтэйгээр* `гулко, громко` [Черемисов 1973, с. 623].

Хунды. В отличие от *хунхи* лексема *хунды* обозначает полости в таких предметах, которые не могут издавать гул, не могут греметь и грохотать, если по ним ударить: *хунды хирпиисэ* `полый кирпич`, *хундыэшиэтэй мангир* `лук с полым стеблем`, *хунды сорго* `полая труба`, *хунды уляаһан* `полая осина`, *хунды сээжэ* `грудная полость`, *модоной хунды* `дупло дерева`, *шэрээгэй хунды* `ящик стола`. Акустические характеристики номини-

руемых данными словами предметов передаются фонетическим обликом самих лексем. Так, имея сходную структуру, они отличаются окончаниями: [ŋ]хи отображает языковую фиксацию долгого звонкого и громкого звука (ср. бурятское *хонхо* / хо[ŋ]хо – ‘звон, звонок’, ‘колокольчик’), а [н]ды— приглушенного краткого звука.

Хооһон. Прилагательное *хооһон* в бурятском языке является полисемантом, практически эквивалентным русскому прилагательному *пустой*. Не являясь производным словом, *хооһон* в бурятском языке имеет значение, семантически идентичное русскому эквиваленту. Так же, как и в русской картине мира, пустота в бурятской картине мира воспринимается и как пространство (*хооһон газар* ‘пустая земля’) и как вместилище (*хооһон амһарта* ‘пустая посуда’). Можно утверждать, что единственной этимологией прилагательного *хооһон* является настоящее значение слова. В бурятско-русском словаре К.М. Черемисова многозначное слово *хооһон* имеет семь значений, каждое из которых, в свою очередь, обогащается оттенками значений, расширяя тем самым семную структуру слова: 1) пустой, порожний; *хооһон газар* ‘пустое место’; *хооһон амһарта* ‘пустая посуда’; *хооһон мори тэргэ* ‘пустая (то есть негруженная) телега’; 2) пустынный; 3) голодный; *хооһон нойтон* ‘очень голодный’; 4) *тех. воен.* холостой; *хооһон һомо* ‘холостой патрон’; 5) бедный; *хооһон ядуу* ‘бедный, бедняк’; 6) *перен.* пустой; *хооһон найдуулга*, *хооһон үгэүгэлгэ* ‘пустое обещание’; 7) *перен.* голый, сплошной, один только; *мание хооһон гараараа абахагүйш* ‘нас голыми руками не возьмешь’ [Черемисов 1973, с. 587-588].

При дефиниционном анализе нами использован бурятско-русский словарь К.М. Черемисова как наиболее полно зафиксировавший семную структуру полисеманта. Также была проведена обработка корпуса художественных текстов с целью выявления «новых» сем, не зафиксированных в словарях, но актуализирующихся в речи.

Так как в бурятском языке нет абстрактного понятия *пустота*, семная структура бурятского полисеманта сформирована по аналогии с русским концептом и представлена следующим образом:

	Словарные дефиниции	Семы
1	пустой	’отсутствие содержимого’ ’отсутствие объектов в представленном пространстве’
2	пустынный	’отсутствие людей’
3	(о земле) неиспользующийся	’отсутствие следов человеческой деятельности’
4	Бездеятельный	’отсутствие деятельности’
5	холостой, незаряженный, один только	’отсутствие важного, значимого компонента’
6	порожний	’отсутствие ноши’
7	голый, сплошной	’бесплезность, безрезультатность’
8	бедный, голодный	’голодная жизнь, бедность’

Л.Л. Чимитов. Этнокультурная специфика лексики, объективирующей представления о пустоте (на материале бурятского языка)

9		'отсутствие чувств, мыслей'
10		'бессмысленность, бессодержательность'
11		'отсутствие интересов, отсутствие цели'
12		'отсутствие ценности'

Таким образом, в результате этимологического анализа рассматриваемой лексемы, анализа словарных дефиниций выделяются шесть когнитивных слоев концепта:

1. Когнитивный слой *ПРОСТРАНСТВО*. Номинация пустого пространства осуществляется с помощью атрибутивных слов, квалифицирующих объект номинации по признаку пустоты: пустыня '*сул губи*' (букв. слабая земля); пустырь '*хооһон (хи) талмай*' (или *газар*) (букв. пустое место, пустая земля); пустошь '*хооһон газар, эзэггүй газар*' (букв. пустая, бесплодная земля); пустыня '*холо хээрын сүмэ*' (букв. монастырь в отдаленной местности). Словосочетанием *сул губи (газар)* в бурятском языке обозначалась не пустыня в традиционном понимании (какой она представляется в русской картине мира), а скудная земля, бесплодная, с малой растительностью, т.е. пустая: *сул* (фонетический вариант *һула*) 'слабый, бесплодный, скудный'.

Восприятие и оценка пространства земли в данном случае обусловлены характером хозяйственной деятельности бурят, основой которого являлось кочевое скотоводство, определившее различие пригодных и непригодных отгонных пастбищ для домашних животных. Необходимость постоянной миграции в поисках корма для скота обуславливает дифференциацию земель, отвечающих витальным потребностям, – *баян гол*, и наделение отдельных участков признаком бесполезности – *сул губи*. Для обозначения пустого пространства, не обремененного знаком предназначения, используется словосочетание *хооһон талмай* (или *газар*), обозначающее *пустырь*.

2. Когнитивный слой *ВМЕСТИЛИЩЕ*. Данный когнитивный слой отличается от эквивалентного когнитивного слоя русского концепта тем, что включает в себя когнитивный слой *ПОЛОСТЬ*. Согласно этимологическому и дефиниционному анализу объективация пустоты как вместилища и как полости представлена лексемами *хооһон, хунхи, хунды*, при этом *хооһон* констатирует факт отсутствия содержимого в представленном объекте номинирования, а *хунхи* и *хунды* помимо констатации факта, актуализируют акустические признаки пустого предмета. *Хооһон* номинирует только такие объекты, которые представляют собой сосуд, вместилище, полости данная лексема номинировать не может. *Хунхи* и *хунды* объективируют как полости, так и вместилища.

В бурятском языковом сознании дифференциация признака «представляет собой сосуд / не представляет собой сосуд» происходит более сложным способом, чем в русском языке, что проявляется в лексической сочетаемости лексем, номинирующих пустой предмет: *хооһон торхо, хунхи торхо, хунды торхо*. *Хооһон торхо* обозначает пустую бочку в целом, не указывая на дополнительные признаки; словосочетанием *хунхи*

торхо обозначается пустая железная бочка или из любого другого материала, издающего звон при ударе по нему, а *хунды торхо* – это деревянная бочка, бадья, либо любая хозяйственная посуда из дерева. *Хоохон* в данном когнитивном слое употребляется по отношению только к пустому сосуду, *хунхи* и *хунды* – по отношению и к пустому сосуду, и к какой-либо полости. Обозначая полое пространство, *хунхи* и *хунды* не являются полными синонимами. *Хунхи* обозначает полость в таком предмете, который может издавать звук при ударе по нему, грохотать: железная бочка, жестяное ведро и т. п.

3. Когнитивный слой *БЕЗЛЮДЬЕ*. Данный когнитивный слой представлен в бурятском языке малым количеством примеров употребления: *хоохон үйлсэ, хоохон гэр, хоохон хорёо*, которые показывают, что безлюдными в бурятской картине мира можно называть только искусственные, созданные людьми жилища или другие постройки, связанные жизнедеятельностью человека. Природные объекты не номинируются таким образом, поскольку в картине мира бурят человек не занимает господствующее положение над природой – он всего-лишь один из «кирпичиков» мироздания, что подтверждается менее выраженным антропоцентрическим характером бурятского языка. Принадлежащие когнитивному слою *ПРОСТРАНСТВО* лексемы *пустыня, пустырь, пустошь* и *пустыня* или *пустынь*, характеризующиеся семой 'безлюдный', при переводе на бурятский язык утрачивают данную сему: *пустыня* 'сул губи' (букв. слабая земля); *пустырь* 'хоохон (хиш) талмай (или газар)' (букв. пустое место, пустая земля); *пустошь* 'хоохон газар, эзэггүй газар' (букв. пустая, бесхозная земля); 'пустыня' 'холо хээрын сүмэ' (букв. монастырь в отдаленной местности).

4. Когнитивный слой *КАЧЕСТВО ЛИЧНОСТИ*. Как и в русском языке, пустота номинирует человека, его качества отрицательным образом. В процессе характеристики человека употребляются лексемы *хоохон* и *хиш*: *хоохон тархитай хун* 'человек с пустой головой', *хоохон сэдхэл* 'пустая жизнь' (букв. пустая судьба). Наличие сем 'бессодержательный, пустой, напрасный' позволяет *хиш* участвовать в качестве аксиологического оператора и в номинациях, характеризующих человека, не отвечающего общепринятым предписаниям регуляции поведения: *хиштэй* 'безумный, легкомысленный' (букв. наполненный пустотой), *хиирэхэ* 'сходить с ума, беситься', *хиирэлгэ* 'сумасшествие, психоз'. В данных случаях производные от *хиш* демонстрируют отрицательную коннотацию и становятся маркерами отсутствия полноты качеств в человеке или отклонения от установленных норм.

5. Когнитивный слой *ЦЕННОСТНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА*. Языковым сознанием для номинации ничем не заполненного пространства выбирается *хиш*, основным семантическим признаком которой является *воздух*: ср., *хиш оруулха* 'накачать воздух'. Воздух как показатель пустоты представляет максимальную абстракцию, которую могла предоставить донаучная языковая картина мира бурят. Анализ содержания метафориче-

ских полей пустоты, объективированной *хиш* 'воздух', показал дальнейшее продуцирование семы 'бессодержательный', 'пустой', 'напрасный'. В результате семантической транспозиции *хиш* актуализирует отрицательную оценку, основанную на ассоциативных представлениях о внутреннем смысле чего-либо: *хиш найдуулга* – 'пустые обещания', *хиш ханаан* – 'пустая мечта', *хиш угэ* – (букв. пустые, как воздух, слова, ср. с русским *бросать слова на ветер*), *хишхоохон ном* – 'пустая книга, бессодержательная', *хишхэрэг* – 'пустая затея (букв. пустое дело)'.

В бурятском языке с лексемой *хиш* связаны также ассоциации о бесполезных действиях, не принесших ожидаемого результата, например: *хишхалаха* 'попадать впросак (букв. зря пропадать)'; *хиш хаяхан сагни хайрамтай* 'жаль (зря) потраченного времени'. Идея безрезультатности актуализируется также лексемой *тала* 'степь', которая обозначает неосвоенное людьми пространство, противопоставленное человеческому жилью: *дэмы талаар* попусту (букв. напрасно, стороной), *хиш талада* впустую (букв. в пустоту, в сторону).

6. Когнитивный слой **ГОЛОДНАЯ ЖИЗНЬ, БЕДНОСТЬ**. Наличие данного когнитивного слоя в бурятском языке детерминировано исторической общественной ситуацией, когда существовало деление на богачей (нойонов) и бедняков (батраков). Так как в бурятской культуре существовал обычай всегда потчевать гостей, эта дифференциация проявлялась особенно заметно, потому что бедный человек не мог предложить что-либо кроме пустой посуды (*хоохон амһарта*). Также бедняк характеризовался наличием пустой котомки (*хоохон үргэбиэ*). Таким образом, первичные образы пустой посуды и пустой сумы переносятся на образ жизни голодающего бедняка и начинают номинировать его самого: *улэн хоохон хүн* – 'бедняк, голодающий человек'.

Таким образом, в результате анализа словарных дефиниций было выделено 13 сем бурятского полисеманта *хоохон*. Этимологический и дефиниционный анализ позволил выделить шесть когнитивных слоев бурятского концепта: 1) пространство, 2) вместилище, 3) безлюдье, 4) качество личности, 5) ценностная характеристика, 6) голодная жизнь бедность. Специфика вербализации пустоты в бурятском языковом сознании обусловлена традиционным видом хозяйственной деятельности. Исторические условия развития определенным образом формируют языковую систему, формируя тем самым определенную систему представлений об окружающей действительности, т. е. национальную картину мира.

Анализ лексического материала показывает, что вербализация абстракции пустоты в бурятской языковой картине мира обнаруживает ярко выраженную неоднородность образов, участвующих в вербализации данной абстракции. В широком понимании концептуализация пустоты протекает в направлении осмысления значимости сегмента пространства с точки зрения функциональности места для проживания и продолжения рода. Для актуализации признака незаполненности, т. е. пустого пространства, язык эксплуатирует целый ряд ассоциативных транспозиций:

- 1) визуальный – отсутствие содержимого в пространстве или вместилище (*хооһон*);
- 2) аудиальный – способность/неспособность вместилищ, сосудов и полостей издавать громкие звонкие звуки (*хунхи, хунды*);
- 3) перцептивный – воздух (*хиш*) как показатель пустоты;
- 3) аксиологический – пригодность/непригодность для прокорма скота (*сул губи*);

Литература

1. Бардамова Е.А. Время в языковой картине мира бурят. – Улан-Удэ : Изд. Бурят.гос. университета, 2011. – 198 с.
2. Бардамова Е.А. Пространство в языковой картине мира бурят. – Улан-Удэ : Изд. Бурят.гос. университета, 2011. – 200с.
3. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. 2-е изд., испр. и доп. / О. А. Корнилов. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.

Источники:

4. Бабушкин С. М. Бурятско-русский и русско-бурятский словарь / С. М. Бабушкин :Бурят.гос. ун-т. – 3-е изд., дораб. – Улан-Удэ, 2000. – 448 с.
5. Цыдендамбаев Ц. Б. Русско-бурятский словарь / Ц. Б. Цыдендамбаев, М. Н. Имехенов : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей. – М.: 1962. – 618 с.
6. Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь. – М.: Сов. Энциклопедия, 1973. – 804 с.
7. Корпус бурятского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://web-corpora.net> (20 сент. 2013).

Чимитов Лубсан Лазаревич, аспирант ФГБОУ ВПО «Бурятского государственного университета»

Chimitov Lubsan Lazarevich, postgraduate student, Buryat State University, e-mail: lubsan_chimitov@mail.ru.

РУСИСТИКА

УДК 811.161.1 (81'246.2)

© Т.Е. Жерноклетова

Коммуникативная организация констатирующих типов речи (на материале художественной литературы)

Статья посвящена исследованию специфики тема-рематических моделей констатирующих текстов, разграничению понятий «тема и рема» и «топик и комментарий».

Ключевые слова: описание, повествование, тема, рема, топик, комментарий.

T.E. Zhernokletova

Communication model ascertains types of speech

The article is devoted to the theme-rheme models ascertain texts, distinction between "theme and rheme" and "topic and comment."

Keywords: description, narrative, theme, rheme, topic, comment.

Проблема типологии речи в языкознании представляет большой интерес, потому что она связана с изучением речи в ее целостных разновидностях. Изучение констатирующих типов речи невозможно без определения их коммуникативной организации [Хамаганова, 2006, с. 15]. Являясь основными категориями коммуникативной структуры предложения, «тема» и «рема» отражают предмет сообщения и содержание сообщения говорящего. «Тема-рематическое устройство высказывания» находит реализацию в категориях актуального членения «не только на уровне высказывания-предложения, но и на уровне высказывания-текста» [Хамаганова, 2006, с. 20].

В науке выделяют следующие варианты связки темы и ремы на уровне высказывания-текста [Козлов, 2005]:

- 1) пучок (к теме крепится несколько рем);
- 2) чередование (тема продолжается ремой, которая становится темой для следующей ремы);
- 3) повтор с новым содержанием (связка тема – 1 – рема 1 в следующем предложении повторяется, но не буквально, а дополняясь новыми смысловыми нюансами);
- 4) детализация (рема, раскрывается как целое поле более мелких тем и рем);
- 5) укрупнение (длинные связки тем и рем воспринимаются как новое целое и становятся темой – 2 для новой ремы – 2);

Применяя эти знания, рассмотрим констатирующие тексты с точки зрения тема-рематического членения. Рассмотрим описательные тексты.

«Вдоль оврага (тема 1) / – пять-шесть сосновых изб с тесовыми крышами (рема 1). Над каждой крышей (рема 1=тема 2) высокий шест скворечницы (рема 2).....»

(Тургенев. Деревня)

Текст представляет собой описание местности. Тема 'овраг' продолжается ремой (указанное в тексте), которая становится темой для новой ремы. Отметим, что не вся рема перетекает в тему. В состав ремы обязательно входит «опорный компонент» - слово или словосочетание (в приведенном тексте 'крыша') и именно он становится темой для новой ремы.

Схематично это выглядит так:

Тема1 – Рема 1(= Тема 1) – Рема 2
(чередование)

Приведем еще один текст описание-пейзаж:

«На площади (тема 1 общая) / серая густая толпа (рема 1). В рядах (тема 2) / – лошади, мундиры с разными номерами погонов (рема 2). На голову выше армейцев-казаков, как гуси голландские среди мелкорослой домашней птицы, похаживали в голубых фуражках (рема 3) / атаманцы (тема 3)»

(Шолохов. Тихий дон)

В этом описательном тексте статичный объект (площадь) раскрывается рядом признаков. Тема 'площадь' является общей для всего сложного синтаксического целого. Это «гипертема» [Хамаганова, 2006, с. 21]. Рема 1(словосочетание «серая густая толпа») в тексте раскрывается как целое поле мелких тем и рем.

Тема-рематическая организация этого текста имеет следующий вид:

Тема 1 – Рема 1
 / \
 Т2-Р2 Р3-Т3
 (детализация)

В следующем описании-интерьере представлен другой вариант связи тем и рем в описательном тексте:

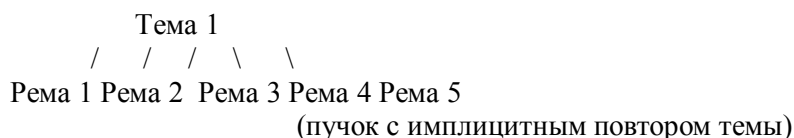
«Мебель <...> (тема 1) / состояла из дивана с огромною выгнутою деревянною спинкой, (рема 1) / круглого стола овальной формы перед диваном, (рема 2) / туалета с зеркальцем в простенке, (рема 3) / стульев по стенам (рема 4) / да двух трех грошовых картинок в желтых рамках (рема 5)»

(Ф.М. Достоевский. Преступление и наказание)

К теме 'мебель', которая является гипертемой в этом сложном

синтаксическом целом, крепится несколько рем.

Схематично это можно представить так:

Отметим, что гипертема в этом тексте имплицитно повторяется перед каждой ремой. Такую тема-рематическую организацию текста мы будем называть «пучок с имплицитным повтором темы». Описательный текст может быть представлен «пучком с эксплицитным повтором темы».

Описание-портрет, как правило, строится на «детализации». В описании-характеристике часто встречается другой вариант связки тем и рем в тексте – повтор с новым содержанием:

«Степан Аркадьич (тема 1) / был человек правдивый в отношении к самому себе. (рема 1) Он (тема 2) / не мог обманывать себя и уверять себя, что он раскаивается в своем поступке (рема 2)»

(Толстой. Анна Каренина)

Связка Тема-1 – Рема 1 в следующем предложении повторяется, но не буквально, дополняясь новыми смысловыми нюансами.

Схема:

Тема 1 (=Тема 2) – Рема 1 (=Рема 2)
(повтор)

В ходе исследования было обнаружено, что описательные тексты могут иметь «смешанную» тема-рематическую структуру.

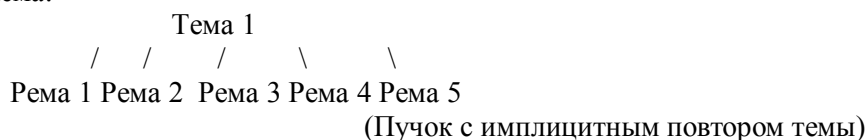
Рассмотрим повествовательные тексты:

«Я (тема 1) / спал дурно (рема 1) и / на другое утро встал рано, (рема 2) / привязал походную котомочку за спину (рема 3) и, / объявив своей хозяйке, чтобы она не ждала меня к ночи, (рема 4) / отправился пешком в горы, вверх по течению реки, на которой лежит городок З (рема 5)».

(Тургенев. Ася)

Сложное синтаксическое целое представлено повествованием и объединено гипертемой 'я' (говорящий). Наблюдается смена событий, действий говорящего. К гипертеме крепится несколько рем, образуя «пучок с имплицитной повтором темы». Это наиболее распространенная тема-рематическая модель повествовательного текста.

Схема:

В повествовании может быть представлен «пучок с эксплицитным повтором темы». В повествовании можно наблюдать «смешанную» тема-рематическую организацию текста.

Понятия «тема» и «рема» часто соотносят с понятиями «топик» и «комментарий» (С.А. Томпсон, У.Чейф и др.). Топик и комментарий можно обнаружить в пределах сложного синтаксического целого, представленного констатирующими типами речи.

Рассмотрим ранее приведенный пример описательной речи:

«На площади (тема 1 общая) / серая густая толпа (рема 1). В рядах (тема 2) / – лошади, мундиры с разными номерами погонов (рема 2). На голову выше армейцев-казаков, как гуси голландские среди мелкорослой домашней птицы, похаживали в голубых фуражках (рема 3) / атаманцы (тема 3)»

(Шолохов. Тихий дон)

Логико-смысловой основой описательного текста является актантное ядро [Хамаганова, 2002, с. 43]. В этом описании топиком является гипертема. В первом предложении сообщается то, о чем пойдет речь. Намечается событийное направление развертывания высказывания. Устанавливаются пространственные рамки. Далее следует комментарий (состоящий из тем и рем), который представлен актантами структуры пространства (*в рядах*) и предметными актантами (*лошади, мундиры, атаманцы*).

В повествовательной речи топик совпадает не только с гипертемой, но и с подлежащим:

«Я (тема 1) / спал дурно (рема 1) и / на другое утро встал рано, (рема 2) / привязал походную котомочку за спину (рема 3) и, / объявив своей хозяйке, чтобы она не ждала меня к ночи, (рема 4) / отправился пешком в горы, вверх по течению реки, на которой лежит городок З (рема 5)».

(Тургенев. Ася)

Топик-подлежащее в этом сложном синтаксическом целом – «я». Все действия субъекта есть комментарий (пучок рем). Поскольку логико-смысловой основой повествовательного текста является предикатное ядро, то комментарий представлен предикатным ядром (*спал, встал, объявив, отправился*).

Таким образом, нами были выявлены разные тема-рематические модели описательного текста. Среди них: детализация, пучок (с имплицитным и эксплицитным повтором темы), чередование, а также повтор с новым содержанием. В художественных текстах встречаются смешанные варианты тема-рематической связи. Характерной моделью повествовательного текста является «тема-рематический пучок» либо с эксплицитным, либо с имплицитным повтором темы. Понятия «топик и комментарий» и «тема и рема» представляются нам не эквивалентными. Топик и комментарий оказываются шире темы и ремы. Иными словами, тема и рема – вторичны. Топик и комментарий – универсальные лингвистические категории. В констатирующих текстах топик – есть гипертема, на основании которой выделяется сложное синтаксическое целое. В повествовании топик совпадает не только с гипертемой, но и с подлежащим.

Литература

1. Козлов Н.И. Энциклопедия практической психологии. – 2005. эл. ресурс www.psychologos.ru/articles/view/tema_i_rema.
2. Ли Ч.Н., Томпсон С.А. Подлежащее и топик. Новая типология языков / Ч.Н. Ли, С.А. Томпсон // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 11. – Москва: Прогресс, 1982.
3. Хамаганова В.М. Параметры анализа художественного текста: учеб. Пособие. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2006.- С. 15-21.
4. Хамаганова В.М. Структурно-семантическая и лексическая модель текста типа «описание» (проблемы семиотики и онтологии): автореф. дис. ... д-ра филол. наук; Московский пед. гос. ун-т. – Москва, 2002. – 43 с.
5. Чейф У. Данное, контрастивность, определенность, топики и точка зрения / У. Чейф // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 11. – М., 1982.

Жерноклетова Татьяна Евгеньевна, аспирант ФГБОУ ВПО «Бурятского государственного университета»

Zhernokletova Tatyana Evgenievna, postgraduate student, Buryat State University, e-mail: gte0209@mail.ru

УДК 811.161.1 (003.349.3)

© *А.П. Майоров*

Историческая динамика номинации документов в деловом языке XVIII в.

В статье рассматривается характер изменений в системе документационной терминологии русского языка XVIII века. На материале названий регистрационных документов прослеживается варьирование номинации документов, динамика лексико-семантических отношений между иноязычными терминами и исконными названиями документов, находящимися в синонимических связях.

Ключевые слова: деловой язык XVIII в., регистрационные документы, варьирование, синонимы, иноязычные термины, номинация.

A.P. Mayorov

Historical dynamics of the paper's nomination in the business language of the XVIII c.

This article discusses the nature of changes in the system of russian documentary terminology of XVIII century. Names of registration documents allow to observe variation of designating documents, the dynamics of lexical-semantic relations between the foreign words and original names of documents that are in the synonymous relations.

Keywords: business language of the XVIII century, registration documents, variation, synonyms, foreign-language terms, the designating

Кардинальные изменения в судьбе русского языка, произошедшие в начале XVIII в., затронули и деловой язык. Вслед за реформой Петра I

административно-государственного аппарата, делопроизводства коренным образом стала меняться система наименований документов. В процессе видоизменения отдельных жанров документов использовались разные способы номинации: при обозначении новых видов деловых бумаг известные исконные термины могли получать новые значения, особой популярностью пользовались заимствованные иноязычные слова, в ходу были составные наименования и т.п. В результате в канцелярском языке могли накапливаться синонимические обозначения документов одного и того же предназначения: например, просительные документы, имея незначительные в функциональной направленности различия, к концу столетия могли называться *челобитная*, *доношение*, *объявление*, *прошение*, *просьба* [Подробнее см. Майоров, с. 43].

В дальнейшем, во второй половине XVIII столетия, динамика жанровой системы документов продолжала развиваться: в соответствии с общей пуристической тенденцией в литературном языке актуальной в деловом языке становится замена иноязычных наименований определенных жанров на русские (термин *промемория* заменяется книжным словом *сообщение*, *инструкция* уступает место *наставлению*). Актуализация русскоязычных терминов наряду с заимствованными наименованиями во второй половине столетия могла вызвать семантическую дифференциацию используемых в деловом языке синонимов.

Изменения в системе наименований документов поддерживались иным принципом оформления деловых бумаг XVIII в.: в отличие от приказной традиции в канцелярском делопроизводстве XVIII в. в подавляющем большинстве случаев было принято использование самоназвания документа, что, очевидно, способствовало более четкой организации делопроизводственной практики. Об этом свидетельствует внимание канцелярских чиновников к упорядочению расположения тех или иных элементов формуляра, в том числе самого наименования документа. В деловых бумагах нового времени стало осуществляться выделение элементов адресата и адресанта в отдельные реквизиты документа с их определенным месторасположением. Отметим также новшество всех канцелярских бумаг – обязательно указывалась дата получения документа, что предписывалось делать специальным указом от 15 февраля 1717 г. «Об означении во всяких бумагах года, месяца и числа».

В данной статье рассматривается группа документов, в номинации и функциональных видоизменениях которых прослеживаются все вышеперечисленные процессы.

В изучении процесса делопроизводственной номинации исследуемого периода особый интерес представляет *книга* как наименование жанра регистрационной документации, пришедшей в XVIII в. на смену столбцу XVII в.

Жанровая картина книги как самостоятельного документа представлена многочисленными разновидностями, состав и структура которых определялись в зависимости от характера производимой регистрационной

операции. Это всевозможные книги записей, книги городские обывательские, таможенные, приходные, переписные, доимочные, земские, сборные, ужинные, умолотные, опытные, квитанционные, окладные и др.

Книжная документация имела длительную, со своими сложившимися особенностями традицию, укреплявшуюся ежедневной практикой. В петровское время был разработан особый устав, в котором регламентировались требования к содержанию книг, перечислялись их номинации и основные функции [Реформы, с. 128-129]. Например, в главе XLIII «О Книгах при конторах» даются следующие указания:

Книги при конторах надлежит тако ж чисты и порядочны, как в канцеляриях содержаны быть, и следуют оные по порядку их. В первой книге записываются все указы (грамоты), письма, мемориалы, которые от его царского величества, також из сената, или от коллегии, губернаторов, воевод и других служителей, или частных подданных в коллегиям присылаются, и от коллегии в конторы отдаются. В помянутой книге записано на одной стороне персоны и дела, а на другой, когда дело пред коллегием слушано, и что о том решено, наперед алфавитной реэстр (оглавление) делам и персонам <...> Пятое, имеет росписочная книга в конторе быть таким образом, как при канцеляриях на все книги и документы, которые к его царского величества службе из конторы выдаются на время. Шестое, имеет в конторе книга резолюции обретатися, в которой его царского величества уставы, резолюции, регламенты, инструкции и прочия, которые хотя оные друкованием, или письменно опубликованы, переплетены, и во отправление дел за правило приняты быть имеют <...> Еще сие при сем ведать надлежит, что камор-шрейберы все вышепомянутые книги в конторах сверх ординарного своего дела сочинять, и об оных старание иметь должны [Реформы, с. 128-129].

Таким образом, тексты книг создавались по определенным нормам, шаблонам, следовали установленным образцам. Каждая структурная часть включала набор обязательных формул: начальный протокол содержал сведения о составителе/писце документа, дату составления документа; содержательная часть представляла собой перечень каких-либо действий, событий; формула конечного протокола в исследуемых источниках не представлена. Формулярные составляющие следовали в достаточно строгой последовательности, четко организуя структуру документа.

В XVIII в. слово *книга* употреблялось в анализируемых памятниках деловой письменности в двух значениях: '1. совокупность переплетенных вместе листов с печатным или рукописным текстом' и '2. тетрадь для деловых записей, регистрации кого – , чего-л. по определенной форме' [Сл. XVIII, вып.10, с. 68].

Например, в первом значении: *В третьем сундучке книг печатных книга библия московской печати*

книга Баронию ж вторая часть...(1731 г.) [ПЗДП, с. 133].

... надворному советнику Марковскому дать предложение коим предписать, чтоб он из числа трех человек семинаристов приготавливаемых в

учители избрал одного и снабдил из здешней библиотеки достаточным количеством книг... (1793 г.) [ПЗДП, с. 51].

Второе значение у анализируемого слова в отличие от первого являлось в течение столетия более регулярным:

И дабы высочайшим вашего императорского величества указом повелено было сие мое прошение в Московскои полицымеистерскои канцелярии принят и записат в книгу впрел для ведома (1747 г.) [ПМДП, с. 179].

Книга того ж Троицкого Селенгинского монастыря записная товарного приходу данная из иркутского приказу... (1736 г.) [ПЗДП, с. 151].

Четвертое, надлежит записная книга учинена быть, в которой имеют все дела и книги записаны быть, которые в конторе были... [Реформы: 1937, с. 128].

Друга книга имеет быть готовая мемориальная, в которой его царскому величеству в сенат, к другим коллегиям, губернаторам, воеводам, к прочим отправленные дела записываются [Реформы, с. 128].

Те или иные жанровые разновидности книжной документации получали, как правило, несколько вариативных наименований, и варьирование номинации в этом случае выступает важным признаком динамических процессов в становлении делопроизводственной терминологии. Так, регистрационные документы на протяжении длительного времени в восемнадцатом столетии могли называться *регистрационная книга / книга записей / мемориальная книга / мемория / журнал*. Особо здесь стоит остановиться на иноязычных наименованиях регистрационного документа: их история позволяет проследить некоторые тенденции в динамике номинации документов того периода. В частности, термин *мемория*, выступающий первоначально в качестве абсолютного синонима указанных других трех номинаций, дает возможность представить характер конкуренции синонимических средств в русском языке той эпохи.

Слово *мемория* входит в активный обиход русского языка с 1700-го года. Изначально оно выступает как многозначное слово, имея значения 'запись для памяти', 'книга записей', 'докладная записка, доношение' и 'сочинение на какую-л. тему' [Сл. XVIII, вып. 12, с. 127]. Впрочем, оно скоро не выдерживает соперничества с упомянутыми другими наименованиями регистрационных документов и в этом значении во 2-й половине столетия практически не используется. Составное наименование *мемориальная книга* также в этот период уже мало употребительно. Возможно, в формирующейся строгой таксономической системе делопроизводственной терминологии отдавалось предпочтение выражению родо-видовых отношений между регистрационными документами посредством термина *книга* как общего наименования и составных наименований разновидностей этих документов, включающих тот же термин в сочетании с прилагательным характеризующим его видовую принадлежность (*записная книга*).

К рассматриваемой группе наименований регистрационных документов по функциональному назначению примыкает иноязычный термин *журнал*.

В литературном языке XVIII в. слово *журнал* употреблялось в значениях ‘книга подневных записей’ и ‘повременное издание’ [Сл. XVIII, вып. 7, с. 148]. Характерно, что в региональном узусе слово *журнал* было способно развивать свою семантику дальше; так, в языке забайкальской деловой письменности XVIII в. оно выступало в значении ‘протокольная запись заявления истца и решения из указа по расследованному делу’ [Сл.з.аб., с. 141].

Параллельное существование двух синонимов *журнал* – *записка*, с одной стороны, и многозначность термина *журнал*, с другой, приводит в конце столетия к вытеснению лексемы *журнал* в значении ‘записка’ лексемой *записка*, которая с течением времени начинает употребляться в составных наименованиях *журнальная записка*, *повседневная записка*, *докладная записка* и др.

Тем не менее лексема *журнал* во второй половине XVIII в. полностью из употребления не выходит и продолжает использоваться в отмеченных в [Сл. XVIII] двух значениях.

Аналогичный процесс конкуренции иноязычного термина с исконным наименованием демонстрирует история взаимоотношений терминов *доношение* и *мемориал* как синонимичных названий докладной записки. Термин *мемориал*, появившийся в русском языке в первой четверти восемнадцатого столетия, употреблялся в значениях ‘дипломатический документ, излагающий точку зрения правительства по какому-л. вопросу’, ‘докладная записка, доношение’, ‘памятные записки’, ‘сочинение, излагающее историю или содержание какого-л. дела, вопроса’ [Сл. XVIII, вып. 12, с. 127].

Употребление термина *мемориал* в значении ‘докладная записка, доношение’ сближало его с термином *доношение*. Отношения между ними были сложными, поскольку семантика слова *доношение* в исследуемую эпоху была нестабильной, подвижной. В первой четверти XVIII века *доношением* мог называться просительный документ частного лица, близкий по назначению и формульному составу к челобитным и прошениям, и в то же время термин *доношение* мог служить наименованием отчетного документа должностного лица.

Как название отчетно-исполнительного документа термин *доношение* дублировал термин *рапорт/репорт*, получивший распространение с 30-х гг. XVIII в. Многозначность наименования документа и неопределенность его функций устраняются только лишь к концу столетия, когда за *доношением* окончательно закрепляется функция просительного документа.

Актуализация русскоязычных терминов наряду с заимствованными наименованиями во второй половине столетия могла вызвать семантическую дифференциацию используемых в деловом языке синонимов в результате *доношение* в знач. ‘прошение в официальную инстанцию’, полу-

чившее широкое распространение во всех сферах применения делового языка 2-й половины XVIII в., вытесняет из делопроизводственного обихода термин *мемориал*. В связи с этим, иноязычная параллель *мемориал* с течением времени утрачивает сему 'доношение', приобретая новые значения 'спортивное соревнование в память выдающихся спортсменов', 'архитектурное сооружение для увековечивания памяти кого-л.'). Закрепившиеся впоследствии в современном русском литературном языке [Сл. ИС, с. 370-371].

Как уже указывалось выше, у термина *доношение* с утратой синонимических связей со словом *мемориал* формируются новые парадигматические отношения с другим иноязычным синонимом – *рапорт* (*репорт*), ранее дублировавшим его.

Не исключена была конкуренция между иноязычными терминами. Показательна в этом отношении история иноязычных слов *регулы* и (*воинский*) *артикул* выступавших одно время как абсолютные синонимы. Слово *артикул* было многозначным, и в русском языке XVIII в. у него выделяются следующие значения: 1. Параграф, раздел документа, текста, статьи договора. 2. Газетная, журнальн., словарн. и т. п. статья. 3. Устав, свод правил, регламентаций. 4. Воен. Упражнения в строевом деле и ружейных приемах. 5. Грам. Артикль [Сл XVIII, вып.1, с. 147]; 'воинский устав, изданный Петром I' [Сл. ИС, с. 74].

Слово *регулы*, также выступает как многозначное, но у него определяются только два значения: 1. 'правило'; 2. 'воинский устав'.

В деловом языке XVIII в. оба слова используются синонимически при наименовании воинского устава:

<...> было полагается чтоб ему Светлеговскому за вышеписанное его нынешнее преступление по силе воинскаго „201., артикула и указа государственной военной коллегии 1767 го года января 8 го дня учинить наказание прогнанием ипцирутен чрез тысячу человек шесть раз, и удалить ево из Удинска в другие 2 го баталиона команды <...> (1788 г.) [ПЗДП, с. 15];

<...> ежели в книгах усмотрены будут неуказные расходы и фалишвыя росписки то и сей поступок взыщется по воинским артикулам яко наставил для лутчаго же приходных и расходных книг в содержании по-рятка <...> (1794 г.) [ПЗДП, с. 26];

<...> А что от юстиции в уезде принадлежит, то впредь губернатору, или воеводе и земскому коммисару до оногo дела не иметь; но его царское величество о том соизволил определить, чтоб во всякой губернии, или в знатных городах вышний суд, а в уезде нижний учреждены, и подлежащими регулы удовольствованы были (1719 г.) [Реформы, с. 172];

<...> ежели оное (экзекуция) от губернатора, или от воеводы письменно повелено будет, по его царского величества указу и по регулам (о наказании и казни), и по тому губернаторскому или воеводскому повелению чинить <...> (1719 г.) [Там же, с. 173]

<...> а как я (профос второго селенгинского батальона Фома Бобков) и наперед сего неоднократно в разных предступлениях находился за что надлежащими штрафами наказываем был а от сего времени впред противных законам поступок и непорядков воздержатца должен и службу продолжат так как военныя регулы повелевают без всякого порока (1777 г.) [ПЗДП, с. 165].

Примечательно то, что в 1-й половине XVIII в. лексема *регулы* активнее употреблялась в значении ‘правило’, во второй же половине столетия она более употребительна в значении ‘воинский устав’. Именно в деловом языке происходит процесс сужения семантики слова *регулы*: ‘правило’ (в широком смысле) > ‘воинский устав’. Функциональное дублирование слова *регулы* термином *артикул* было связано с наличием в их семантике общей семы ‘правило’.

Следует отметить, что в самом конце XVIII в. конкуренцию с этими терминами вступает лексема *устав*, но это уже отдельная история, касающаяся взаимоотношения терминов в более позднюю эпоху.

Еще одной характерной чертой русского языка XVIII в., времени интенсивного заимствования, резких стилистических сдвигов, постепенного становления литературной нормы, является активное фонетико-орфографическое варьирование иноязычных и исконных слов: *мемориал* / *мамориал* / *мемориял*; *рапорт* / *рапарт* / *репорт* / *рапортъ* / *рапортъ*; и др. Наличие формальных вариантов свидетельствует о незаконченности процесса адаптации заимствованных слов и незавершенности системного распределения языкового материала. В письменном языке такая вариативность является признаком неустойчивости, колебания или отсутствия литературной нормы, либо невладение ею пишущим.

Таким образом, деловая письменность XVIII в., являясь одним из интереснейших историко-лингвистических феноменов, в котором удивительным образом сочетались явления регионального узуса с элементами приказной традиции и языковыми стандартами новой эпохи, предоставляет сотни названий документов, различающихся по целевой установке, содержанию и языковым особенностям. При этом стоит особо подчеркнуть характерную черту ее языка – активную вариативность номинации деловых документов, отражающую особенности исторической динамики становления делопроизводственной терминологии. Только анализ вариативности и конкуренции терминов, обозначающих регистрационные документы, показывает, насколько многообразным и сложным являлся этот процесс в национальном языке.

Так, актуализация замены иноязычных наименований определенных жанров на русские была связана с общей пуристической тенденцией в литературном языке 2-й половины XVIII в. Она, в частности, объясняет то, что термин *мемория* заменяется книжным словом *записка*; *доношение* в значении ‘официальное донесение, доклад, прошение в официальную инстанцию’, получившее широкое распространение во всех сферах применения делового языка 2-й половины XVIII в., вытесняет из делопроизвод-

ственного обихода *мемориал*; параллельное существование двух синонимов *журнал* – *записка*, равнозначных в функциональном отношении, приводит в конце столетия к тому, что лексема *журнал* в значении ‘записка’ уступает место *записке*; известное ранее слово *устав* в конце XVIII столетия приходит на смену таким наименованиям, как *артикул* и *регул* и др.

Процессы подобного характера в динамике жанровой системы не приводили к полному исчезновению иноязычных терминов из сферы делопроизводства, – происходила трансформация в «семантической наполняемости» заимствований: *мемория* с течением времени утрачивает значение ‘доношение’, приобретая новую смысловую окраску ‘памятник’; *журнал* во второй половине XVIII в. не выходит из широкого употребления и продолжает функционировать в 2-х значениях: 1. ‘книга поденных записей’, 2. ‘повременное издание’ и пр..

Свобода в варьировании и взаимозаменяемости терминов: *артикул* / *регул* (воинский устав, правило); *книга записей* / *журнал* (‘книга поденных записей’) и т. д. свидетельствует о семантической неустойчивости новых иноязычных терминов на протяжении XVIII века.

Прослеживается тенденция формирования более строгой, таксономически выдержанной системы делопроизводственных терминов с определенным родовым наименованием – в частности, у регистрационных документов XVIII в. на это претендовал термин *книга*.

Литература и сокращения

1. Майоров 2006 – А.П.Майоров. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII в. (по памятникам Забайкалья). М.: Азбуковник, 2006.
2. ПЗДП – Памятники забайкальской деловой письменности XVIII в. / под ред. А.П. Майорова. Сост. А. П. Майоров, С. В. Русанова. Улан-Удэ, 2005.
3. ПМДП – Памятники московской деловой письменности XVIII века / под ред. С. И. Коткова. М.: Наука, 1981.
4. Реформы – Реформы Петра I. Сборник документов / сост. В.И.Лебедев. М., 1937.
5. Сл. XVIII – Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1-16. СПб.: Наука, 1992-2006.
6. Сл.з.б. – А. П. Майоров Словарь русского языка XVIII в.: Восточная Сибирь. Забайкалье. М., 2011.
7. СЛИС – Современный словарь иностранных слов. М.: Изд-во «Рус.яз.», 1993.

Майоров Александр Петрович, профессор кафедры русского языка и общего языкознания ФГБОУ ВПО «Бурятского государственного университета», доктор филологических наук

Mayorov Alexander Petrovich, Professor at the chair of the Russian language and general linguistics of the Buryat State University, the Doctor of Philology, e-mail: map1955@mail.ru.

Первичный и вторичный способы выражения семантики характеризации в русской речи

Статья посвящена закономерностям функционирования логико-синтаксических типов предложения в описательном тексте. Исследование показало, что первичный и вторичный способы выражения семантики характеристики зависят от функционального стиля текста.

Ключевые слова: первичный и вторичный способы выражения, семантика характеристики, типы текста (описание и повествование), функционально-стилистический аспект.

L.N. Omelchenko

Primary and secondary means of expression of semantics of characterization in the Russian speech

The article is devoted to the regularities of using of the logical-syntactic types of sentence in description text. It is revealed that the primary and secondary means of expression of semantics of characterization depend on the functional style of text.

Keywords: primary and secondary means of expression, logical-syntactic type of sentence, the semantics of characterization, texts of the description and narration, the functional and stylistic aspects.

Исследование синтаксического уровня русского языка в функционально-стилистическом аспекте продолжает оставаться актуальной проблемой. Наша работа опирается на ту программу исследования синтаксиса в его функционировании, которая была сформулирована Е.Н. Ширяевым: «исследовать те закономерности в семантико-синтаксической структуре простого и сложного предложения, которые определяют его функционирование в разных языковых сферах» [1, с. 181–186]. Выделяются строгая и нестрогая сферы языка как «две наиболее контрастно противопоставленные группы, внутри членов которых много сходства. В строгую сферу языка включаются научный и официально-деловой стили. В нестрогую сферу входят разговорная речь, публицистический стиль и язык художественной литературы» [1, с. 198]. Особое место в программе изучения синтаксиса в функциональном аспекте занимает вопрос о закономерностях выбора того или иного логико-синтаксического типа предложения для грамматической интерпретации «положения дел».

Объектом изучения в статье являются предложения с семантикой характеристики, в частности предложения определительной характеристики, в которых сообщается о признаках, свойствах, квалификации предметов, событий, явлений, понятий: *Его мать была удивительная, благороднейшая женщина.* (А.Чехов); *Небо легкое и такое просторное и глубокое.* (И.Бунин); *Идея была интересной.* Предложения с семантикой ха-

рактизации включаются в систему логико-синтаксических типов простого предложения [2, с. 434–442]. По мнению Л.Д. Беднарской, «идеи традиционного русского синтаксиса позволили создать новую семантическую типологию простого предложения, осознать ее как теоретическую основу изучения синтаксической синонимии» [3, с. 392].

Перспектива развития исследований в области логико-синтаксических типов предложения связана с применением функционального аспекта, позволяющего изучать предложение в речевом употреблении: «Язык дан нам в речи, а речь – в текстах, разнообразных по жанрам, стилям» [4, с. 24]. В нашем исследовании учитывается дифференциация текста на функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение), выделенные на логической основе [5]. Описание как тип речи представляет собой «модель монологического сообщения в виде перечисления одновременных или постоянных признаков предмета» и имеет «для этого определенную языковую структуру» [6, с. 69]. Нас интересует характеристика как разновидность описательного типа текста, в ней «объектом речи являются не только внешние, воспринимаемые посредством органов чувств, условно говоря, видимые параметры предмета, но прежде всего его внутреннее содержание, сущность предмета, постигаемая в процессе познания предмета, в процессе обобщения его конкретных проявлений» [7, с. 53].

Обращение к функциональному аспекту позволяет обнаружить проявления синтаксической синонимии в речи, понять закономерности выбора говорящим субъектом того или иного способа грамматической интерпретации объективной действительности. Предложения с семантикой характеристики могут быть построены на основе различных структурных схем. Для анализа функционирования предложений характеристики в речи можно использовать принцип выделения первичного и вторичного способов выражения семантических компонентов структуры предложений. При первичном способе «определенный компонент структуры выражен той частью речи, которая в первую очередь предназначена для выражения данного компонента» [8, с. 387]. Вторичный способ – это такой способ выражения семантического компонента, который для функционирования нуждается в дополнительных условиях. В предложениях характеристики важен морфологический способ выражения предиката. Предложения с глагольным предикатом приобретают семантику характеристики в том случае, если глагол не имеет временной локализованности (ср.: *Он поет – Он поет сегодня Риголетто в Большом*).

По нашим наблюдениям, в текстах описательных характеристик преобладают такие предложения определительной характеристики, в которых предикаты обозначают качества, свойства предмета и имеют семантику нелокализованности во времени (вневременности). Это предложения вневременной определительной характеристики, далее они дифференцируются следующим образом [1, с. 208]:

1) предложения характеристики по признаку, в которых субъект имеет конкретную референцию, обозначая определенные предметы и лица, предикат обозначает единичный признак. Первичный способ выражения – структурная схема N1 Cop Adj (*Он добр*). Вторичный способ – N1 Cop N1/5 (*Он добрый человек*), N1 Vf (*Он любит людей*);

2) квалифицирующие предложения, в которых субъект также имеет конкретную референцию, а предикат обозначает понятие как обобщение совокупности некоторых признаков. Первичный способ – N1 Cop N1/5 (*Он певец*). Вторичный способ – N1 Vf (*Он поет*);

3) классифицирующие предложения, в которых и субъект и предикат имеют понятийную референцию, при этом понятие-субъект имеет более узкую семантику, чем понятие-предикат. Первичный способ – N1 Cop N1/5 (*Ель – вечнозеленое дерево*). Вторичный способ – N1 Vf (*Всякий звуковой сигнал передается на расстоянии*), N1 Cop Adj.

Предложения вневременной определительной характеристики широко используются во всех сферах языка. Рассмотрим функционирование этих предложений в текстах-характеристиках различных стилей. В статье принимается система языковых сфер и функциональных стилей, разработанная Д.Н. Шмелевым [9].

Анализ фактического материала показал, что в описательных характеристиках научного стиля функционируют преимущественно классифицирующие предложения вневременной характеристики. Этот факт можно объяснить тем, что коммуникативная задача научной характеристики – описать дифференциальные признаки класса предметов, объектом речи в такой характеристике избирается класс предметов, который называется именем с понятийной референцией. Предложения характеристики по признаку и квалифицирующие предложения, в которых, как указывалось, субъект имеет конкретную референцию и обозначает определенные предметы и лица, нетипичны для научных характеристик. Классифицирующие предложения в научных характеристиках оформляются, как правило, с помощью первичного способа, с помощью структурной схемы N1 Cop N1/5. Рассмотрим пример научной характеристики из области химии: *«Алюминий – серебристо-белый легкий металл. Очень пластичен, легко прокатывается в фольгу и протягивается в проволоку. Прекрасный проводник электрического тока... В химическом отношении весьма активен. По положению в ряду напряжений стоит левее железа. Непосредственно реагирует с галогенами, образуя галогениды. При сильном нагревании взаимодействует с серой, углеродом и азотом... Легко растворяется в соляной кислоте любой концентрации. По распространенности в природе он занимает первое место среди металлов, известно несколько сотен минералов алюминия».* (Химия: Справочные материалы.)

Инициальное предложение этого описательного текста представляет собой в логико-синтаксическом плане классифицирующее предложение, в котором и субъект (*алюминий*), и предикат (*металл*) выражены именами с понятийной референцией. Предложение построено по структурной схеме

N1 Cop N1/5, это первичный способ выражения семантики вневременной характеристики. В контексте научной речи указанные имена существительные используются как термины, передающие основную содержательную информацию.

Оформление следующих классифицирующих предложений вторичным способом с помощью кратких прилагательных (*пластичен, активен*) является облигаторным, ввиду отсутствия в языке соответствующих понятий-существительных. Для выражения классификации из двух синонимичных вариантов: *Прекрасный проводник электрического тока* (первичный способ, структурная схема N1 Cop N1/5) – *Прекрасно проводит электрический ток* (вторичный способ, структурная схема N1 Vf) – выбирается первичный способ, поскольку понятие, зафиксированное в отглагольном существительном (*проводник*), обеспечивает точность изложения, что является одним из основных требований культуры научной речи. Имя *проводник* используется в данной научной характеристике в качестве термина, за которым закреплено точное определение: «вещество, основным электрическим свойством которого является электропроводность» [10, с. 5].

Вторичный способ используется в научной характеристике, как показал речевой материал, только в случае невозможности синонимической замены глагольного предиката на соответствующее понятийное имя, как и в данном примере (*прокатывается; протягивается; стоит; реагирует; взаимодействует; растворяется; занимает*). Дело в том, что в научной терминологической системе отсутствуют понятия, выраженные существительными, со значениями «*легко прокатывается в фольгу*», «*протягивается в проволоку*» и т.п.

Особо отметим, что в контексте описательной характеристики глагольные предикаты обозначают не актуальные, динамичные действия предмета, как в повествовательном типе текста, а свойства, качества предмета (как и именные предикаты), выявленные на основе научного обобщения конкретных проявлений этих свойств. Можно утверждать, что качественная семантика актуализируется у глагольных предикатов именно в контексте научной характеристики, в которой описываются дифференциальные признаки класса предметов, а не конкретного единичного предмета.

В официально-деловой характеристике человека используются преимущественно классифицирующие предложения, а также предложения характеристики по признаку, например: «*Директор возглавляет издательство, руководит всей его работой и несет ответственность за обеспечение высокого научного и художественного уровня выпускаемых изданий. Организует разработку тематических планов издательства. Утверждает планы художественного и графического оформления изданий. Устанавливает тиражи изданий. Одобренные редакционным советом издательства тематические планы представляет на рассмотрение и утверждение вышестоящей организации*». (Труд и заработная плата

работников издательств и редакций журналов: Сборник официальных материалов.)

Этот фрагмент текста представляет собой характеристику официального лица, названного именем должности (*директор*), понятийная семантика субъекта определяет семантику обобщенности, вневременности всего текста. Текст формируется классифицирующими предложениями, оформленными вторичным способом – глагольными предикатами, что становится возможным благодаря обобщенности субъекта. Семантика предикатов, обозначающих функциональные обязанности субъекта (*возглавляет; руководит; несет ответственность; организует; утверждает; устанавливает; представляет*) также является обобщенной. Заметим, что предикаты типа *воспитывать, следить за чистотой, руководить* и т.п. Т.В. Булыгина относит к числу описывающих круг обязанностей лица, не упорядоченных во времени [11, с. 56]. Ясно, что перечисленные обязанности должностного лица реализуются в разные моменты времени, но в тексте-характеристике речь идет не о конкретных случаях проявления в действии этих свойств, а об их потенциальности, следовательно, данные глагольные предикаты имеют семантику вневременности.

Художественная речь, в сравнении с научным и официально-деловым стилями, имеет свою специфику, которая в первую очередь проявляется в ее структуре: «во всех ... видах речи производитель речи и ее субъект совпадают. И только в художественной речи обязательна фигура рассказчика, не совпадающая с производителем речи. В этом заключается главная речевая специфика художественной литературы» [12, с. 381]. В художественных текстах преобладают качественные характеристики лиц (персонажей произведения), в связи с этим почти отсутствуют предложения классификации с понятийной референцией (характерные для строгой сферы языка); преобладают предложения характеристики по признаку и квалифицирующие предложения. Оформление таких предложений первичным или вторичным способом в художественных характеристиках может быть связано с выражением дополнительной прагматической информации.

Рассмотрим пример: «Одним из поздних учеников Зубра был Анатолий Никифорович Тюрюканов. Большой, мужиковатый, с физиономией грубой, как он сам говорил, «шлакоблочной», по виду недалекий, простак, по выговору работага, из разнорабочих – словом, не скажешь, что ученый, да к тому же тонкий, культурнейший человек». (Д. Гранин. Зубр.)

В этой художественной характеристике, которая представлена от имени персонифицированного рассказчика, первичным способом оформлены значение характеристики по признаку (*большой; мужиковатый; недалекий*) и квалифицирующее предложение (*ученый*). Использование вторичного способа выражения характеристики по признаку с помощью схемы N1CopN1/5 акцентирует внимание читателя на противопоставлении внешне наблюдаемых и внутренних, истинных, качеств героя, названных к тому же словами с разной стилистической окраской (*простак, работага – тонкий, культурнейший человек*); предложно-падежная форма существ-

вительного с определениями (*с физиономией грубой, «шлакоблочной»*) позволяет более детально описать внешность героя.

Итак, тексты описания-характеристики формируются преимущественно предложениями вневременной определительной характеристики. Обнаруживается закономерность выбора говорящим субъектом того или иного способа грамматической интерпретации «положения дел»: выбор первичного способа выражения с помощью именного предиката или вторичного способа с помощью глагольного предиката обусловлен принадлежностью текста к строгой или нестрогой сфере языка. В характеристиках научного и официально-делового стилей (строгая сфера языка) преобладает первичный способ выражения предиката в предложениях с семантикой вневременной определительной характеристики; вторичный способ функционирует, как правило, в том случае, если отсутствует соответствующее имя-понятие. По-видимому, именно такой выбор логико-синтаксической структуры соответствует нормативным требованиям культуры научной речи. В художественных характеристиках субъект речи (рассказчик) может использовать и первичный, и вторичный способы оформления предиката, выбор связан с выражением дополнительных субъективных смыслов. Кроме того, такой выбор может характеризовать в определенной мере речевую манеру рассказчика, потому может стать предметом дальнейшего изучения.

Литература

1. Ширяев Е.Н. Синтаксис // Русский язык в его функционировании. Уровни языка. – М.: Наука, 1996. – С. 181–232.
2. Бабайцева В.В. Простое предложение // Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц. – В 2 ч. – Ч.2: Морфология. Синтаксис / под ред. Е.И. Дибровой. – М.: Академия, 2001. – С.292–478.
3. Беднарская Л.Д. Источник новых идей // Бабайцева В.В. Избранное. 2005–2010: сб. науч. и науч.-метод. ст. – М.–Ставрополь, 2010. – С. 385–399.
4. Бабайцева В.В. Слово, язык, речь // Рациональное и эмоциональное в русском языке: межвуз. сб. науч. тр. – М.: Изд-во МГОУ, 2012. – С. 21–25.
5. Нечаева О.А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение): дис. ... д-ра филол. наук. – М., 1975.
6. Лингвистика текста: констатирующие тексты типа «описание» и «повествование» / под общ. ред. О.А. Нечаевой. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2011.
7. Омельченко Л.Н. Неполные предложения в повествовательном и описательном текстах. – Улан-Удэ: Изд-во Бурят. гос. ун-та, 2010.
8. Ширяев Е.Н. Текст: идеальное начало и его реализация в разных функциональных разновидностях языка и их жанрах // Семантика языковых единиц. – Т.2. – М., 1998. – С. 386–388.
9. Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. – М.: Наука, 1977.
10. Электротехника. Термины и определения основных понятий: ГОСТ Р 52002-2003. – Введ. 2003–07–01. – М., 2003.
11. Булыгина Т.В. К построению типологии предикатов в русском языке // Семантические типы предикатов. – М.: Наука, 1982. – С. 7–85.

12. Солганик Г.Я. Категория рассказчика и специфика художественной речи // Русский язык сегодня. Вып. 5. Проблемы речевого общения: сб.ст. / отв. ред. Н.Н. Розанова. – М.: ФЛИНТА, Наука, 2012. – С. 374–384.

Омельченко Лилия Николаевна, доцент кафедры русского языка и общего языкознания ФГБОУ ВПО «Бурятского государственного университета», кандидат филологических наук.

Omelchenko Liliya Nikolaevna, associate professor, department of the Russian language and general linguistics, Buryat State University, candidate of philological sciences, e-mail: omelchenko.2@mail.ru

УДК 811.161.1 (81'246.2 + 811.58)

© *Н.А. Чжан*

**Фонетические особенности русского языка
в ситуации русско-китайского двуязычия**
(на материале речи потомков русских эмигрантов,
проживающих в деревне Хэйшаньтоу)

В статье описываются фонетические черты русского языка потомков русских эмигрантов в Китае. Эти черты отражают влияние китайского языка в ситуации билингвизма. Автор отмечает специфические особенности данного идиома в области вокализма и консонантизма, рассматривая их как результат интерференции.

Ключевые слова: языковые контакты, билингвизм, интерференция, субституция, языковая компетенция, фонетические особенности.

N.A. Chgan

**Phonetic features of the Russian language in the situation
of the Russian-Chinese bilingualism (on the material of speech
of the Russian emigrants descendants living in the village Heishantou)**

This article describes the phonetic features of Russian descendants of Russian emigrants in China. These features reflect the influence of the Chinese language in a situation of bilingualism. The author notes the specific features of this idiom in vocalism and consonant, treating them as a result of interference.

Keywords: language contact, bilingualism, interference, substitution, language competence, phonetic features.

Исследование языковых контактов – одна из важнейших задач современного языкознания. Научные изыскания в этой области не только позволяют расширить теоретические представления о функционировании того или иного языкового кода в ситуации билингвизма или выявить характер динамики отношений между языками в данной языковой ситуации, но и способствуют получению более точного представления об общем механизме речевого общения.

В данной статье предпринята попытка выявить и описать фонетические особенности употребления русского языка потомками русских эмигрантов первого поколения, проживающими в северо-восточной части Китая в Автономном районе Внутренняя Монголия (далее АРВМ), в деревне Хэйшаньтоу. Материалом для анализа послужили записи русской речи, сделанные в 2013 г. Сестры Зина и Надя Бочкаревы, как и их родители, родились в Китае. По словам Зины и Нади в Китай приехала их бабушка, она была «ц"иста русска», а дед, видимо, был китаец. *Надя: Бабушка | ани ужé сдеси | раныши | как ани деси папали | мы ни знаим || Дед | бабушка | он как цитаица | врёде бы ни руски | но бабушка ц"иста руска || – А как они сюда попали? – Дáжи наишь | пьростъ ани ни спрашивали || как ани десь || ну я ц"иесна | я дáжи ни знаю | как ани десь ||* Зине 60 лет, она с рождения владела только русским языком, но в годы «культурной революции» под страхом смерти вынуждена была выучить китайский язык: *Надя: ана ни умела рьзгваривать пь-китайски | ана пь-руски | а пьтомъ в школу хьдилъ || ну | и то | пь-руски || а пьтомъ када куртуръ рьвлюць <революция> | зьприщицили | што ли разгвэривать ||- Зина: низзя рьзгваривать || и вьтак у мья былъ | три месьса научильсь пь-китайски || <...> ну, ёсли не разгваривьшь онé бьют её <при этом Зина говорит о себе, т.е. вместо местоимения *меня* употребляет *её*>. Надя, наоборот, с рождения владела только китайским, а в 16 лет поехала с мамой в Россию и выучила русский язык там. *Надя: как-ть я жь самой Рьссии жила | я с ними разгвариваль только ц'ють-ц'ють разный || как-ть сирано ни то | кьгда я Рьссия уижала | я дажы пь-руски ни умела ||* В настоящее время сестры живут в деревне Хэйшаньтоу, в повседневной жизни пользуются только китайским языком. Их дети и внуки по-русски уже не говорят и не понимают.*

На протяжении жизни языковая компетенция информантов менялась, и на данный момент использование ими двух языковых кодов представляет собой ситуацию билингвизма с доминантой китайского языка, что обусловлено объективными факторами. В основе одного из идиомов лежит диалектно-просторечная форма русского языка. Характерные черты диалектной речи и элементы просторечия сохраняются на всех уровнях языковой системы. В то же время взаимодействие русского и китайского языков, а также доминирование в речевой практике Зины и Нади китайского языка привело к значительной интерференции в русской речи респондентов на фонетическом уровне. Под интерференцией вслед за Л.И.Баранниковой мы понимаем отклонение от языковых норм, которое возникает при регулярном использовании человеком или коллективом двух и более языков [Баранникова, 1972]. Интерференция появляется в речи билингвов вследствие перестройки моделей одного языка по образцу другого. Влияние происходит со стороны той модели, которая является

наиболее усвоенной, активной, чаще употребляемой. Необходимо также отметить, что речи информантов свойственна варитивность ее фонетических средств, что может быть связано как с изменением позиции звуков в речевом потоке, так и со взаимодействием звуковых систем различных социальных форм существования языка, в частности, диалектной и просторечной. Кроме того, в условиях бытовой сферы общения и присущей ей устно-разговорной формы коммуникации актуализируется влияние китайского языка. Оно проявляется как в реализации отдельных фонем (здесь наблюдается явление субституции – подстановки звуков китайской фонетической системы русскими звуками – как следствие отождествления фонем), так и в акцентном облике словоформ.

Ниже мы рассмотрим фонетические особенности речи наших информантов, обусловленные явлением интерференции. В данной статье рассматриваются только специфические фонетические особенности, присущие исследуемому идиому.

В области артикуляции были отмечены следующие особенности: при произнесении русских звуков наблюдается меньшая подвижность губ (такой признак характерен для китайской артикуляции) наряду с их большей напряженностью. В целом звуки артикулируются в более передней зоне образования, что характерно для русской артикуляции, но определенное количество звуков артикулируется в наиболее задней области, что является характерной чертой китайского языка и свидетельствует об отклонении от орфоэпической нормы русского литературного языка. В структуре слога происходит упрощение групп согласных, а также вставка гласных между согласными или в абсолютном конце слова в связи с тяготением к открытости, свойственной слогу в китайском языке.

В области консонантизма исследуемого идиома были выявлены:

1. придыхательность при произнесении согласных звуков [п], [т], [к], [б], [д]: [п^х]ъхожи, [п^х]ътот, с[т^х]ъррна, [т^х]ъкой, [к^х]ътора, [к^х]ър[т^х]уош[к^х]ъ, [б^х]ъчкареф, ра[б^х]уотают, [д^х]ъкуиль, [д^х]ъвацать;

2. замена звука [к] на [х] в начале слова: [х]люч, [х]то; и в конце слова: напёрсть[х], дене[х]. Подобное оглушение на конце слова характерно для говоров забайкальских старообрядцев, о чем упоминал А.М. Селищев еще в начале XX века: «говоры забайкальских старообрядцев семейских и «поляков» на Алтае имеют г длительный, а не взрывной. В Никольском я наблюдал длительный г, близкий к h <...>. В конце слова х – рох, сапох, денех» [Цит. по: Козина, 2006, с. 43]. Эту же черту выделяют современные ученые [Юмсунова 1999].

3. модификация звуков русской речи, обусловленная влиянием китайского языка:

- [р]/[r]: на месте русского [р] встречается китайский полувзвонкий, щелевой, переднеязычный, какуминальный [r]: [r]аньшь, [r]ъсия,

[r]ъсказъла, w[r]уод'ъбы, [r]абда[r']ине, цэ[r]къф', [r]ъвАлюция, кул-ту[r] и т.п.;

- [л]/[l]: вместо русского [л] часто звучит апикально-десенный [l], который в китайском языке более задний и боковой, чем в русском: ку[l]тур (культурная), виде[l]а, нькушы[l]ъсь, ё[l]ки и т.п.;

- [ш]/[sh]: имеются единичные случаи замещения русского [ш] звуком близким по звучанию китайскому [sh]: хоро[sh]уо, рань[sh]ь, ку[sh]ьит, [sh]туку и т.п. При произнесении китайского согласного [sh] язык принимает ложкообразную форму, средняя часть спинки языка опущена вниз, кончик языка загибается назад и образует у нижнего края альвеол, т.е. несколько дальше, чем при русском [ш], плоскую щель, причем положение языка, в целом, более прогнутое, чем при русском [ш], а задняя часть спинки языка приподнята к мягкому нёбу, образуя вторую щель.

- [с']/[x] или шепелявый [с'']: мягкий согласный [с'] большей частью реализуется как китайский [x] или как шепелявый [с'']: кри[с'']у[с'']мя, [с'']ё, [с'']ясь, вьн[с'']е и т.п.

- [ч]/[q]: аффриката [ч] произносится большей частью как звук китайской фонетической системы палатализованный переднеязычный [q] или шепелявый [ц''], который произносится, в отличие от русского звука, с опущенным к нижним зубам кончиком языка: [ц'']ють-[ц'']ють, [ц'']истъ, на[ц'']альник, но[ц'']ью,стри[ц'']ают, [ц'']ё и т.п.;

- [в]/[w]: губно-зубной согласный /в/ кроме твердого [в] и мягкого [в'], также имеет вариант в виде звука [w], который характеризуется как губно-губной: wъэркъфь, wКитай, wсе, wъсь, wнучка, wроди, wзясти, wдицки (попить),wутуть, wъсестъ, Новсибирска, ръwлюць (революция), Андреевъ, закрыw;

4. сужение сферы употребления фонемы /j/ по сравнению с литературным языком. В связи с тем, что в интервокальном положении среднеязычный сонант [j] утрачивается, происходит ассимиляция и стяжение согласных. Это происходит в окончаниях имен прилагательных, числительных, в падежных окончаниях существительных: стары новы год, высоки (вм. высокий), крышионы (вм. крещеный), разны, руска, чиста, кьторы, таки, кака, некоторы, самъ, читверта, фамили, и т.п.

Стяженные и нестяженные варианты сосуществуют.

5. отсутствие в некоторых случаях противопоставления по твердости-мягкости губных согласных: сем, восем, пят, пьём (вместо пьём), ден, привыкла и т.п. Это можно объяснить как влиянием китайского языка, в котором отсутствует противопоставление по твердости-мягкости, так и тем, что в речи жителей деревни Хэйшаньтоу сохранились особенности забайкальских русских говоров, для которых характерно произношение твердого согласного вместо мягкого в абсолютном конце слова.

В области вокализма отмечены следующие явления:

1. смешение звуков [o]/[uo]. Прослеживается произношение восходящего дифтонга китайской фонетической системы [uo] на месте русского [o]: фъс[uo]ли, кьрт[uo]шкъ, вр[uo]ди бы, рьб[uo]тють, хьръш[uo]. При

подстановке данного дифтонга прослеживаются две закономерности. Во-первых, отождествление фонем происходит только в позициях под ударением: в абсолютно сильной позиции и в позиции перцептивно слабой, т.е. перед мягким согласным. Во-вторых, дифтонг оказывает влияние на предыдущий согласный звук, в результате чего предыдущий согласный также произносится как соответствующий согласный звук китайской фонетической системы. И все-таки о существовании в данном идиоме особой фонемы /уо/ говорить нельзя, так как ее употребление ограничено лексически и она не выполняет смысловозначительной функции, встречаясь как факультативный вариант наряду с [о] в одних и тех же формах и даже у одного и того же информанта (ср. т[у]жэ и т[уу]жэ);

2. сильная редукция гласных неверхнего подъема в первом предударном, а в некоторых случаях и в ударном слоге. Специфика редукции гласных исследуемого идиома касается реализации звуков, представляющих фонемы /а/, /о/ в первом предударном слоге и иногда даже в ударной позиции.

- в безударной слабой позиции /а/: *кльд'ить, Абък'ан, кд'а, стър'уха или сър'уха, зъмкн'уль, знък'омь, нъв'ернь;*
- в безударной слабой позиции /о/: *пъх'ожь, хъч'у пък'азываит стъ'яла рьдн'я пъ'ёт (в значении поёт) двъ'ём двъ'и (в значении две) гълв'а рьдн'я хъръи'о мъл'итвъ Ръс'ия Ръжъсв'о двъйн'яикъ кът'ора хд'иль пд'ушку кърм'ысль;*
- в сильной ударной позиции /а/: *стърн'ь ръзгъв'ьривтъь Т'ньнкъ стък'ън;*
- в сильной ударной позиции /о/: *пр'ьстъ.*

Данный материал показывает, что наибольшей редукции подвержены звуки, представляющие фонему /о/, наименьшей – те аллофоны, которые реализуют в безударной позиции фонему /а/. В ударной позиции редукция встречается очень редко, и, скорее всего, связана со скоростью речевого потока в разговорной речи. Гласный звук, который слышен, – это гласный заднего ряда среднего подъема. Для его образования характерно отсутствие огубленности, присущей гласным заднего ряда. Согласно фонетической транскрипции это звук можно было бы обозначить как [ə̃] или как [õ̃]. Язык при произнесении данного гласного находится в более заднем положении, чем при произнесении русского [о]. Такой же звук распространен в диалектах китайского языка северо-восточных регионов Китая, в основном после глухих придыхательных согласных: *poro [pə̃pə̃]* ‘свекровь’, *huolobo [huɔluɔbə̃]* ‘морковь’, *bocai [bə̃cə̃i]* ‘шпинат’. Подробное описание этого звука представлено в [Спешнев, 1980]. В связи с этой особенностью гласного звука китайской фонетической системы, у китайских студентов, изучающих русский язык, возникают трудности с произношением русского звука [о] [Каверина, с. 84];

3. спорадическое употребление звука [е] в местоимении 3 лица мн.ч. (*оне* вм. *они*). Гласный [е] на месте [и] отмечается в ряде старожильческих

сибирских говоров различных территорий [Козина 2006, с. 23]. Однако звук [и] может встречаться в данной словоформе у одного и того же информанта, и даже оба варианта могут быть употреблены одновременно в одной фразе.

Два раза встретилось произношение [и] на месте [е] в слове *д[и]ньги* (*деньги*) и *кр[и]симся* (*крестимся*). Скорее всего, это тоже проявление интерференции китайского языка. Подобные ошибки встречаются у китайцев изучающих русский язык. Все гласные переднего ряда в китайском языке выше русского [е] закрытого, поэтому при постановке этого звука после мягких согласных он артикулируется в более передней части ротовой полости с более высоким подъемом языка с призвуком [j], в результате чрезмерно высокого подъема языка в произношении китайцев возникает звук, склоняющийся к [i], что нередко приводит к смешению [е] и [i] [Каверина, с. 84-85].

4. вставка гласных между согласными, а также в абсолютном конце слова В речи информантов примеры многочисленны: *съп[р]ашиваль*, *р[д]иласи*, *деси*, *з[н]аишь*, *раз[г]аваривам*, *сясь*, *сът[р]яп[и]ют*, *д[в]ьём*, *к[л]юц*, *зам[к]нем*, *такы*, *крас[н]ым* и т.п. Здесь можно констатировать влияние китайского языка, для которого характерно тяготение к открытости слога.

Поскольку речь информантов записывалась в непринужденной, бытовой обстановке, то некоторые фонетические особенности объясняются действием «закона экономии», характерного для разговорного стиля. Так, в речи Зины и Нади обнаруживаются:

- диереза согласного: *акрыли* (вм. *открыли*), *надёшь* (вм. *най[j]дёшь*), *есь* (вм. *есть*) и др. Интересно, что нередко в речи информантов находим усечение начального согласного из консонантной группы: *десъ* (вм. *здесь*), *наишь* (вм. *знаешь*), *зяла* (вм. *взяла*), *се* (вм. *все*), *сё* (вм. *всё*). Подобное явление нечасто встречается в русской разговорной речи;

- ассимиляция согласных по месту и способу образования (как правило после выпадения гласного): *щас*, *тяс* (в значении ‘сейчас’). Интересно, что слова *щас* и *тяс* в речи информантов равноправно сосуществуют. Появление звука [тʰ] вместо [шʰ] объясняется влиянием китайского языка. Звук [тʰ] в слове *тяс* можно охарактеризовать как мягкий, шепелявый, похожий на китайский звук [q].

Таким образом, специфика артикуляционной базы, фонетической и фонологической систем обоих языков, а также слоговой характер китайского языка обуславливают особенности фонетической системы русского языка исследуемого идиома. В целом система гласных и согласных звуков в русском языке китайских мигрантов совпадает с «материнской» фонетической системой русского языка, т.е. основной все-таки является артикуляционная база русского языка. Однако доминирование в речевой практике информантов китайского языка оказало влияние на артикуляционный уклад информантов, что сказалось на фонетическом уровне в системе консонантизма и вокализма и в структуре слога.

Литература

1. Аванесов Р.И. Русская литературная и диалектная лексика [Текст] / Р.И. Аванесов. – М., 1974.
2. Алексахин А.Н. Алфавит китайского языка путунхуа. Буква. Фонема. Звук. Слог: для начинающих и продолжающих изучать китайский язык [Текст] / А.Н. Алексахин. – М.: АСТ: Восток-Запад; Владимир: ВКТ, 2008. – 96 с. – ISBN 978-5-17-049040-0.
3. Алексахин А.Н. Теоретическая фонетика китайского языка [Текст] / А.Н. Алексахин. – М.: «Восток-Запад», 2006.
4. Баранникова Л.И. Сущность интерференции и специфика ее проявления [Текст] / Л.И. Баранникова // Проблемы двуязычия и многоязычия. – М., 1972.
5. Каверина В. В. Обучение русскому произношению лиц, говорящих на китайском языке (на основе сопоставительного анализа китайской и русской фонетических систем) [Текст] / В.В. Каверина // Язык, сознание, коммуникация: Сб. научных статей, посвященный памяти Галины Ивановны Рожковой / Ред. Л.П. Клобукова, В.В. Красных, А.И. Изотов. – Вып. 6. – М.: Диалог-МГУ, 1998. 116 с.
6. Козина О.М. Говоры старообрядцев Бурятии – семейских: генезис, диалектный тип [Текст] / О.М. Козина. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2006
7. Спешнев Н.А. Фонетика китайского языка: Учебное пособие [Текст] / А.Н. Спешнев. – Л.: Издательство Ленинградского университета, 1980. -142с.
8. Щерба Л. В. О понятии «смешение языков» [Текст] / Л. В. Щерба // Щерба Л. В. Избранные работы по языкознанию и фонетике. – Л., 1958.
9. Юмсунова Т.Б. Фонетическое и морфологическое своеобразие говоров старообрядцев Забайкалья [Текст] /Т.Б. Юмсунова // Гуманитарные науки в Сибири. – Новосибирск, 1999. – №4. (<http://www.philology.ru/linguistics2/yumsunova-99.htm>)

Чжан Надежда Александровна, студент 5 курса направления подготовки 032700.62 Отечественная филология. Русский язык и литература ФГБОУ ВПО «Бурятского государственного университета».

Chgan Nadezhda Aleksandrovna, 5th year student, Buryat State University, e-mail: weide.07@mail.ru

II. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 82-34+82-3(571.54)

© С.С. Имхелова

Роль легенды в литературных произведениях о судьбе и историческом выборе бурятского народа

В статье рассматривается творческая переработка бурятскими писателями исторических легенд в произведениях разных жанров о историческом выборе народа 350-летней давности.

Ключевые слова: бурятская историческая легенда, роман, поэма, исторический выбор народа.

S.S. Imihelova

The role of legend in the literature devoted to fate and historical choice of the Buryats

The article reviews the Buryat writers' creative approach to historical legends in the literature devoted to the historical choice of the Buryat people 350 years ago.

Keywords: Buryat historical legend, novel, poem, historical choice of the people.

В легендах и преданиях любого народа приведены факты его духовной и материальной культуры, его нравов, обычаев, мировоззрения и образа жизни. В то же время событиям национальной жизни в них придан всеобщий, универсальный смысл. Увидеть в преходящем вечное – этот импульс выделяют исследователи и бурятских легенд: их условность и иносказательность понятна не только «своему», но и «чужому» сознанию. В этом можно убедиться, читая произведения бурятских писателей, щедро использующих художественный потенциал народно-поэтического творчества. Так, в произведениях А. Бальбурова, Н. Дамдинова, Д. Эрдынеева и др. можно обнаружить творческую обработку легенд, где изображены исторические события и исторические личности, сыгравшие важную роль в судьбе бурятского народа, в том выборе исторического пути, который он сделал несколько столетий назад.

Говоря об использовании фольклорных легенд и преданий в бурятской литературе, исследователи обращаются прежде всего к написанному на русском языке историческому роману «Поющие стрелы» А. Бальбурова (1963). В нем, как и в созданных позднее романах «Мать-лебедица» Ц. Галанова (1975), «Долина бессмертников» (1975) В. Митыпова, «Байкал – море священное» К. Балкова (1989) и др., рамки сюжета расширены

за счет вставных легенд, мифологическое прошлое и историческое настоящее сближены, переплетены. Исследователи видят в романе А. Бальбурова «живописание, даже любование национально своеобразным, выраженное в подтексте опасение навсегда утратить его, попытка своего собственного взгляда на национальный мир, стремление отстоять его, противопоставить его грозящей унификации и стандартизации и тем самым вписать в палитру общечеловеческого мироощущения» [Серебрякова, с. 29].

Древняя легенда хонгодоров о поющих стрелах представлена, как удостоверяет читателя главный герой – учитель, собиратель родного бурятского фольклора Михаил Дорондоев, в том виде, в каком она осталась в памяти народа, передаваясь из поколения в поколение. На протяжении всех глав романа Дорондоев вводит ссыльного русского врача Кузнецова, приехавшего на поселение в улус Хасанга, в мир бурятских обычаев и традиций. Кузнецов, признавая значение огромному труду учителя, с удивлением воспринимает его слова о том, что памятники народной мудрости, собранные им с таким тщанием, это своеобразный саркофаг для его народа, обреченного на неминуемый конец.

Да, слова Дорондоева из бальбуровского романа для сегодняшнего читателя, живущего в эпоху глобализации, звучат как никогда актуально: «Я знаю, что этому маленькому народу не выжить, его историческая судьба предопределена и ничто не сможет остановить его конец, который неминуемо приближается... И дело не только в том, что народ этот прозябает в грязи, в суевериях, что он схвачен за глотку болезнями, которые уничтожат его раньше, чем придут к нему на помощь... наш век – это эра великого столкновения между гигантами, которые не оставят вокруг себя ничего из тех маленьких созданий, что мирно жили по соседству с гигантами...» [Бальбуров, с. 173]. Кузнецов никак не может согласиться с этим утверждением: «Все это очень страшно... Саркофаг живому народу!..». В момент идеологического спора двух героев автор вводит в роман мудрую древнюю легенду.

Легенда дает представление об истории хонгодоров, о переселении бурят-монгольского племени к Байкалу. В первой части легенды рассказывается о последствиях союза хонгодоров с племенами Чингиз-хана, когда постоянные войны истощили их. Для спасения племени его вождь пожелал начать новую войну, против него выступил старейшина Олзобэ, высказавшись за поход на запад, на новые земли, к Байкалу, и совет старейшин согласился с ним. Начался тяжелый и изнурительный поход. И когда были съедены все запасы, кроме сухого мяса, вождь с согласия старейшин приказал сбросить с обрыва всех стариков и старух. Не выполнил приказ лишь Молонтой, сын Олзобэ.

Во второй части легенды рассказывается о добывании огромного алмаза, который вождь увидел на дне Байкала, у самого берега, и который даст возможность племени расселиться на землях любого могучего правителя. Приказал он лучшим воинам достать бесценный камень со дна. Но никто,

даже самые смелые воины, не смог достать камень, все гибли один за другим. И вот настала очередь Молонтоя. Когда он прощался с отцом, тот приказал показать этот камень ему. Старик Олзобэ сразу понял, что камень на дне прозрачного моря является лишь отражением настоящего алмаза, находящегося на вершине скалы. Всему племени Молонтой рассказал о том, как мудрость отца спасла ему жизнь, а вождь приказал двенадцати лучшим лучникам достать из колчанов двенадцать поющих стрел и крикнул: «Слушайте, хонгодоры! Нет у нас совета старейшин. Поэтому я буду судить себя сам. Я убил мудрость моего народа. За это мне – смерть...» [Бальбуров, с. 253]. Кузнецов долго находится под воздействием финальных слов легенды, с восхищением повторяя их: «Двенадцать поющих стрел попали в сердце вождя...».

Для автора важно, что основной сюжет романа, хотя и завершен в жанре и эстетике историко-революционного романа, отражается в зеркале вставной легенды потому, что учитель из бурятского улуса, как и вождь хонгодоров, поражен в самое сердце стрелами открывшейся истины. То есть легенда придает сюжету мысль о правоте той мудрости, которая заложена в собранном Дорондоевым фольклорном богатстве. Если в рассказанной им легенде акцентируется исправление вождем, истребившим старейшин рода, собственной ошибки, то в финале основного текста герой, хотя и приходит к осознанию необходимости участия в революционной борьбе за счастье народа, тем не менее понимает, что его прежняя социальная пассивность оправдана верностью своему делу – сохранению мудрости народа как залога его будущего.

В легенде хонгодоров есть и другой акцент – движение бурятского племени на запад в поисках мирного неба как фактора его благополучной жизни. Точно такое же волеизъявление народа можно увидеть в бурятских произведениях, написанных по мотивам народных легенд. Так, в поэме Н Дамдинова «Легенда об Ангаре» (1953) обработка сюжета о Байкале и его строптивой дочери Ангаре символически осмысливается в духе исторического пути бурятского этноса. Своевольный выбор Ангарой своей судьбы в эпической поэме Дамдинова служит символом социально-исторического события – добровольного выбора и вхождения бурятского народа в состав Российского государства.

У богатого и грозного Байкала много сокровищ, спрятанных в его подводных кладовых, но самое дорогое сокровище – его единственная любимая дочь Ангара, которую он держит вдали от посторонних глаз, а когда узнает, что свое сердце она хочет отдать Енисею, далекому красавцу-богатырю, запирает ее в темницу. Дамдинов, конечно же, сохраняет общий сюжет легенды, подчеркивая силу любви двух молодых людей, которая не знает преград: «Нет, любовь преград не боится / И, закрытая как в гробу, / С мрачной каменной темницей / Ангара начала борьбу. / Время быстрое пролетает, / Ей приходится все трудней. / Но не зря ее ожидает / Вдалеке богатырь Енисей» (пер. А. Щитова) [Дамдинов, с. 15]. Под натиском Ангара пали стерегущие ее каменные утесы, и она бесстрашно

устремилась к Енисею. А отец-Байкал не смог догнать непокорную дочь, и, обвинив себя за старость и за темницу, за которой укрывал дочь, проклял самого себя.

Поэтическая обработка Дамдиновым древнего предания ведет к новому смыслу:

Вот и все. И конец легенде.
Но в народе ей вечно жить.
Ведь не зря голубою лентой
Ангара в Енисей бежит.

Дочь единственная Байкала,
Сбросив воли отцовской гнет,
Путь на запад свой устремляя
Неспроста, – говорит народ.

И, горячих коней седлая,
Неспроста шли под длань Петра
Предки наши, свой путь сверяя
С тем, что выбрала Ангара!
[Дамдинов, с. 15].

Исследователи в 1990-е гг. не преминули упрекнуть такую версию поэта: «Непокорная дочь Байкала, устремившаяся к возлюбленному Енисею, оказывается, показала путь на запад (в Россию) ко всеобщему счастью». С точки зрения постсоветской критики, художественная мысль автора поэмы подчинена идеологической ангажированности и потому грешит искусственностью и откровенной дидактикой [Дампилова, Цыренова, с. 22]. На наш взгляд, более справедливым выглядит вывод автора недавней работы Т.В. Самбяловой: с точки зрения специфики авторской символики в образе героини поэмы Дамдинова – Ангары-реки можно обнаружить вечный символ свободного выбора человеком своей судьбы, который служит одновременно и символом исторического выбора бурятского народа, прошедшего испытание временем [Самбялова].

Фольклорно-мифологической основой для другой поэмы Н. Дамдинова «Возвращение батыра (Песня про Шилдэя Занги)» (1965) послужила народная историческая песня о подвиге вождя бурятского племени. И вновь углубляя представление о современности, фольклорный сюжет выводит автора к социально-историческому и общечеловеческому аспектам.

В бурятских улигерах повествование ведется от лица сказителя, певца, главной целью которого является желание своими сказаниями улучшить жизнь своего народа. Именно таким певцом является в поэме Н. Дамдинова, где жанр улигера уравнивается с исторической песней о реальной личности, убеленный сединами сказитель, который начинает поэму обращением к юным слушателям:

Ах, молодежь, молодежь!
Все меришь на свой аршин,
Порою нас, стариков, не ставишь ни в грош.
«Да что он знает, седой, болтливый улигершин?..»
Но все-таки к старикам
За мудростью ты идешь
(пер. Р. Казаковой) [Дамдинов, с.180].

«Возвращение батыра» – эпическое сказание о вожде (занги) одного из бурятских племен, который, устав от тягот кочевой жизни и военных столкновений, выбрал для своего народа место постоянной жизни – у Байкала, на скрещении дорог, прежде всего, на скрещении с дорогой Русского белого хана. И оказавшись со своими мэргэнами на чужбине, в плену, не изменил русскому подданству и принял героическую смерть. Заканчивается поэма трагическим и одновременно чудесным возвращением героя на свою родину.

Сюжет поэмы Дамдинова движется мыслью рассказчика-сказителя, который верит в неистребимость национального бытия, духовно-нравственного здоровья своего народа. Он часто употребляет выражение «если верить преданию..» и в финале заключает: «Так в народе говорят, да, в народе: / Если смертный час к батыру приходит / Может враг его оставить без жизни, / Но не может никогда – без отчизны!» И предание о легендарной личности осталось навечно, как правда, истина, которую поведал читателю рассказчик. И оно осталось жить в народе благодаря главной доблести – верности родине. Ведь перед смертью Шилдэй занги думает лишь о близости к ней:

Взошел на помост он.
Спокойно прошел по скользкости бревен
И на север лицом повернулся,
Чтоб родина стала видна.
В двух шагах от него –
Граница, за границей – разъезд казачий .
Травы, родные запахи...
Все, чем дышал и жил... <...>
Если верить преданью, словно еще жива,
На север, на милый север,
По склону горы и дальше
От врагов своих подлых покатила его
Голова
[Дамдинов, с. 194].

В реальной исторической личности автор изобразил идеал настоящего батора, заслужившего своей верностью народу и родине право остаться в преданиях и песнях. В памяти народной вернулся на родину Шилдэй, а сказитель-улигершин эту память передает новым поколениям. Эпическая

мысль автора о взаимосвязи жизни отдельного человека и истории народа движется желанием уловить момент исторического бытия, осознать место своего народа в общем историческом развитии. Отсюда жгучий интерес к истокам зарождения общности судеб русского и бурятского народов, ставший основой сюжета поэмы «Возвращение батыра» по мотивам народного предания.

Ярким примером обработки народной легенды на эту же тему стала драма Д. Эрдынеева «Бальжин-хатан» (1985, 2005). В ее основе лежит легенда о предводительнице хори-бурят, содержание которой формировалось на основе летописей, преданий, рассказов и песен. Д. Эрдынеев художественно воссоздал глубоко противоречивую эпоху феодальной раздробленности и несогласованности монгольских племен-ханств на рубеже XVII–XVIII вв. Как и в легенде, героиня драмы по воле предводителей бурятских племен выходит замуж за князя баргутских племен, осознает всю полноту ответственности за свой народ, который желает объединиться с другими мирными народами и племенами, опасаясь угрозы иноземной маньчжурской экспансии.

В легенде Бальжин-хатан выступает как образ человека, стоящего выше обычных сиюминутных, материальных понятий и по уровню восприятия реальности, и по степени осмысления глубинных, философских категорий. Тот, кто считает женщину неполноценным человеком, лишь приложением к приданому в виде оставшихся непокоренных хори-бурят, считает она, совершает ошибку, нарушает природные законы. Во время первой встречи с женихом Дай-Хуном тайжой не по годам мудрая Бальжин предложит ему взять под свое подданство ее народ, освободив из-под любой власти. Автор здесь заглянет в недалекое будущее и сообщит о том, что Дай-Хун тайжа еще не знал, что жена его всесильного отца – Бубэй-Бэйлэ разглядит в Бальжин соперницу, натравит на нее мужа и тот убьет ее, а он сам поклянется в день смерти жены, что переродится после смерти хоринцем и будет буддийским святым и станет отмаливать грехи у озера Бальжан саган нуур [Баяртуев, с. 173-174].

Д. Эрдынеев шел вслед за легендой, в которой психологически объясняется поведение героини: ею владеет то главное чувство, которое и придает ей величие и духовную силу, – это чувство гордости за своих предков-чингисидов, которые ведут свой род от самого Чингис-хана, и никогда не согласятся идти в рабство к маньчжурам, покоренным когда-то их великим предком.

Эпический смысл приобретают слова героини, проявляющей заботу о своих подданных: «Хочу, чтобы над ними всегда было мирное небо, жили они в теплой юрте, чтобы было у них много детей, достаточно еды, чтобы они испытывали радость любви и имели возможность петь родные песни. Не так уж трудно понять мое желание!» [Найдаков, Имхелова, с. 217]. В этом смысле она родственна по духу герою поэмы Дамдинова – Шилдэюзанги. Как и он, Бальжин-хатан (в первом варианте 1985 г.) убеждена, что в борьбе с захватнической политикой маньчжуров надо искать союзника в

лице Великого белого (русского) хана, и последовательно с риском для собственной жизни будет противиться союзу с коварным и агрессивным маньчжурским Нурхаци-ханом и добиваться союза с русским соседом на северо-западе, откуда дуют мирные ветры и где уважают национальное достоинство

Бальжин-хатан – образ, пришедший из эпоса, он органически слит с эпохой, потребовавшей и выдвинувшей именно таких людей, как она, как Бабжи-батор, Шилдэй Занги. В драме, как и в легенде, Бальжин-хатан воплощает в себе характерные, порой гиперболизированно выраженные черты народа. Автор наделяет свою героиню мудростью, проницательностью, сверхъестественной способностью угадывать коварные планы врагов.

Но в варианте 2005 года происходит отход от жанра исторической эпической драмы (именно такова жанровая форма первого варианта пьесы) к мифопоэтике легенды, что сказывается в том, что Бальжин-хатан послана самой Матерью-Землей спасти свой народ, взяв на себя ответственность верного исторического выбора. Настигнутая погоней, Бальжин-хатан принимает решение убить себя, чтобы сила бурятских племен не была использована маньчжурами в их захватнических войнах. Индивидуальные действия и поступки Бальжин-хатан поддержаны и обеспечены коллективной волей, народным изъявлением и, конечно же, верностью и любовью хатан – госпожи к своим подданным. Ее поддерживают бесстрашный Бабжи-батор, Мужчина и Женщина – представители хори-бурят (они приходят в ставку Буубэй-хана и просят его отпустить их на родину, в Баргужин Токум, и получают отказ), чье желание станет для Бальжин-хатан важным стимулом для последующих действий. Она исполняет волю народа в выборе такого пути, который не поколебал бы их национального достоинства.

Многие легенды и эпические сказания об исторических личностях – Шоно-батаре, Бабжа-Барас батаре, Бальжин-хатан, Шилдэе-Занги и др., как мы убедились, сыграли важную роль в осмыслении национальной литературой исторической судьбы народа. Размышляя об историческом выборе бурятского народа в событиях 350-летней давности, бурятские писатели раскрыли в яркой художественной форме универсальный смысл национально-исторических событий судьбоносного значения.

Литература

1. Бальбууров А. Поющие стрелы. – М.: Сов. Россия, 1969.
2. Баяртуев Б.Д. Предыстория литературы бурят-монголов. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001.
3. Дамдинов Н.Г. Избранные произведения: в 2 т. – М.: Сов. Россия, 1981. – Т. 1.
4. Дампилова Л.С., Цыренова М.Ц. Современная бурятская поэзия: учеб. пособие. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГАКИ, 1998.
5. Найдаков В.Ц., Имixelова С.С. Бурятская советская драматургия. – Новосибирск: Наука, 1987.

Т.Б. Савинова. Художественная концепция исторической личности в пьесе Б. Гаврилова «Чингисхан»

6. Самбялова Т.В. Традиционная и авторская символика в бурятской эпической поэме второй половины XX в. – Улан-Удэ: Изд-во ГУП ИД «Буряад үнэн», 2010.

7. Серебрякова З.А. Бурятский роман 1940-1980-х гг.: национальный характер в контексте истории: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Улан-Удэ, 2009.

Имхелова Светлана Степановна, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Бурятского госуниверситета, доктор филологических наук.

Imihelova Svetlana Stepanovna, professor, department of Russian and foreign literature, Buryat State University, doctor of philological sciences, e-mail: 223015@mail.ru.

УДК 82-2 (571.54)

© *Т.Б. Савинова*

Художественная концепция исторической личности в пьесе Б. Гаврилова «Чингисхан»

Объектом исследования является поставленная на бурятской сцене в 2001 г. пьеса Б. Гаврилова «Чингисхан», в образном строе которой можно обнаружить актуальную для переходного времени проблему национальной идентичности.

Ключевые слова: историческая драма, образ Чингисхана, Б. Гаврилов, национальное самосознание, авторская концепция.

T.B. Savinova

The Artistic Conception of the Historical Identity in Bulat Gavrilov's play "Genghis Khan"

The object of the research is the play «Genghis Khan» by B. Gavrilov which was staged at the Buryat theatre in 2001. According to the author, it put the national identity problem that was urgent for the transition time and expressed in the image-bearing order of the play and the stage performance.

Keywords: historical drama, image of Genghis Khan, B. Gavrilov, national morale, author's concept.

В последние десятилетия в творчестве бурятских драматургов не ослабевает интерес к исторической теме. Тенденция настойчивого обращения к страницам истории бурятского народа проявилась в пьесах «Япон Долгор» и «Дамдин лама» Б. Эрдынеева, драмах «Бальжин хатан» и «Святое подношение» Д. Эрдынеева, драме-хронике «С.С.С.Р.» и документальной хронике «Душа. Сентиментальное путешествие NB» Г. Башкуева исторической драме «Бадан Туракин» Б-М. Пурбуева и др. Одной из причин, обусловивших обилие исторических пьес в национальной литературе, на наш взгляд, является специфика времени «перехода», «перелома», кото-

рому всегда были свойственны эсхатологические настроения, «невнятность философии, идеологии, ...размытость национальной политики, зарождение новых общественных классов» [Баяртуев, с. 5].

А.Б. Соктоев, один из ведущих и авторитетнейших бурятских литературоведов, сформулировал закон литературного развития: «В какие моменты наступают у летописца озарения, когда возникает острота слуха и видения? В момент рождения нового исторического сознания, знаменующего переход к новой исторической эпохе» [Соктоев, 137]. Согласно этому закону, современные национальные российские литературы подвержены влиянию нового художественного мышления, когда стремятся вникнуть в суть происходящего на современном этапе развития общества, понять новые реалии жизни с позиций переосмысления исторических событий прошлого, переломных моментов национальной истории.

Свое воздействие на эту тенденцию оказала реакция национального самосознания малочисленных народов на процессы глобализации, ведущие к унификации, нивелированию их национальной идентичности. Обостренное внимание к состоянию самобытной культуры народа, родному языку, традициям, обращение к его историческому прошлому отразились и в тех произведениях бурятских писателей, которые сознательно выстраивают параллель между современными и историческими событиями, позволяющую обществу задуматься о более успешном и правильном преодолении трудностей настоящего и прогнозировании будущего. Таким произведением стала пьеса Б. Гаврилова «Чингисхан», поставленная на бурятской сцене в 2001 г.

Пьеса впервые в художественной форме предложила новую, непривычную для современников концепцию личности Чингисхана. Непривычной для бурятской драматургии оказалась и композиция драматического произведения. Пьеса выстраивается из драматических сцен в виде разрозненных «кусков» и представляет собой сочетание эпизодов, «вырванных» из жизни великого монгольского предводителя XII в. Исторические события происходят на протяжении нескольких десятков лет, при этом действие постоянно переносится из одного места в другое. Б. Гаврилов при создании своей пьесы отказывается от классического принципа драмы – единства места и времени. Продиктованное, скорее всего, обширностью выбранной исторической темы, подобное композиционное построение пьесы обусловило полицентрическое построение действия, отсутствие цельности сюжета, некую «несобранность» пьесы.

Тема пьесы не нова для бурятской литературы, но художественное осмысление личности и эпохи Чингисхана в целом было предпринято впервые в драматургии. И, конечно же, Б. Гаврилов представляет свое особое видение, свою концепцию исторической личности Темуджина-Чингисхана, которая не опровергает существующие ранее авторские концепции, но дополняет их. Если в признанном произведении И. Калашникова «Жестокий век» образ Чингисхана «показан в непрекращающемся процессе оценки и переоценки смысла и значения своих действий <...>

И. Калашников представил Чингисхана как личность, наделенную всеми свойствами человеческой природы. <...> полная страданий молодость определила характер будущего хана, он научился выжидать, терпеть поражения и наблюдать», то в романе А. Гатапова «Тэмуджин» «предсказание шаманов и обещание их поддержки определило стоическое поведение Тэмуджина во всех жизненных испытаниях, выпавших на его молодость» [Болдонова, Санжиева, 271]. Каким же видит Чингисхана Б. Гаврилов?

Здесь следует напомнить о том, что, несмотря на произошедший в XVIII–XIX вв. процесс эмансипации драмы от сцены и появление *Lesedramy* – драмы для чтения, тем не менее, любая пьеса «обретает жизнь» именно на сцене, ведь драма и театр существуют неотрывно друг от друга. «Только при сценическом исполнении, – писал А.Н. Островский, – драматургический вымысел автора получает вполне законченную форму и производит именно то моральное действие, достижение которого автор поставил себе целью» [Островский, 63]. Подобное утверждение звучит особенно актуально, когда речь идет о молодой бурятской драматургии, возраст которой составляет чуть более одного столетия. Учитывая то, что первые несколько десятилетий бурятская драма носила непрофессиональный характер, говорить о драме для чтения и на современном этапе очень сложно. Пьеса Б. Гаврилова, попав в руки режиссера Ц. Бальжана, обладающего особым видением и богатым опытом, нашла особое прочтение и неизбежно трансформировалась.

Если прозаические жанры, предполагающие большой объем произведения, позволяют писателю подробное биографическое описание (во многом исторически достоверное) и в романах «Жестокий век» И. Калашникова, «Тэмуджин» А. Гатапова читатель видит поступательное развитие главного героя, формирование качеств его характера по мере взросления, то для Б. Гаврилова, учитывающего законы драматического рода, наиболее важно показать внутреннее состояние героя, выделить факторы, окружение, составляющие и обусловившие жизнь Чингисхана. При этом пьесу Б. Гаврилова все же нельзя назвать исторически достоверной, она, скорее, представляет собой работу воображения драматурга, увлеченного личностью исторического деятеля.

Наравне с образом зрелого, утвердившегося в своих воззрениях Чингиса-Богдо-хана, Б. Гаврилов изображает и юного Тэмуджина – вчерашнего раба и совсем еще юного супруга, временно потерявшего свою жену Борте, и опьяненного первыми победами и властью вождя, находящегося на грани нравственного падения (в эпизоде казни единоутробного брата Хасара), и почти отчаявшегося человека, который вот-вот покорится своему анде Джамухе, затем душевно раздавленного его казнью, и сомневающегося в своем отцовстве мужчины. Все эти образы проходят перед читателем-зрителем, сменяя друг друга, словно воплощая разных людей в отдельных, вырванных из фильма кадрах, но при этом образуют целостную концепцию автора.

В первой сцене изображены, главным образом, два действующих лица – Чингисхан и Католик, но их диалог больше тяготеет к монологу, в котором акцентируется состояние внутреннего мира главного героя, находящегося в состоянии внутреннего, исповедального разговора с самим собой. Здесь образ Чингиса-Богдо-хана, сына Вечного Синего Неба призван продемонстрировать конечный результат и цель его жизни – принести свободу народам путем их объединения, принести божественный закон в мир раздора и вражды. Чувство внутреннего удовлетворения от своей деятельности, ощущение внутренней гармонии и душевного баланса главного героя определяет само место действия – «волшебный» город Хара-Хорин, в котором «сосуществовали кварталы Багдада и Хорезма, Византии и Варшавы, Будапешта, Венеции... Там высились церкви и костелы, мечети и синагоги, ратуши, башни, крепости... И не было в этом никакой эклектичности, все было необыкновенно продумано и точно реализовано». [Антология..., с. 473]. В первой сцене пьесы Чингисхан выступает посланником Бога, проводником воли Вечного Синего Неба на земле. В завоевательных походах Чингисхана, которые отдельными учеными и писателями до недавних пор характеризовались однобоко, Б. Гаврилов видит провидение Бога. Это подтверждают слова, которые Б. Гаврилов вкладывает в уста главного героя: «О! Вечно Единый!.. Только ты знаешь, через что пришлось пройти мне и горстке моего народа, избранным тобою для исполнения высшей воли твоей... О Вечное Синее Небо!..».

Начав пьесу со сцены, где предстает сформировавшаяся и утвердившаяся в своих воззрениях великая личность Чингисхана, затем драматург погружает зрителя в сложный процесс исканий, формирования, пути Чингисхана к реализации своего предназначения. Несомненно, это был очень сложный процесс, в котором сыграли свою роль многие факторы и, конечно же, окружающие его люди: мать, жена, кровные братья и названный брат Джамуха, шаман Теб-Тэнгри, воины Чингисхана. Каждому персонажу Б. Гаврилов отводит особенное место в жизни и судьбе Чингисхана.

В изображении женских образов – матери Оэлун и жены Борте во многом срабатывает опора на мифологическое сознание, поскольку женское начало для Б. Гаврилова – это начало жизни, энергетическая поддержка, мудрость, где-то даже наделенная некими сверхъестественными силами. Образы Оэлун и Борте противопоставляются тому хаосу, который происходит вокруг героя. Они обладают настолько мощной энергией, что в одиночку способны уравновесить этот окружающий их хаос, что подчеркнуто в авторских ремарках: «Крупным планом в центре – Борте, в ее облике особенно подчеркнуты чистота и в то же время трагичность. В разгаре пира и приближающейся вакханалии она сидит отрешенно, в ее руках спит младенец» [Антология..., 484]. Образ Борте резко противопоставлен безнравственной толпе, спящий младенец в ее руках символизирует мир и покой, архетипически женское, священное начало, наделенное особыми энергетическими качествами.

По Гаврилову, Борте для Чингисхана больше, чем просто жена. Это его половина, без которой невозможно его движение вперед, развитие. В сцене, где Борте похищена и находится в плену у меркитов, Тэмуджин привязан к дереву (а не спасся бегством, не был пойман меркитами, как было в действительности) и, лишенный возможности пошевелиться, беззащитнее и уязвимее насекомого, испытывает физическое и одновременно психическое состояние раздавленности, растерянности, отчаяния, продиктованное отсутствием жены.

Второй женский образ, имеющий основополагающее значение для Чингисхана – это его мать Оэлун. Ее появление происходит однажды, в самый переломный момент, когда главный герой стоит на грани нравственного падения, убийства единоутробного брата Хасара. Здесь Б. Гаврилов противопоставляет Оэлун безумной, кровожадной толпе, которая требует казни брата Чингисхана и «медленно и угрожающе приближается к обреченному». В ремарке подчеркивается моральное превосходство Оэлун в борьбе со злыми силами, сгустившимися над ее сыном: «Вдруг толпа растерянно останавливается – появляется Оэлун, мать Темуджина. Рядом с нею Уджин, другие женщины. Возникает резкий контраст между группой женщин и толпой. Словно во главе с Оэлун возникла некая коллективная Праматерь... Пока Оэлун с великим гневом порицает Темуджина, толпа ошеломленно рассеивается... Проклятье Оэлун страстно, глубинно обволакивает Темуджина как некий мощный обряд очищения, выдавливая из него всю ту грязь, которая клокотала совсем недавно» [Антология..., с. 488-489].

Этот исторически достоверный эпизод явился в пьесе своего рода кульминационной точкой конфликта: герой оказывался перед лицом выбора между двумя диаметрально противоположными путями. Исторические источники свидетельствуют, что Чингисхан, подстрекаемый шаманом Теб-Тенгри, был близок к тому, чтобы казнить родного брата Хасара и тем самым запустить механизм самоуничтожения, но в кризисный момент его спасает самый близкий человек – мать Оэлун, наделенная мудростью, необъяснимой силой, чистотой, дарующая жизнь, правду.

Образ Кекчу – Теб-Тенгри в пьесе «Чингисхан» амбивалентен. С одной стороны, он выступает как негативный персонаж, который сеет распри в народе. Вот почему шаманки семи племен посылают в его адрес коллективное проклятие. Так, он настраивает Чингисхана против брата Хасара, якобы организующего заговор против него. Но, с другой стороны, он действительно наделен сверхъестественными, необъяснимыми способностями не просто преодолеть коллективное проклятие, посланное в его адрес, но даже преодолевать границу между средним и верхним мирами. Он показан как человек, который лучше самого Темуджина понимает, в чем его предназначение, выступая своего рода его наставником. В его уста автор вкладывает слова о великом предназначении Темуджина: «Приходят к людям боги в разные времена напомнить о том, что они тоже боги! И приходят они под разными личинами и к народам разным. Ты рожден Бо-

гом! И все страдания твои даны тебе, чтоб из раба ты стал свободным... Ты познал – там свобода... Приведи свободу и сюда... Тьму душ людских рассей... Пусть примут их сердца сиянье Неба! Пусть их дыханье станет дыханьем Вселенной... Пусть узнают, что и они наравне с Единым!» [Антология..., с. 482].

В финале спектакля, поставленного по пьесе Б. Гаврилова, Темуджин сидит в позе Будды на одной из ступенек «лестницы в небо» – это намек, подтверждающий концепцию драматурга о богоизбранности Чингисхана, которую театр и донес до зрителя.

Действие пьесы и спектакля «Чингисхан» не случайно заканчивается в городе Хара-Хорин. Режиссер намеренно прибегает к приему кольцевой композиции, акцентируя внимание на воплощении божественной воли в облике вечного Города мира. Хара-Хорин – «метафора жизни и цели» Чингисхана, он и есть воплощение свободы, воплощение Вечного Синего Неба на земле, свидетельство того, что Чингисхан достиг своей цели, выполнил свою миссию на земле, которую на него возложило Вечное Синее Небо – привести народам земли свободу в истинном понимании этого слова.

Такая концепция этой исторической личности позволяет драматургу показать не превосходство Темуджина над обычными людьми из-за своего благородного происхождения, или природного таланта, или полководческого гения, а его посвященность в сокровенные тайны мироздания. Не зря в программке к спектаклю его создатели ставят Чингисхана в один ряд с Буддой, Христом, Магометом, хотя, чтобы спектакль стал «театральным посланием каждому зрителю, говорящим о том, что каждому из нас в жизни требуется напряженная внутренняя, искренняя и концентрированная работа души и ума, необходимая сегодня для выхода из состояния депрессии». Драматург и театр пытались вызвать в зрителях гордость за своего предка-соплеменника, увидеть в нем образец человека, жившего в сложную и драматичную эпоху и выполнившего свой высокий долг. Художественное решение исторической темы не отменяло, а усиливало ее публицистический пафос, отвечая атмосфере поисков национального самосознания и национальной идентичности.

Писатель в процессе создания художественного произведения неизбежно говорит больше, чем хотел сказать – данный закон словесного искусства срабатывает и в отношении пьесы Б. Гаврилова, где есть некоторая неопределенность, недосказанность главной идеи. Но «увиденная», выделенная режиссером и актерами авторская концепция помогла пьесе «Чингисхан» состояться. Пьеса и спектакль, удостоенные Государственной премии РБ в 2002 г., стали подтверждением еще одного важного закона – литература для театра особенно востребована в периоды социально-исторических сдвигов, когда в обществе возникает потребность в решении вопросов важных, насущных, значимых для его дальнейшего развития.

Литература

1. Антология литературы Бурятии XX – начала XXI века: В 3 т. Т. 3: Драма-тургия / сост. С.С. Имхелова. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011.
2. Баяртуев Б.Д. Вступление // Д. Эрдынеев. Уйлын ури. – Улан-Удэ, 2006.
3. Болдонова И.С., Санжиева Т.Е. Герменевтический историзм: художественный образ Чингисхана в современной бурятской литературе как фактор развития национального самосознания // Вестн. Бурят. гос. ун-та. Сер. Философия. Социология. Политология. Культурология. – 2012. – Вып. 6.
4. Островский А.Н. Полн. собр. соч.: В 12 т. – М., 1978. – Т. 10.
5. Соктоев А.Б. Становление художественной литературы Бурятии дооктябрьского периода. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1975.
6. Урбанаева И.С. Человек у Байкала и мир Центральной Азии: философия истории. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН.

Савинова Туяна Баировна, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВПО «Бурятского государственного университета», ассистент кафедры восточных языков.

Savinova Tuiana Bairovna, postgraduate student of the Department of Russian and foreign literature, assistant at the Chair of Oriental languages, Buryat State University. E-mail: tuanasavinova@mail.ru

УДК 82:7.046.1

© *Е.Д. Монгуш*

**Роль мифологических и литературных сюжетов
в повествовательной структуре прозы Л. Петрушевской**

Рассматривается проявление неомифологических тенденций, устанавливается их связь с особенностями повествования в прозе Л. Петрушевской.

Ключевые слова: мифологическая образность, «бродячие сюжеты», «вечные образы», рассказы, роман, повествование, Л. Петрушевская.

E.D. Mongush

The role of mythological and literary subjects
in prose by L. Petrushevskaya

The article reviews neo-mythological trends and their connection to narrative features in L. Petrushevskaya's prose.

Keywords: mythological imagery, 'stray stories', 'eternal images', novel, narrative, L. Petrushevskaya.

Творчество Л.С. Петрушевской находится в зоне пристального внимания современных исследователей. Объектом пристального внимания критиков и литературоведов является своеобразие используемых писательницей литературных и мифологических реминисценций. Так, в литературно-критических откликах на ее произведения О. Лебедушкина спра-

ведливо утверждает, что «в намеренно простоватой речи ее монологизирующих героев можно обнаружить всю мировую литературу от Платона до Федора Сологуба и Беккета», что «мифопоэтические корни этой прозы сами по себе провоцируют бесконечное нанизывание цитат, которое происходит в сознании читателя» [Лебедушкина, с. 206].

Мифологизацию как «орудие художественной организации материала» исследователи называют характерной чертой литературы XX в. [Лютман, Минц, Мелетинский, с. 3]. В. Руднев обратил внимание на то, что «художественный текст XX в. ...начинает уподобляться мифу по своей структуре... писатель придумывает свою оригинальную мифологию, обладающую чертами мифологии традиционной» [Руднев, с. 170]

Неомифологизм как черта поэтики произведений Л. Петрушевской обратил на себя внимание как в самых первых рассказах 1970–1980-х гг., так и после выхода в 2004 г. романа «Номер Один, или В садах других возможностей». «Одним из самых ярких неомифологических текстов современной литературы» назвал этот роман М. Бобровский: «Миф у Петрушевской может выступить и как основа сюжета, и как ведущее стилистическое средство, и как способ создания образов персонажей. Все эти функции мифа нашли свое подтверждение в романе» [Бобровский].

В прозе Петрушевской неомифологические тенденции предстают в единстве с ее необычной повествовательной манерой, которую один из рецензентов описал так: «...только она (Петрушевская) способна перескакивать с одного способа говорения на другой, нигде не задерживаясь дольше, чем надо, не превращая литературный прием в игру» [Рождественская]. Связать неомифологизм прозы Петрушевской со структурой повествования представляет для исследователя необходимый аспект, который требует серьезного научного изучения.

Мифологическая образность в современной прозе продиктована созданием многогранной картины мира в рамках архетипических образов и мифологем, имеющих место в реальной действительности, а не только в воображении автора. Мифологическая модель реальности отличается универсальным хронотопом, совпадением универсального с конкретно-чувственным, вследствие чего любая попытка гармонизации окружающей среды рассматривается как следствие мифологического мышления человека. Е.М. Мелетинский в книге «Поэтика мифа» отмечал, что издавна в литературе, наряду с образами и мотивами античной, а затем и библейской мифологии, являющимися арсеналом поэтической образности, источником сюжетов, своеобразным формализованным «языком» искусства, создаются образы и типы героев огромной обобщающей силы, моделирующие не только социальные характеры своего времени, но некоторые общечеловеческие кардинальные типы поведения: Гамлет, Дон Кихот, Дон Жуан, Фауст и другие так называемые «вековые образы», которые сами стали образцами наподобие мифологических парадигм для последующей литературы [Мелетинский].

В качестве категориальной черты неомифологического сознания выступает интертекстуальность, причем, в качестве мифа, «подсвечивающего» сюжет, может выступать не собственно мифологический текст, но и «исторические предания, бытовая мифология, историко-культурная реальность предшествующих лет, известные и неизвестные художественные тексты прошлого», не исключается и возможность создания собственной оригинальной мифологии, не проецируемой на некоторый текст, но реставрирующей общие законы мифологического мышления [Руднев, с. 184]. Немаловажно при этом представление ритуала как устоявшегося поведения людей, способствующего возникновению и развитию стереотипного мышления.

В прозе Л. Петрушевской литературно-мифологическая образность как важный элемент поэтики современной литературы тесно связана с особенностями поэтики повествования. Особенности и своеобразие мифологем в прозе Петрушевской сопровождаются постоянной отсылкой ее необычного повествователя к культурным текстам трагического содержания: это античные трагедии, трагедии Шекспира, произведения Пушкина, Гоголя, Островского. Объяснение природы мифологической образности в произведениях писательницы дает возможность раскрытия индивидуальной авторской картины мира. Ведь автор, исчезнув из прямой повествовательной ткани, проявляет себя в языковых реалиях произведения посредством образного воплощения многообразия мира и использования необычайно богатого набора художественно-изобразительных средств и приемов, которые, по сути, и являются способом выражения авторского присутствия. Особенности повествования, своеобразные связи всех субъект-объектных отношений в структуре текста формируют определенные типы мифологической образности посредством их факультативных или ассоциативных значений, являются компонентами языковой, ментальной и концептуальной картины мира писателя.

Начиная с ранних рассказов опора на мифологическое сознание составляет одну из важнейших особенностей творчества Петрушевской. Однако уже замечено, что связь с мифологическими и литературными сюжетами проявляется у Петрушевской отчетливее всего в зрелых произведениях [Прохорова, с. 77]. То есть тенденция к универсализации картины мира, когда изображение повседневного события вдруг обретает бытийный смысл, с развитием художественной системы писательницы усиливается. Это можно обнаружить в циклах рассказов с символическими названиями: «Песни восточных славян», «В садах других возможностей», где сквозь бытовую реальность проступает мистическое инобытие.

Основной особенностью этих циклов можно назвать тему жизни и смерти, существующих в «нераздельно-неслиянном единстве». Справедлива оценка художественного мира писательницы, данная М. Бобровским: «Мир Л. Петрушевской подобен мифологическому универсуму, подчиненному циклическим моделям, поэтому смерть в нем неокончательна» [Бобровский]. Эта тема звучит в рассказах и других циклов. Например,

смерть «от огорчения» Бациллы из одноименного рассказа; в рассказе «Сирота» «некоторым видится его (героя) умершее лицо»; Нюра прекрасная в одноименном рассказе умирает, но на улицах и в метро «печальный образ умершей Нюры витает над разбежавшейся толпой».

Дело в том, что мифологическое мышление заключается в отсутствии четкой грани между живым и неживым. Смерть неокончательна, она означает возврат к исходному положению – это жизнь в ином облики. О. Лебедушкина пронизательно заметила: «Смерть существует только для того, кто наблюдает со стороны. Сам же умирающий просто попадает в другую страну, в “сады других возможностей”, т.е. в иную реальность» [Лебедушкина, с. 202].

Повествование в рассказе «Два царства» (1993) ведется от третьего лица и только через восприятие героини – ее сознание передает изменения в окружающем ее мире, связанные с болезнью, операцией, прощанием с матерью и сыном. Повествование можно даже представить как ее субъективный «поток сознания», потому что читатель должен вместе с ней разбираться, почему в начале рассказа она летит «в абсолютном небесном раю, как это полагается, среди ослепительного синего пейзажа, над плотными курчавыми облаками» [Петрушевская, 1996, с. 344]. Фраза «как это полагается» – из арсенала сознания, которому не совсем понятны происходящие метаморфозы: то ли это спят вместе с ней в самолете солдаты, совершенно одинаковые, с желтым цветом лица, с темными запекшимися ртами, то ли это пассажиры, представляющие «посольство далекой южной страны». Наряду с вполне рациональным объяснением причин перехода героини в «иное», ирреальное пространство («Лину одевали сестры в белое платье и спустили на каталке, на лифте..»); «...была сделана, видимо, запланированная операция, и все, что было после операции, Лина уже не помнила»), наряду с пониманием героиней самого перехода в другое пространство («Стюардесса была уже не своя, ихняя... подавала преимущественно напитки нездешнего вкуса») повествование включает объяснение загадочных, ирреальных явлений.

Прежде всего, это появление Васи, который «был вообще миф», потому что был весь в белом и босиком и напомнил о том, что когда-то он обещал увезти Лину с ее родными в земной рай – «где-то далеко, на берегу моря, среди мраморных колонн, летающих чуть ли не эльфов, короче, ее ждало будущее Дюймовочки» [Петрушевская, 1996, с. 345]; это отъезд Лины с Васей на машине «прямо из реанимации на так называемую свадьбу», а потом на самолете, как окажется, в другую страну, где ее лечат с помощью чудесной вакцины, где «в магазинах имелось все, о чем можно было мечтать», где все ходят в белых одеждах и с веночками.

Страна эта начнется с приземления самолета в «тихий сад» – «сад других возможностей», иное «царство», которое отличается от земного сказочными реалиями – не только изобилием материальных благ, но и тишиной «без скорби и плача», наличием мужа Васи, который «ее берег от всех трудов», т.е. рай, где сбываются земные мечты. Правда, здесь не было

возможности написать письмо матери, подругам и послать посылку сыну Сереженьке, поскольку «почтовой связи между государствами не существует».

Рассказ заканчивается сообщением уже объективного повествователя о том, как одинокая Лина (Вася куда-то исчез) научилась наконец летать в хороводе «аборигенов» этой страны и, «разомкнув чужие руки, влилась в общую вереницу и полетела по кругу... в этом царстве мертвых», в котором «никогда не узнать, как тоскуют там, в царстве живых» [Петрушевская, 1996, с. 349]. Здесь преобладает точка зрения со стороны, хотя читатель чувствует, что в ней присутствует и голос затухающего сознания Лины.

Фантастика в рассказе «Два царства» имеет очевидные фольклорно-мифологические корни, обнаруживающиеся в мотивах свадьбы-похорон и путешествия в загробный мир, в образе ангела – «бородатого Васи, который, как Харон, переплавляет героиню через реку «забвения» Лету. Ключевой же метафорой в рассказе становится превращение житейского стереотипа «заграничный рай» в архетип «Эдемский сад». «Тихий сад», куда в действительности попадает Лина, осознается ею как «заграница»: «срабатывает» как раз стереотипное советское сознание, в котором просто не могло быть иного представления о загранице как рае.

Поэтому, прежде чем полностью раствориться в хороводе «молодых, бледных, успокоенных лиц», героиня сознанием цепляется за привычные представления и формулы. И чтобы «забыть» прежний, земной мир – заплаканную маму, оставленного сына, друзей, перед которыми можно похвастаться изобилием того, чего у них не хватает, ей необходимо освоить «законы» нового мира, прежде всего «летающую походку аборигенов». Но и здесь прежнее сознание еще отражено в модальности таких выражений: «оказалось, что это очень просто», «как оказалось... осталась на полном обеспечении».

Объяснение всему происходящему дается на языке сознания, не совсем еще свободного от земного мира, к которому героиня принадлежала когда-то, и пониманием, «что тут что-то совсем не так». Полное же освобождение связано с затуханием памяти, наступлением спокойного, почти безразличного отношения к родным и надежды не встретить здесь больше никого из царства живых.

Образ райского сада, в котором оказалась героиня рассказа «Два царства», оказывается средоточием конечного маршрута человеческой души, где уже не властны разум и воля земного человека и где областью своей души он уже не тот, потому что обращен к Абсолюту, Духу. Язык постепенно лишается какой-либо разговорности и несвязного синтаксиса и помещается в поэтически-возвышенный ряд. Это движение повествовательной речи диктуется переходом из привычного и потому теплого мира быта в бесстрастный и потому холодный мир смерти.

В новелле «Бог Посейдон» (1993) также воплощена метафора иной реальности – морской, где возможно исполнение мечты о спасении, которое

ждет всех несчастных, потерпевших крушение в бурном море жизни. Героиня, которая ведет повествование, блуждая в приморской местности, случайно встретила свою подругу Нину, которая умудрилась «сменить» свою однокомнатную квартиру на роскошные «апартаменты», выйти замуж за хозяина квартиры и поселиться там вместе со своим сыном. Эта история воспринимается героиней-рассказчицей как реализация мечты о рае, и как в рассказе «Два царства», эта мечта передана в привычных представлениях.

Согласно реминисцентному названию новеллы осуществляется мифологизация повествования. Приметы обыденного пространства соединяются с попыткой объяснения необычного перевоплощения: оказывается, что муж Нины – сын бога моря Посейдона, который может все и живет ради семьи. И только вернувшись в Москву, героиня узнает, что Нина год назад утонула вместе с сыном в «известном кораблекрушении на прогулочном катере вблизи тех самых берегов, где только что я гуляла, ни о чем не подзревая» [Петрушевская, 1996, с. 325]. Остается загадка – так встретила героиня Нину или нет, гостила ли в ее великолепных апартаментах? Но в финале героиня-рассказчица вновь тоскливо вспоминает («в памяти все всплывала») не только гостиничную спальню люкс, но и подъезд с беломраморной лестницей («просто мечта!»), которые держатся в памяти рядом с вечно-измученным лицом Нины. Простыни, «белокипенные, как морская пена», слились теперь в сознании героини с успокоенной подругой, которая, она знала, всегда мечтала о море, а значит о сыне бога Посейдона, который делает «все для дома, для семьи» («просто мечта!»). Так рассказ героини об утонувшей Нине превращается в работу ее сознания, горящего по умершей подруге и радующегося факту ее «спасения» от тягот несправедливого к ней земного мира. Голос героини сливается с авторским чувством, которое соединяет в себе одновременно облегчение и горечь.

Вполне закономерно Петрушевская обращается к библейской образности, чтобы воплотить одну и ту же вечную мечту о спасении и Спасителе. Так, рассказ «Новые робинзоны» (1989) представляет собой фантастически-антиутопический сюжет спасения одной семьи от надвигающейся катастрофы. А в рассказе «Гигиена» люди умирают от голода и холода, смыслом жизни для героев становится выжить во чтобы ни стало. Эта борьба за жизнь является осью сюжета. В живых остаются немногие, кто целью своей делает спасение еще живущих: «Кот мяукал, и молодой человек, услышав единственный живой голос в целом подъезде, где уже утихли, кстати, все стуки и крики, решил бороться хотя бы за одну жизнь...» [Петрушевская, 1996, с. 343-344]. И окажется, что спасет он не кота, а девочку – единственную оставшуюся выжившей после эпидемии.

В рассказе «Спасенный» (1997), продолжающем ключевую для Петрушевской тему материнства и сострадания к ребенку, роль спасителя предназначена судьбой юноше Киту. Когда-то во время страшного землетрясения он спасет свою мать, а теперь должен спасти незнакомую девочку.

ку под воздействием чудесной и магической воли ее погибшей матери. Аллюзивно в рассказе Петрушевской герой становится Спасителем, потому что каким-то таинственным образом рожден, чтобы сохранить жизнь своей матери, спастись самому, чтобы потом спасти другого ребенка. Сюжет о «саде других возможностей» позволяет передать авторское восхищение перед чудом человеческих возможностей. И тогда случай превращается в закономерность, потому что речь идет о человеческой потребности быть рядом с попавшими в беду, помочь, спасти другого.

Петрушевская использует такие качества мифологического сознания, как неспособность провести границу между естественным и сверхъестественным. А чуждость мифу абстрактных понятий ведет к тому, что вместо них используются целый комплекс ассоциаций – культурных, исторических, литературных – в сознании рассказчика или героя.

Повествование в рассказах ведется иногда от 1-го лица («Новые робинзоны», «Свой круг»), но чаще используется повествование, где нарратор обладает многоликим и многоголосым обликом. Е. Шкловский в пишет о повествовании от 3-го лица в рассказах Петрушевской: «... в голосе повествователя обычно звучат разные голоса, сплетаются и перекрещиваются различные точки зрения и мнения, словно мы имеем дело с неким коллективным рассказчиком, которого только так и можно увидеть – со стороны» [Шкловский, с. 4]. Разноликий рассказчик вплетает в свой рассказ мнение героя («чужое слово», по Бахтину), превращая свою речь в «хор», состоящий из собственного мнения, мнения героя и голоса некоего коллектива, где расхожее, стереотипное знание сосуществует с вдруг открывшейся истиной.

Именно такова и повествовательная стратегия в пока единственном романе писательницы «Номер один, или В садах других возможностей» (2004). И хотя душа главного героя – ученого-этнографа, изучающего культуру северной народности энтти, «встроилась» в другое тело – тело вора Валеры, она все-таки хранит неуничтожимую память о своем начальном опыте. Это отражено в повествовании, которое передает движение сознания и мысли героя-интеллекта – Номера Один. Периодически в рефлексию героя проникает сознание и слово Валеры, настоящее «я» героя удивляется, но тут же может говорить о своей настоящей идентификации во множественном числе – «мы» – и тогда нарративная модель динамичного повествования, передающего сложное соединение двух «я» начинает доминировать: «Во дворе явственно нарисовался вполне спокойно идущий вор... бритый налысо, в черной кожаной куртке. Он двигался от соседнего подъезда в левую сторону, не спеша, спиной к нам, оглядывая свои пальчика, ссука! ...Номер Один несколькими прыжками неслышно догнал и нанес сильнейший двуручный удар сложенными кулаками (пальцы беречь!) по лысому кумполу, даже не готовясь, на раз! Лысый быстро лягнул назад ногой, но нас не достанешь! Еще прошиб! Упал, сука. Рвануть за кожанку, лицом ко мне стоять! Стоять! (длинно сказано)» [Петрушевская, 2004, с. 129].

Наряду с мутацией тела меняется и язык, его произнесение в том числе («Как же привыкнуть к этому рту? Нижняя губа как бы запинается о зубы»), зато в письменной речи восстанавливается статус личности, несмотря на пропуски знаков препинания и сокращения. Кроме того, письменная речь становится еще и выражением памяти героя. В письме жене Валера – Номер-Один изъясняется грамотно и литературно, что отражает дисциплину духа и доминирование сознания интеллигента. В едином физическом теле одновременно вещают две души, тело хранит память о его прежней обительнице, а новая приходит со своей памятью. В конце романа, размышляя над вопросом: «Кто я?», «Кто мы?» – герой Л. Петрушевской осознает, что сам человек и есть память. Таково концептуальное высказывание автора. Так литература, ориентированная на психологическое исследование коллизии перевоплощения, в отличие от жанра фэнтези (например, «Ночной дозор» С. Лукьяненко, эксплуатирующий тему метемпсихоза), ревниво хранит душу как тайну человека.

Можно сказать, что Петрушевская говорит о спасительной функции языка, т.к. самобытный язык провоцирует героя на самосознание и ему предстоит осознать глубины своей культурной памяти. Так письма героя к жене передают неотвязные мысли о судьбе любимой жены и сына. Но более всего его занимает общая мысль о собственной вине перед народом энтти, в чью жизнь вмешалась цивилизация, в том числе его собственное вмешательство, когда народ лишился главного атрибута – драгоценного камня как собственного глаза. Это есть его внутренний «ад».

Роман Петрушевской непринужденно оперирует культурными мифами, прежде всего мистической смертью героя, схождением его в ад. Кроме того, немаловажную роль играет и воспроизведенный миф о грешнике. Тема преступления и наказания звучит и в заключительной главе. Но, согласно принципу вариативности, она получает новую трактовку. «И самое главное это искупить огромн. вину этого идиота безграмотного Куха он вынул глаз Царя нижнего мира...», – пишет Номер Один жене, объясняя свое решение вновь лететь на Юзень, к энтти. И снова, уже в который раз, звучит тема нисхождения в мир мертвых: «Я ...верну его Царю ...а то все зло свищет в пустую третью глазницу из нижнего мира они так веруют а это величайшее из известных мне захоронений примерно 3000 лет до нашей эры...» [Петрушевская, 2004, с. 327–328]. И здесь герой берет на себя миссию спасения не только двух цивилизаций – народа энтти и всего «Верхнего» мира. Мифологическая образность в романе, таким образом, связана с идеей спасения и образом Спасителя.

К проблеме социальной и личностной самоидентификации Петрушевская добавляет вопрос о внутренней сущности человека. И обращение к литературно-мифологическим сюжетам важно для заострения потенциала иррационального в современном человеке. Предлагая версию личностной самоидентификации конца XX в., необычайно важную для романного жанра, Петрушевская не выступает писателем-моралистом: она производит суд над героем романа «Номер Один...» и отпускает его на свободу

благодаря работе его совести, осознания вины, греха. В результате герой представляется как вступивший в сделку с колдуном (причем по собственной подсказке) и тем самым являет аналог Фауста. Метаморфозы, происходящие с ним, только подчеркивают, что он – ученый, пытливый исследователь жизни, и это придает работе самосознания особый смысл. Придерживаясь классической гуманистической системы ценностей, автор предлагает такой образ мышления героя и соответствующую ему форму повествования, которые соответствуют динамике современности.

Таким образом, способы реализации литературной и мифологической образности в прозе Л. Петрушевской формируют неповторимый набор художественных средств, создающих уникальное повествование и неожиданный образ повествователя. Другая функция использования и пересоздания известных мифов и литературных мифологем – философско-мировоззренческая, встраивающая творчество писательницы в контекст искусства рубежа XX–XXI вв., – это поиск способов сохранения универсальных, незыблемых ценностей, потерявших свой смысл или ушедших на периферию общественного сознания. Спасением от «недугов» современности Петрушевская считает, прежде всего, ценности семьи, где особое внимание заключено в архетипической модели «мать и дитя». А после публикации романа «Номер один...» особое значение приобретает ценность личности, способной трансформировать хаос в космос, деструкцию – в гармонию. «Спасителем» делают такого героя чудодейственные человеческие качества – любовь, память, совесть.

Литература

1. Бобровский М. Номер один... Л. Петрушевской [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.proza.ru/2010/11/21/857>
2. Лебедушкина О. Книга царств и возможностей // Дружба народов. – 1998. – № 4.
3. Липовецкий М.Н. Трагедия и мало ли что еще // Новый мир. – 1994. – № 10.
4. Лотман Ю.М., Минц З.Г., Мелетинский Е.М. Литература и мифы // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. / гл. ред. С.А. Токарев. – М., 1994. – Т. 2.
5. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. – М.: Академический проект, 2012.
6. Петрушевская Л.С. Бал последнего человека: Избранная проза. – М.: Локкид, 1996.
7. Петрушевская Л. Номер Один, или В садах других возможностей. – М.: Эксмо, 2004.
8. Прохорова Т.Г. Проза Л. Петрушевской как художественная система. – Казань: Казанск. гос. ун-т, 2007а.
9. Рождественская, К. Ночное благоухание метемпсихоза // Новое литературное обозрение. – 2004. – № 67.
10. Руднев В.П. Словарь культуры XX века: ключевые понятия и тексты. – М.: Аграф, 1999.
11. Шкловский, Е. Косая жизнь. Петрушевская против Петрушевской // Литературная газета. – 1992. – 1 апр.

Монгуш Евгений Докурович, заместитель директора по инновационной деятельности Тувинского института гуманитарных исследований. Тел.: (39422)34812; e-mail: mongun2005@yandex.ru

Mongush Evgeniy Dokurovitch, Tuva Humanitarian Research Institute innovation activities deputy director.

УДК 82-36

© *А.И. Хребтова*

Проявление комического в жанре литературного анекдота

В статье рассматриваются жанровые особенности литературного анекдота, особенности его функционирования и отличие от анекдота фольклорного.

Ключевые слова: литературный и фольклорный анекдот, комическое, закон пуанта.

A.I. Chrebtova

Manifestation of the comic genre of literary anecdote

This article discusses some of the genre features anecdote features of functioning and differences literary anecdote from folklore anecdote.

Keywords: literary and folklore anecdote, comic, pointe law.

Известно, что смех имеет социальную сущность. Об этом писал А. Бергсон: «Комическое не доставляет удовольствия в одиночестве. <...> Смех, даже самый свободный и открытый, всегда предполагает скрытую мысль о чём-то вроде соглашения, почти что сообщничества с другими лицами, реальными или воображаемыми, участвующими в этом смехе». И далее автор приходит к выводу: «Чтобы понять смех, надо рассматривать его в его естественной среде, которая есть общество. <...> Смех, даже самый свободный и открытый, всегда предполагает скрытую мысль о чём-то вроде соглашения, почти что сообщничества с другими лицами, реальными или воображаемыми, участвующими в этом смехе» [Бергсон, с. 1308].

Социальность смеха – в том общем чувстве, которое объединяет смеющихся. Вместе с тем, лучшая почва для смеха – это враждебность, борьба. Но социальность является только первой характеристикой смеха. Другую существенную черту его Бергсон определяет, как бесчувственность или «временную анестезию сердца» » [Бергсон, с. 1309]. Комическое содержится в том, что лишено спонтанности, естественности. А. Бергсон связывал комическое с автоматизмом, с механическим, «которое завладевает живым» [Бергсон, с. 1306].

Если проанализировать те моменты смешного, которые наблюдал советский человек в эпоху кризиса коммунистической идеологии, – это будут моменты несоответствия формальной и содержательной сторон его

жизни. Например: «В СССР самая высокая секретность. Во Франции на одном заводе не знают, что делают на другом в той же фирме. В Англии в одной лаборатории не знают, что делают в другой, в соседней. В США сотрудник не знает, что делают за другим столом. У нас сотрудник сам не знает, что он делает. Феномен подобного несоответствия А. Бергсон называл «идеей административной регламентации жизни» » [Бергсон, с. 1308].

Смех как таковой деконструктивен, поскольку ориентирован на выявление искажений и несоответствий между понятиями о вещах и самими вещами. Комическое возникает в момент разрыва формы и содержания, когда содержание изменяется (или подменяется чем-то иным), а форма остаётся всё той же. Вот почему в анекдоте широко используется комический смех как средство, которое позволяет человечеству переделать уже давно устоявшееся, изменить точку зрения.

Фольклорный анекдот во многом опирается на обрядовый смех, который уничтожает ради созидания, ради пробуждения и поддержания жизненных сил, и в чистом виде в сознании современного человека не существует. Однако в литературном анекдоте автор может его «воскресить», так как по своему происхождению комический смех тесно связан с архаическим и, следовательно, несет в себе его признаки как «память жанра», по выражению М. Бахтина.

В русской филологической мысли проблемы поэтики анекдота не только не обсуждались, но не были даже и поставлены. В результате феномен анекдота, как фольклорного, так и литературного, совершенно не прояснен и не определен. В основе анекдота, как правило, лежит маловероятное происшествие, но представлено оно как случай из жизни. Внутренняя антиномичность, принципиальное несовпадение обещания с результатом, преподнесение откровенной «небывальщины» как самой очевидной реальности и определяют в главном суть той эстетической игры, на которой и строится жанр анекдота. Более того, подача события во многом достаточно фантастичного (и это при том, что его необычность и даже нелепость не только не скрыты, а, наоборот, подчеркнуты, выделены), как случая из жизни, как факта бытия и есть то, что, собственно, определяет феномен анекдота.

Предельная сжатость и концентрированность анекдота, его предельная динамичность имеют особый характер, определяясь ведущей внутренней тенденцией жанра, тем, что анекдот разворачивается как невероятное реальное происшествие. Дело даже не в том, что действие протекает необыкновенно быстро; важно то, что при этом происходит смена осевых координат, что событие, включенное в реально-бытовой план, вдруг (обычно это происходит в финале) начинает приобретать черты явной фантастичности, и в результате на передний план обязательно выходят нелепость, странность, неожиданность.

Нам представляется, что существует закон пуанта [Курганов, с. 6], который, собственно, и определяет специфическое построение анекдота, его

исключительный динамизм. Заключительная реплика – из совершенно иного эмоционально-психологического измерения. Как правило, в ней проступает другой тип логических связей. Кроме того, очень часто происходит резкая смена смысловых значений: автор и персонажи (или один из персонажей анекдота, если ему, а не повествователю принадлежит финальная реплика) оказываются говорящими как бы на разных языках. Возникающая ситуация *не-диалога* и есть эстетический нерв анекдота, то, ради чего, собственно, он и рассказывается. Главное тут заключается не в комизме, не в смехе, а в энергии удара, в столкновении разных конструктивных элементов, в сцеплении принципиально не совпадающих миропониманий. Достоверное, убедительное соединение несоединимого и объясняет характер острия анекдота. Вообще жанр в целом представляет собой психологический эксперимент, моделирование неожиданной, трудно представимой ситуации, но при этом обязательным является условие, что ее нужно показать именно как реальную и даже совершенно обычную, чтобы не было ничего похожего на искусственное, эклектичное соединение разных психологических структур.

В итоге формируется своеобразная логика анекдота. Все, что происходит в его пределах, оказывается абсолютно естественным. В частности, странное, необычное, откровенно нелепое преподносится как совершенно реальное, оправдываясь и санкционируясь именно логикой жанра. В частности, странное, необычное, откровенно нелепое преподносится как совершенно реальное, оправдываясь и санкционируясь именно логикой жанра. Приведем один из анекдотов о Штирлице:

На улице Мюллер встретил Штирлица, который нес в руке коробку «Адидас». Мюллер спрашивает: «Где вы достали?» – «Здесь, за углом, – ответил Штирлиц. – Я вам покажу». За углом, действительно, шла торговля, но очередь была очень большой. «Жаль, нет у меня времени стоять столько», – сказал Мюллер. «А я вам без очереди возьму. Давайте деньги. Подождите здесь». Через минут пять Штирлиц принес коробку. Мюллер был очень удивлен. Голос Копеляна за кадром: «Мюллер не знал, что Герои Советского Союза обслуживаются вне очереди».

Как видим, в приведенном тексте в жизнь фашистской Германии неожиданно вклинивается советский быт, быт брежневской эпохи. В результате такого столкновения как-то особенно высвечивается аномальность, абсурдность последнего.

Постоянно помня о фольклорных истоках жанра, в процессе исследования русского анекдота исследователи ориентируются на литературную, а не на фольклорную линию. Фольклорный анекдот обязательно предполагает бурную комическую реакцию, он должен развлечь, позабавить, удивить. В эстетическую сверхзадачу литературного анекдота отнюдь не включено вызывание смеха, хотя и его вполне может отличать комизм ситуации. В главном тут уже требуется совершенно иное: он должен вызвать, раздражить «историческое любопытство». Различие это объясняется тем, что если фольклорный анекдот довольно легко приспособляется

к любой среде и любой эпохе, то литературный анекдот всегда характеризует быт, нравы, психологию, привычки: он по-особому, но все-таки историчен.

В русском литературном анекдоте обращение к тому или иному событию из прошлого дает возможность постигнуть несообразность, дикость, странность, наблюдавшиеся в российской действительности, дает возможность поиска тех внутренних механизмов, которые определяют историческое бытие нации. Можно сказать, что литературный анекдот есть жанр движущийся. Это прежде всего объясняется его контекстуальностью. Без соответствующего историко-бытового обрамления силу притягательности анекдота уяснить трудно. Например, Н.В. Кукольник записал анекдот о том, как петербургский обер-полицеймейстер Н. Рылеев понял указание Екатерины II, что нужно набить чучело из Сутгофки (собака была названа по имени подарившего ее банкира Сутгофа) таким образом, будто императрица прогневалась на банкира и высочайше повелевает теперь набить из него чучело [Кукольник, 1991, с. 45].

При Екатерине обер-полицеймейстером был одно время Рылеев, такой же Башуцкий, такой же Мартынов, как и все коменданты.

Однажды при утреннем рапорте Рылеев застаёт Екатерину глубоко опечаленною.

– Ах, батюшка, вот несчастье. Прикажи, пожалуйста, с Сутгофки (Суттерланда) кожу содрать и набить чучело, да и поискуснее, сей час!...

И государыня ушла.

Пораженный словно громом Рылеев не верит ушам; проходит камердинер императрицы.

– Уж полно ли так ли я слышал. Неужто Сутгоф?

– Правда, правда, приказано кожу содрать и чучело набить. Вас только и ждали.

– Да за что же?

Но камердинер уже ушел. Нечего делать; надо было приступить к исполнению Высочайшей воли. Рылеев, скрепя сердце, берет жандармов, оцепляет дом Сутгофа и ни жив, ни мертв входит к испуганному банкиру.

– Что такое случилось, генерал?

– Вы должны лучше знать. Я только палач, а вы преступник. Пожалуйста за мной. Я скрывать перед вами ничего не стану. Приказано с Вас кожу содрать...

– Кожу содрать!..

– Решительно!

Поднялся во всем доме плач и скрежет зубов. Жена, пять человек детей, банкир и сам Рылеев все плакали навзрыд. Сутгоф, известный честностью и домашними добродетелями и постоянной милостью у Екатерины, не мог понять причины такого страшного гнева и такого странного приговора. Он объяснил Рылееву, что тут есть какое-нибудь недоразумение, и ему стоит только явиться к государыне, ивыгнал жену и

детей. Приставил караул к воротам, крыльцу и выходам, а сам поехал во дворец.

Государыня, печальная, гуляла в Эрмитаже. Приезд об<ер>-пол<ицмейстера> по экстренно важному делу еще более ее обеспокоил. – Зовите! Что там еще случилось?

Входит Рылеев и бух в ноги.

– Матушка-Государыня, помилуй! Повинную голову меч не сечет. Преступник не уйдет, я принял меры. Но выслушай!..

– Что такое? Растолкуй порядочно...

– Жена, пятеро детей, как стали выть, разжалобили.

– У кого это?

– У Сутгофа! У того банкира, что ты всемилостивейше повелела с живого кожу содрать...

Государыня не могла удержаться от смеха: «Перепутал опять, батюшка! За кого ты меня принимаешь, чтобы с живых кожу сдирать. Я велела содрать кожу и чучело набить с той милой собаченки, которую мне год тому назад Сутгоф из-за моря достал! Поди, батюшка, перестань страмиться!..» [Кукольник, э/ресурс].

Текст этого анекдота через парадоксально-острый эпизод, легший в его основу, ярко и точно очерчивает особый тип стража порядка, который непроходимо глуп и одновременно беспредельно исполнителен в том смысле, что исполнительность его просто не знает пределов.

Анекдот как бы входит в современность, становится ее частью. Более того, он дает возможность увидеть в ней не только цепь случайностей. Фактически литературный анекдот является одной из форм исторической памяти.

Сопряжение (именно сопряжение, а не эклектичное соединение) двух параметров – реально-бытового, приглушающего разного рода странности и нелепости, но не скрывающего, а просто вводящего их в привычный быт и обнаженно фантастического, обнаженно парадоксального – и создает эстетически значимый текст, демонстрирующий особую художественную реальность, которая подчинена своим внутренним законам. Как уже подчеркивалось, литературный (историко-биографический) анекдот ни в коей мере не относится к области юмористики. Комизм в литературном анекдоте – фактор отнюдь не обязательный, тогда как в фольклорном он абсолютно неизбежен.

Литература

1. Бергсон А. Смех // Бергсон А. Творческая эволюция. Материя и память / пер. с фр. – Мн: Харвест, 1999.

2. Кукольник Н.В. Анекдоты / публ. Е.Я. Курганова // Искусство Ленинграда. 1991. № 1.

3. Кукольник Н.В. <Записная книжка> [Электронный ресурс]. – URL: http://www.helsinki.fi/slavicahelsingiensia/preview/sh15/sh15_ap1.html

4. Курганов Е. Литературный анекдот пушкинской эпохи. – СПб.: Академический проект, 1997.

Хребтова Алёна Игоревна, аспирант кафедры русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВПО «Бурятского госуниверситета», старший преподаватель кафедры русского и китайского языков Бурятской государственной сельскохозяйственной академии. Тел.: 8-9243912319; e-mail: caboocha@inbox.ru

Chrebtova Alyona Igorevna, postgraduate student, department of Russian and foreign literature, senior lecturer, department of Russian and Chinese language, Buryat State Agrikultural Academy.

III. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

© *А.Н. Биткеева*

Об этноязыковой ситуации в Республике Саха (Якутия)

Поиск стратегий и принципов, гарантирующих витальность малочисленных и малоиспользуемых языков в полиэтнических государствах, в условиях объективного расширения языкового пространства доминирующих языков, требует научного и профессионального подхода с учетом лингвистических и экстралингвистических факторов. В этом контексте сохранение и возрождение языка традиционной культуры коренных народов Якутии – одна из важнейших и фундаментальных задач современной гуманитарной науки.

Монография Р.И.Васильевой "Этноязыковая ситуация в Республике Саха (Якутия) (на материале функционирования якутского и русского языков в Приленье), науч. изд-во "Lap Lambert Academic Publishing Gmb & Co.KG ", 2012, Германия, 150 с.) является комплексным социолингвистическим исследованием, в котором автор исследует динамику языкового процесса в Республике Саха (Якутия), одной из немногих республик РФ, показавшей пример внимательного учета интересов малочисленных народов и адекватной разработки их национальных прав, а это, надо отметить, серьезная попытка дать объективную оценку и языковой политике в данном многонациональном регионе.

В исследовании Р.И.Васильевой углубленно рассматриваются основные характеристики и параметры языковой ситуации, сложившейся относительно русского языка, его роли в жизни населения, в частности, в уникальных районах Приленья, которые располагаются на юго-западе региона и представляют зоны анклавного проживания русского старожильческого населения и коренных народов. В приленских районах сложилась самобытная традиционная культура русских поселенцев, выразившаяся в фольклорных произведениях, в своеобразном говоре, в диалектной лексике. На основе записей разговорной речи русских говоров на территории приленских районов Якутии, исследователем Н.Г.Самсоновым были опубликованы монографии, многочисленные научные статьи, а его коллегой М.Ф.Дружининой в 1997-2008 гг. был опубликован «Словарь русских старожильческих говоров на территории Якутии» в четырех томах. Русские старожилы сохранили свою самобытность, но при этом передавали и передают свой своеобразный язык и культуру окружающему их местному населению – якутам, эвенкам, юкагирам. Несмотря на большой диалектологический материал, собранный Н.Г.Самсоновым, М.Ф.Дружининой, в

данном регионе Якутии не была изучена комплексная языковая ситуация, языковые контакты русских, якутов, малочисленных народов Севера были рассмотрены в небольших работах, статьях исследователей.

В первой главе монографии автором рассматриваются социально-экономические, исторические, этнолингвистические условия возникновения якутско-русских языковых контактов в приленских селах и городах Центральной Якутии, общая совокупность обследуемых респондентов составила около 2000 чел. Во второй части работы современная языковая ситуация исследуется автором в годы «парада суверенитетов», где в полной мере используется принцип функциональности, предполагающий рассмотрение как экстралингвистических условий взаимодействия языков, так и их влияние на внутрilingвистические изменения. Основная особенность приленских районов такова, что социально-экономические, культурно-исторические и демографические факторы способствовали развитию стихийного контактного билингвизма (якутско-русского и русско-якутского), что не характерно для других сельскохозяйственных районов Якутии. Активное использование двустороннего билингвизма, переключение кода, привели к смешению языковых картин мира и возникновению макаронической устной разговорной речи не только у русских, но и якутов. Функционирование различных типов и подтипов интеркаляции, интерференции, вклинивание лексических единиц из второго функционального языка – русского, использование в родной якутской речи большого количества речевых калек, эпентез, цитат, фразеологизмов формирует смешанную речь, которая не воспринимается якутами-билингвами отклонением от норм родного языка. Монография Р.И. Васильевой не просто знакомит читателя со статистическими данными по Якутии, в частности, по приленским районам в их статике и динамике, а отмечает интересное адстратное явление – макароническую речь билингвов, объясняемое стремлением к более тесному контакту с собеседником и являющееся сигналом по образу «я – свой». Богатый социоллингвистический материал, собранный автором, в ходе исследования удачно систематизирован в таблицах, что способствует более емкому и зримому восприятию изложенного материала. В работе обстоятельно рассмотрены становление и развитие общественных функций якутского языка в различных сферах общественной жизни населения республики. При этом автор учитывает причины подъёма и спада функционального развития языков Севера в определенные исторические периоды XX в. Особенно интересным представляется анализ роли языков народов Севера в образовательном пространстве Республики Саха (Якутия) в диахронном и синхронном аспектах. Здесь дан анализ уровня языковой компетенции носителей этих языков, в частности саха (якутов), определяется место якутского языка и миноритарных языков Севера в социально-коммуникативной системе, определяется влияние социальных факторов на интенсивность использования миноритарных языков. Социоллингвистическое обследование носителей языка проведено детально на профессиональном уровне, что дало воз-

возможность сравнить качественные и количественные параметры функционирования якутского языка с учетом экстралингвистических факторов, возрастных особенностей носителей языка. Материал, собранный Р.И.Васильевой, служит дальнейшей разработке и уточнению фундаментальных понятий социальной лингвистики, таких как «языковая ситуация», «языковая политика», «миноритарный язык» и др.

Безусловно, исследование «Этноязыковая ситуация в Республике Саха (Якутия)» представляет большой интерес и практическую ценность для формирования языковой и образовательной политики в Республике Саха (Якутия). Автор проанализировал обширный материал и предложил собственную его интерпретацию. К безусловным удачам следует отнести системный подход к анализу как лингвистического, так и экстралингвистического материала. Чрезвычайно ценной представляется наличествующая в работе практическая направленность на выяснение условий, способствующих сохранению языкового многообразия в республике. Проблемы, рассматриваемые в работе, и предлагаемые подходы к их решению, важны для социолингвистики.

В последнее десятилетие существенно изменилась языковая ситуация – многие народы Севера оказались на грани этнической катастрофы, все же в системе национального образования отмечаются положительные тенденции, проявляется внимание к проблемам преподавания родных языков, активизируется организационная работа по подготовке новых школьных учебников и книгоиздательская деятельность. Автор приходит к выводу о том, что ориентация на восстановление и расширение функций языков Севера, повышение статуса этих языков в последнее десятилетие это положительная сторона языковых реформ в Республике Саха Якутия.

Биткеева Айса Николаевна, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН. Моб.тел: +79067634921; e-mail: aisa_bitkeeva@yahoo.com

Bitkeeva Ajsa Nikolaevna, Leading researcher, Institute of Linguistics, Russian Academy of Science, doctor of philological sciences.

IV. НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

© *А.П. Майоров, М.А. Кронгауз*

Вопросы регионального варьирования языка на конференции

17 – 20 октября 2013 г. в г.Улан-Удэ состоялась Всероссийская (с международным участием) научная конференция «Региональные варианты национального языка», организаторами которой выступили Бурятский государственный университет, Институт русского языка им. В.В.Виноградова РАН при поддержке Министерства образования и науки Республики Бурятия и Комитета по межнациональным отношениям и развитию гражданских инициатив Администрации Главы Республики Бурятия и Правительства Республики Бурятия.

С докладами на пленарном и секционных заседаниях выступили российские ученые из Благовещенска, Москвы, Красноярска, Перми, Санкт-Петербурга, Улан-Удэ, Хабаровска, Хэйхэ (КНР), Читы, Якутска и зарубежные коллеги из Австрии, Беларуси, Финляндии. Всего был прочитан 41 доклад.

Вынесенная в название конференции тема сегодня является одной из самых востребованных в социолингвистике. В российской традиции особенно пристальное внимание уделяется вариантам русского языка, бытующим в странах зарубежья, что стало особенно актуальным после распада Советского Союза. Можно ли говорить о полноценных вариантах? Каков их лингвистический и социальный статус? Подлежат ли они кодификации или сходной с ней процедуре? Можно ли вообще говорить о возникновении новых литературных языков, или, иначе говоря, стандартов? Эти вопросы вызывают, как правило, живую дискуссию – не столько лингвистического, сколько общественного и даже политического характера.

Однако лингвисты должны оставаться в рамках своей компетенции, и именно поэтому весьма полезным стало рассмотрение вариантов русского языка вне связи с государственными границами. Ведь, по существу, лингвистический статус бытования русского языка в Бурятии или на Дальнем Востоке вполне сравним со статусом его бытования в других странах, например в Беларуси или Эстонии. Совместное обсуждение региональных вариантов русского языка учеными разных стран оказалось необычайно продуктивным и с точки зрения намечаемых подходов к проблематике, и с точки зрения обработки материала, а главное – с точки зрения выработки методологии. Тем более удивительным является тот факт, что конференция в Улан-Удэ стала одной из первых в России, посвященных этой тематике.

Центральными для разработки этих проблем стали доклады, посвященные общим и ключевым вопросам, рассматриваемым на конкретном материале. Часть из этих докладов была вынесена на пленарное заседание. Его открыл **В.И. Беликов** (Москва) докладом «Региональные варианты русского языка и традиционные сельские диалекты». В этом докладе речь шла о том, как следует, опираясь на данные интернета, выделять и фиксировать регионально-маркированную лексику и фразеологию. Докладчик показал, к информации, предоставляемой различными поисковыми системами, следует относиться с большой осторожностью, т.к. они не только бывают не точны, но и искажают реальную лингвистическую картину. Одной из важнейших теоретических задач исследователя была демонстрация отличия понятия регионального варианта русского языка от более традиционного понятия сельского диалекта. Соответственно, и противопоставление, и взаимоотношения региональных вариантов языка значительно отличаются от той картины, которую мы привыкли наблюдать в диалектологических атласах.

В докладе **Б.Ю. Нормана** (Минск, Беларусь) «Можно ли говорить о белорусском варианте русского языка?» поднималась проблема регионального варианта русского языка, представленного сегодня в Беларуси. Ученый отметил, что эта форма русского языка имеет свои лексические и фонетические особенности и формируется во взаимодействии со стихийным смешением двух языков в республике – «трасянкой». Феномен трасянки, как и сходного с ней суржика на Украине, давно привлекает внимание лингвистов и вызывает дискуссии о статусе данного явления. Является ли трасянка смешанным языком, или социолектом, какова сфера ее употребления и можно ли в принципе описать статус трасянки в традиционных социолингвистических терминах, – на эти и другие вопросы у лингвистов нет единого мнения.

Несколько скорректировал свою первоначальную тему «Лексическая и семантическая вариативность в современном русском языке» **М.А. Кронгауз** (Москва). Основное внимание докладчик уделил отношению власти к процессу возникновения языковых вариантов. Он отметил парадоксальность ситуации, когда бытование языка в разных государствах определяется нормативными документами, утвержденными правительством Российской Федерации и направленными на кодификацию русского языка как государственного языка РФ. Противопоставление литературного русского языка, распространенного во всем мире, и русского как государственного языка РФ создает определенное количество трудноразрешимых противоречий и скорее препятствует сохранению единого языкового стандарта. В этой ситуации более продуктивным было бы отделение лингвистики от политики и создание внеполитических институций, занимающихся кодификацией языка.

Вопрос динамики лексической системы языка, отражающей взаимодействие литературного языка и областных говоров, обсуждался в докладе **С.А. Мызникова** (Санкт-Петербург) «Диалектная лексика и общена-

родный лексикон (в диахронии и синхронии)». Ученый проследил историческое движение словаря в нескольких направлениях: сужение общеупотребительного функционирования (*лутюшка* 'липовая палка' общеупотр. → диалектн.), расширение территориальной распространенности (*куга* 'болотное растение вроде камыша' диалектн. → общеупотр.), изменение стилистической принадлежности (*ухарь* простонар. → разг.) и др.

В докладе **Г.Е. Крейдлина** (Москва) «Язык русских жестов и его лексикографическое описание (норма и региональные варианты)» рассматривались соотношения нормы и некоторых региональных вариантов физической реализации, значения, употребления, способов языковой номинации и других особенностей для ряда русских жестов и – шире – для целых классов жестов. Обсуждались возможные способы отражения отмеченных сходств и различий в толковых и переводных словарях языка русских жестов. Последняя проблема в области невербальной семиотики представляет особый интерес в связи с тем, что, в отличие от обычной лексики, мы не можем в полной мере говорить о кодификации жестов. Здесь в большей степени исследователь опирается на привычную речевую практику, а большая работа по кодификации невербальных языковых средств еще только предстоит.

Функционирование русского языка в иноязычном окружении стало предметом доклада **Е.Ю. Протасовой** (Хельсинки, Финляндия) «Финляндский русский». В докладе рассматривались различные ситуации, возникающие при использовании русского языка в иноязычном контексте. Особо следует отметить специфику языкового материала, который лег в основу данного исследования. В этом качестве использовались реальные тексты, для авторов которых русский был как родным, так и не родным языком. Внимание исследователя привлекла также наивная рефлексия по поводу употребления русского языка и отношения к нему. Анализ материала продемонстрировал особую важность и востребованность русского языка в Финляндии, несмотря на то, что никакого особого статуса на территории этой страны он не имеет.

Различные аспекты изучения регионального варьирования национального языка в дальнейшем были рассмотрены на секционных заседаниях. Так, вопрос о **природе региональных вариантов национального языка, их свойствах и месте в кругу других социальных форм существования языка** раскрывался в ряде докладов, прочитанных на секции №1. В частности, в докладах **Т.Ю. Игнатович** (Чита) «Современные восточнозабайкальские говоры и общенародное просторечие: интеграционный процесс», **Л.М. Любимовой** (Чита) «Региональная языковая культура в контексте лингвоантропологических проблем» и **Е.А. Оглезневой** (Благовещенск) «Дальневосточный региолект русского национального языка: к вопросу о его формировании и специфике» описывались специфические формы живой разговорной речи отдаленных российских регионов – Забайкалья и Дальнего Востока. По мнению, Е.А.Оглезневой, одним из региональных вариантов русского национального языка является его даль-

невосточный региолект, своеобразие которого связано как с фактом многообразного языкового контактирования на дальневосточной территории, так и со своеобразной реализацией потенциала языковой системы. Л.М.Любимова выявляла ряд социолингвистических черт, характерных для разговорной речи г.Читы и определяющих ее специфику. Т.Ю.Игнатович считает, что современному общерусскому просторечию и восточнозбайкальским говорам присущ ряд общих фонетических и морфологических черт, и это обусловлено, на ее взгляд, ослаблением из-за социально-экономических факторов развития страны в последнее десятилетие доминирующего влияния литературного языка.

В докладе **Л.Л. Крючковой** (Благовещенск) «Из истории изучения дальневосточных говоров» помимо краткого реферативного обзора лингвистических, исторических и этнографических трудов подчеркивалась роль Русского Географического Общества в организации полевых экспедиций, взаимодействия этнографических и диалектологических изучений, этнографических исследований для этимологии диалектизмов и регионализмов.

Нетрадиционный подход к изучению проблемы сущности региональных вариантов национального языка предлагался в докладе **П.П. Дашинимаевой** (Улан-Удэ) «Аппликативный потенциал психонейролингвистической теории значения: региональные варианты национального языка». В условиях актуальности вопроса идентификации статуса национального языка и других социальных форм его существования, вариаций их функционирования, условий перехода одной формы в другой статус и т.д. для приближения к решению той или иной проблемы сегодня желательно применять меж- и мультидисциплинарные парадигмы исследования. Одним из новых аспектов исследования может служить психонейролингвистический подход к изучению языковых и речевых явлений.

В докладе **А.В. Михайлова** и **Т.В. Михайловой** (Красноярск) «Енисейское локальное сознание в его языковых и текстовых выражениях» уделялось внимание спектру средств выражения локального варианта енисейского регионального сознания. Исследование основано на результатах экспедиционных исследований 1990-2000-х гг. по бассейну р. Енисей в его среднем течении. Особенное значение придается текстовым формам, тематике дискурса, лексическому наполнению, рефлексивным показателям носителей локального сознания.

О.В. Фельде (Красноярск) в своем докладе «Рассказы переселенцев из зоны затопления Богучанской ГЭС в свете лингвистической нарратологии» у ангарского диалектного нарратива выявила такие черты, как открытость, исповедальность, пассеистичность – любование прошлым при отрицательном отношении к событиям настоящего, мифологизацию малой родины как пространства счастья.

Секция №2 **Варьирование национального языка в полиэтнических регионах и в иноязычном окружении** открылась докладом **А.В. Блохинской** (Благовещенск) «Явление вариативности в амурских

говорах, обусловленное русско-украинским диалектным взаимодействием» В нем рассматривались русско-украинские варианты на фонетическом, морфологическом уровнях, которые возникают в речи потомков украинских переселенцев, проживающих на территории Амурской области; была сделана попытка объяснить причины их возникновения и функционирования.

В докладе **С.В. Гордеевой** (Благовещенск – Хэйхэ, Китай) «Явление интерференции в речи потомков русских эмигрантов китайского приграничья» были представлены результаты исследования длительного контактирования в русской речи двуязычных представителей китайского приграничья (потомков русских эмигрантов). Явления интерференции отмечались на всех уровнях языковой системы – в фонетике, грамматике, лексике.

Близким по теме явился доклад **Н.А. Ждановой** (Улан-Удэ) «Черты русской разговорной речи в русско-китайском пиджине Забайкалья», в котором был затронут важный аспект современной креолистики – пиджинизация контактирующих языков как результат современных глобализационных процессов. В докладе давалась характеристика фонетическим, грамматическим, синтаксическим особенностям русско-китайского пиджина, отражающим влияние русской устно-разговорной речи.

Вопрос языковых контактов и связанной с ним проблемой регионального варьирования общенародного языка в докладе **М.М. Пильчинова** (Улан-Удэ) «Факторы присутствия регионализмов в разговорной речи жителей Бурятии» рассматривался на материале русского и бурятского языков. В докладе характеризовались регионализмы, представляющие собой лексические заимствования из бурятского языка и используемые в разговорной речи русскоязычных жителей г. Улан-Удэ, а также внешние, психолингвистические и лингвистические факторы их употребления.

В несколько ином свете и уже на материале разговорной речи бурят г. Улан-Удэ та же проблема освещалась в докладе **Р.В. Бухаева** (Улан-Удэ) «Смешение и переключение кодов как стереотипный элемент в разговорной речи бурят». Автором доклада были охарактеризованы бурятские элементы в русской речи бурят и русские элементы в бурятской речи бурят на фонетическом, морфологическом, словообразовательном и лексическом уровнях.

В докладе **Г.С. Доржиевой** (Улан-Удэ) «Причины варьирования квебекского французского языка (Канада)» исследовалась проблема варьирования французского языка в канадской провинции Квебек, имеющая значение для теории языковой вариативности и решения теоретических и практических задач современной романистики.

Доклад **Н.И. Ивановой** (Якутск) «Современное коммуникативное пространство русского языка в Республике Саха (Якутия): социопсихолингвистический аспект» был посвящен положению русского языка в Республике Саха (Якутии). Понятие коммуникативного пространства дает возможность взглянуть на проблему изнутри этого пространства, пред-

ставляющего объективную реальность языковой жизни России и Республики Саха (Якутии) как одного из ее регионов. Представлено функционирование русского языка в разных сферах и средах его использования, показаны ценности русского и якутского языков среди жителей республики, мотивации к изучению этих языков.

В докладе **Э.В. Хилхановой** (Улан-Удэ) «Методика субъективного оценочного тестирования (Subjective Evaluation Testing) для изучения языковых установок (на примере русского и бурятского языков)» говорилось о возможности применения методики субъективного оценочного тестирования для социолингвистических целей, а именно для изучения языковых установок. Принципы и процедура тестирования описывались на материале двух языков – русского и бурятского. В заключении были представлены результаты тестирования и их сравнительная интерпретация.

Секция №3 **Региональные варианты национального языка: лексикологический и лексикографический аспекты** открылась докладом **Н.Г. Архиповой** (Благовещенск) «Генетическая неоднородность словарного состава старообрядческих говоров Амурской области». В докладе были показаны лексические диалектные различия между старообрядческими говорами, отражающие разные этапы белорусско-польского, украинского, бурятского воздействия на говоры, которое предстает собой следствие сложной историко-этнической судьбы старообрядцев Амурской области.

И.Б. Качинская (Москва) в докладе «Словарь терминов родства в архангельских говорах» как словарь нового типа» принципиальную новизну данного словаря увидела в том, что он наглядно показывает, насколько далеко лексика родства (особенно кровного) выходит за пределы протозначений и обнимает множество иных областей. Новая структура словарной статьи учитывает появление новых значений в результате переноса терминов кровного родства на свойственников, приемных родителей, духовное родство, не-родственников, животных, учитывается использование этой лексики в мифологическом пространстве (языческом и христианском), в названии растений, предметов, абстрактных понятий; переход в междометия.

В докладе **М.В. Ахметовой** (Москва) «Региональные колебания в употреблении вариантных оттопонимических дериватов» на материале электронного массива российских газет за последние 20 лет были выделены следующие ситуации: 1) в региолекте утвердился один дериват, в то время как вне региолекта существует вариантность (например, в газетах Бурятии в качестве дериватов от Удан-Удэ используются исключительно *улан-удэнцы* и *уланудэнский*; в остальных российских газетах употребимы также *улан-удинцы* и *уланудинский*); 2) в региолекте отмечаются лишь тенденции к утверждению варианта, в то время как вне региолекта также употребимы несколько вариантов (например, в тамбовских газетах название *тамбовцы* вытесняется названием *тамбовчане*; оба варианта исполь-

зуются в остальных российских газетах); 3) в региолекте и вне его употребляются разные варианты (например, в ярославских газетах для обозначения жительницы Ярославля используется исключительно вариант *ярославна*, тогда как в других российских газетах – *ярославка*).

Р.Г. Жамсаранова (Чита) в докладе «Историческая этнонимия региона в когнитивно-концептуальном аспекте» подошла к генонимным именам тунгусских родов исторической Даурии с позиций когнитивной лингвистики, выявляя концептуальную сферу языковой личности эпохи средневекового нomaдизма. Она представила описание ономаконцепта *вода / море* у генонимов с корнем *-нам-/-наб-/-лам-/-лаб-* в тунгусо-маньчжурских, монгольских, тюркских языках и предположила, что ядро ономаконцепта содержит универсальное понятие человека нomaдного племени об онтической связи с породившей его природой, питающей и кормящей его.

В докладе **В.М. Егодуровой** (Улан-Удэ) «Бурятское слово *адли* в региональном русском языке Бурятии (на материале словарей)» устанавливалось, что наречие *адли* было заимствовано в качестве сравнительного союза из бурятского языка в русские старожильческие и старообрядческие говоры Забайкалья и с течением времени приобрело новые значения в этих говорах. По мнению докладчика, *адли* в знач. 'словно, как будто' относится к наиболее ранним заимствованиям в забайкальском региолекте русского языка и свидетельствует о достаточно высоком уровне владения его носителями бурятской речью в то время.

В докладе **Д.Ш. Харанутовой** (Улан-Удэ) «Парные слова в бурятском языке: парадигматические отношения» анализировались отношения между производящим, представленным двумя самостоятельными словами, и дериватом – новым наименованием, формально идентичным производящему. Благодаря парным словам между словообразовательными гнездами с разными вершинами существуют точки соприкосновения. Вследствие этого словообразовательные гнезда бурятского языка образуют некое единое полотно. Сотканное при помощи парных слов, оно демонстрирует неповторимость, образность бурятского языка.

В докладе **Н.А. Дарбановой** (Улан-Удэ) «На рубеже дня и ночи: семантика номинаций вечернего времени в русских говорах» были охарактеризованы номинации вечернего времени в русских говорах и сделан вывод о том, что в русской языковой картине мира рубежное время между днем и ночью осознается как двоякая сущность, обладающая, с одной стороны, протяженностью, с другой стороны, точечностью, кратковременностью. Вечер, с одной стороны, понимается как часть дня перед наступлением темного времени суток, с другой стороны, как рубеж, граница между днем и ночью, «стык» между ними. В основе наименований вечернего времени лежат значения соединения, неполноты проявления признака освещенности, выраженного в корневой морфеме.

Доклад **М.Б. Матанцевой** (Улан-Удэ) «Уличное граффити г. Улан-Удэ как объект лингвистического исследования» был посвящен одной из раз-

новидностей текстов городской среды – граффити, которое в современном понимании определяют как форму проявления естественной письменной речи. Были рассмотрены жанровые характеристики уличного граффити г. Улан-Удэ с опорой на коммуникативно-семиотический аспект исследования. В рамках этого подхода анализировался ряд элементов речевой ситуации – фациентов, конституирующих граффити как жанр и являющихся признаками этого жанра.

В докладе **Л.Н. Омельченко** (Улан-Удэ) «Семантика номинации и синтаксический статус региональных эмпоронимов» у названий магазинов г. Улан-Удэ выделялись два типа номинации – экзистенциальная (названия типа «*Цветы*», «*Мебель*», «*Сувениры*») и предикатная («*Карандаш*» как название магазина канцелярских товаров, «*Мебельный рай*» – наименование, подчеркивающее высокое качество и широкий ассортимент товаров) из которых первичной является экзистенциальная. В целом же номинация в области эмпоронимов, по мнению докладчика, тяготеет к синкретизму семантики, совмещая экзистенциальную и предикатную функции.

Доклад **И.Ж. Степановой** (Улан-Удэ) «К проблеме определения регионального слова в диалектных словарях региона» содержал критический анализ лексического материала областных словарей Сибири и Дальнего Востока с точки зрения дифференциации диалектных, региональных и просторечных слов, и в нем ставился вопрос о критериях выявления регионального слова.

Секция №4 **Региональные варианты национального языка в историческом освещении** открылась докладом **Ю. В. Биктимировой** (Чита) «Вариативность форм в именных частях речи в языке памятников деловой письменности Восточного Забайкалья конца XVII – середины XVIII вв.». В докладе исследовались вариативность форм именных частей речи в языке памятников деловой письменности Восточного Забайкалья конца XVII – середины XVIII вв. с точки зрения происхождения: церковнославянского, народно-разговорного (в том числе и регионального характера), а также особенности употребления этих вариантов в зависимости от стилистической и жанровой отнесенности исследуемых памятников и уровня устойчивости и неустойчивости вариантов.

В докладе **Л.М. Городиловой** (Хабаровск) «Ойконимы в деловой письменности Приенисейской Сибири XVII– нач. XVIII вв.» предпринималась попытка реконструкции первоначальных мотивов номинации, а также выявления базовых единиц, которые позволяют определить наиболее значимые ресурсы для формирования отдельных топонимов и топонимической системы в целом. В частности, на впервые вводимом в научный оборот фактическом материале предлагается опыт определения мотивов номинации населенных пунктов русских первопоселенцев Приенисейской Сибири.

Анна Кречмер (Вена, Австрия) в докладе «Региональная дифференциация русского языка XVII – начала XVIII вв.», разграничивая корпус по

тестов по временному, географическому, социолингвистическому, социокультурному и др. параметрам, обратилась к жанру частной переписки допетровской и петровской эпохи как свидетельству тогдашней разговорной нормы. Как показали ее исследования, грамотки отличаются удивительно стабильным формуляром и полным отсутствием региональных черт в их языке.

Доклад **Ю.В. Кагарлицкого** (Москва) «Формирование новой системы относительного подчинения: региональный аспект» касался некоторых вопросов формирования современной системы относительного подчинения, отбора союзных средств и установления правил их употребления. Эти процессы рассматриваются на фоне становления новых жанров деловой письменности и нового порядка делопроизводства, причем анализируется языковая практика как столичных, так и региональных канцелярий. Благодаря этому, удастся проследить направление распространения или угасания тех или иных языковых явлений и в конечном итоге сделать вывод о механизмах формирования нового синтаксиса.

В докладе **Е.И. Кисловой** (Москва) «Украинизмы в проповедях середины XVIII века» устанавливался статус украинизмов в текстах, созданных в рамках церковного дискурса века, в связи с тем, что подавляющее число церковных иерархов середины XVIII века были по происхождению украинцами и получали образование на Украине, что не могло не отразиться в текстах, созданных ими на церковнославянском и русском языках.

В докладе **Н.В. Чугаева** (Пермь) «Лингвистическая информативность региональных памятников XVIII в.» лингвоисточниковедческому анализу подверглись документы Пыскорского медеплавильного завода начала-середины XVIII в. Автор доклада сделал вывод, что степень стандартизованности текста зависит от комплекса факторов, среди которых наиболее значимыми являются жанр документа, региональная специфика, особенности индивидуальной речевой организации составителя документа.

В докладе **А.П. Майорова** (Улан-Удэ) «Региолект как историко-лингвистическая категория» прослеживались взаимоотношения форм литературного языка и регионального узуса национального языка на примере анализа языковой ситуации в Забайкалье XVIII в. Характеризуя ее как ситуацию диглоссии, докладчик пришел к выводу, что в российском регионе этого периода норма книжно-литературного идиома была присуща лишь определенным жанрам официально-делового письма, в то время как региолект обслуживал бытовую сферу общения.

Е.К. Крюк (Москва) в докладе «Украинизмы, белорусизмы и полонизмы в языке изданий Ильи Копиевского рубежа XVII-XVIII вв.» подчеркнула значимость для петровского времени фигуры И. Копиевского, выходца из Великого княжества Литовского, прожившего шесть лет в Москве и занимавшегося переводом и изданием книг в Амстердаме. Сформировавшаяся в разнородной языковой среде самобытная лингвистическая компетенция предопределила неоднородность языка его текстов,

в котором встречаются полонизмы и украинизмы, как на лексическом, так и на грамматическом уровнях.

В докладе «Региональные особенности функционирования терминов уголовного права в памятниках деловой письменности Забайкалья XVIII в.» **М.В. Овчинникова** (Улан-Удэ), наблюдая тенденцию переосмысления и формирования терминологии уголовного права на основе книжно-славянской лексики в русском языке XVIII в., остановилась на выявлении регионализмов (*продерзость* 'преступление', *уязвить* 'нанести рану', *уголовщина* 'уголовное преступление' и др.), конкурирующих в забайкальском узусе с официальными терминологическими обозначениями.

В заключение можно сказать, что прошедшая в Улан-Удэ конференция «Региональные варианты национального языка», поставившая ряд важных методологических вопросов, стала определенной вехой в развитии социолингвистики и исследований вариантов русского языка. С очевидностью выяснилось, что теоретического аппарата традиционной диалектологии недостаточно для описания процессов возникновения языковых вариантов, их оценки и определения их статуса. Помимо собственно лингвистических вопросов возникает и ряд социальных и политических проблем, которые должны рассматриваться во взаимодействии. Роль лингвиста в решении этой комплексной проблемы велика, но, безусловно, не исключительна. Конференция показала, что современной науке в этой области еще многое предстоит сделать, что, в частности означает неизбежность проведения целого ряда конференций, разрабатывающих эту проблематику.

© **В.М. Егдурова**

Памяти ученого-филолога Валентина Игнатъевича Золхоева

На филологическом факультете Бурятского государственного университета (ныне институте филологии и массовых коммуникаций) проводятся конференции, посвященные ученым, преподавателям, которые заложили основы для развития филологических наук в нашем университете. Так мы осуществляем традиции научной преемственности поколений, объединенных живой памятью о наших старших коллегах, наших учителях.

6 – 7 декабря 2013 года прошла конференция «Актуальные проблемы синхронии и диахронии разноструктурных языков», посвященная 85-летнему юбилею лингвиста-исследователя, преподавателя профессора кафедры общего и исторического языкознания Бурятского госуниверситета Валентина Игнатъевича Золхоева. Цель конференции: актуализировать научную значимость вклада д.ф.н., проф. Золхоева В.И. в развитие идей общего языкознания и причастность кафедры к продолжению традиций; публикация результатов научных исследований ведущих ученых, докторантов, аспирантов для обмена исследовательским опытом.

Принять участие в конференции откликнулись как известные в своей области ученые, так и начинающие научный путь исследователи из академических учреждений, учебных заведений городов России и зарубежных стран (свыше 55 участников): Москвы, Якутска, Тюмени, Владивостока, Читы, Новокузнецка, Элисты, Улан-Удэ, Улан-Батора, Пекина. Представленные учеными исследования отражают не только интерес самого Валентина Игнатьевича, но и шире охватывают разные языковые уровни от фонетики и фонологии, морфемики до текста в функционально-коммуникативном, сопоставительном, концептуальном аспектах. При этом материалом научных изысканий являются различные языки: русский, бурятский, эвенкийский, якутский, шорский, монгольский, китайский, а также сопоставительные исследования определенных аспектов как разноструктурных, так и типологически родственных языков: английского и бурятского, монгольского и калмыцкого, русского, английского и монгольского, русского и бурятского, бурятского и ненецкого, русского и монгольского, тувинского, монгольского и бурятского, бурятского и китайского, английского и русского языков.

На пленарное заседание было вынесено 6 докладов, из них прозвучало 4 доклада и 2 доклада вне программы (2 доклада были перенесены на секционные заседания) следующих ученых: Бардамовой Е.А. д.ф.н., доц. БГУ (Валентин Игнатьевич Золхоев – ученый и педагог, Раднаевой Л.Д. д.ф.н., доц. БГУ (Документирование звучащей речи. Фонетический представительный текст как составная часть корпуса данных), Дамбуевой П.П. д.ф.н., проф., ведущего научного сотрудника отдела урало-алтайских языков ИЯ РАН (Лексика традиционной бурятской одежды. Общемонгольский фонд и его пополнение), Сундуевой Е.В. д.ф.н., доц., зав. отделом языкознания ИМБИТ СО РАН (Значение бурятских этнонимов и антропонимов и с суффиксом –дар). Вне программы было заслушано 2 доклада уважаемых старших коллег, товарищей В.И. Золхоева – Е.Е. Тармаханова, д.и.н., проф. БГУ (О научном пути проф. В.И. Золхоева) и Э.Р. Раднаева, д.п.н., проф., чл.-кор. АПН РФ (Монголоведение в России). Все прослушанные доклады были глубокими, содержательными.

В докладе д-ра филол. наук, доц. Е.А. Бардамовой был прослежен путь в науку Валентина Игнатьевича Золхоева из крестьянской семьи до известного специалиста в области изучения проблем общего языкознания, исследователя в области изучения проблем фонетики и фонологии агглютинативных языков. Как отметила в своем докладе «Валентин Игнатьевич Золхоев – ученый и педагог (к 85-летию со дня рождения)» д.ф.н., доц. Бардамова Е.А., «воздействие его трудов и личности на развитие фонологических и морфонологических описаний, сопоставительных исследований трудно переоценить». Проведенный ею глубокий анализ трудов В.И. Золхоева убеждает в этом.

Так, в 1999 году, обобщив закономерности дистрибуции фонем бурятского языка, нормы их сочетаемости в пределах и на стыке морфем, В.И. Золхоев издал монографию «Морфонология бурятского языка» (объ-

емом 347 стр.). В ходе дальнейшего исследования ученым были привлечены, кроме бурятского языка, монгольский, калмыцкий, тувинский и якутский. Такая широта постановки проблемы позволила проследить универсальные черты и закономерности фонологических систем, выявить специфику их материальной организации. В результате появилась оригинальная, не имеющая аналогов работа «Фонология и морфонология агглютинативных языков», изданная в 1980 г. Новосибирским издательством «Наука».

В ходе завершения докторской диссертации В.И. Золхоев значительно переработал содержание опубликованных им монографий. Новизна его работы, как пишет Е.А. Бардамова, заключается в том, что впервые на материале пяти языков (бурятского, монгольского, калмыцкого, тувинского и якутского) была не только описана система гласных и согласных фонем, но и выявлены закономерности их функционирования в пределах корневых и аффиксальных морфем. Установлены их морфологизированные локальные признаки, описаны модальные корреляции гласных и согласных, принадлежащих к одному локальному ряду, наблюдаемые на стыке морфем. Определено, что благодаря устойчивости локальных признаков и в силу многомерности оппозиционных связей между основными локальными рядами на эти признаки ложится большая нагрузка в передаче лексического и грамматического значения. Автор последовательно доказывает гипотезу манифестации противопоставления фонемного кортежа начальных и неначальных слогов. В рассматриваемых агглютинативных языках начальный слог представляет собой корневую морфему, объективирующую лексическое значение, неначальный слог – аффиксальную морфему, реализующую словообразовательное или грамматическое значение. Кроме того доказано существование пяти структурных типов корневых морфем, описана их фонемная организация и состав аффиксов, присоединяемых к ним. Так, выделяются корни имен, корни глаголов, корни звукоподражательных слов, корни образных слов, неизменяемые корни. Значение данной работы трудно переоценить. Теоретическая и практическая значимость исследования заключается в том, что впервые на материале урало-алтайских языков были описаны особенности использования фонологических противопоставлений для выражения морфологических различий, фонологическое строение и фонемный состав слов и морфем. Автор выявил строгую дифференциацию между корневой и постфиксальной морфемами в строгом соответствии с существующими в данных языках сингармоническими моделями, определил, что фонемные альтернации участвуют в различении словообразовательных или словоизменяемых значений. Наличие регулярных чередований в начале, на стыке, в финали глагольных, именных, образных или звукоподражательных слов в пределах одной парадигмы рассматривается как случай проявления логических различий на уровне фонологической структуры основных и грамматических морфем. Подводя итог, Е.А. Бардамова заключает: «Таким образом, наиболее важной частью исследования определяется вы-

вод о функциональной релевантности фонем в морфологическом плане, когда звуковое различие выступает в роли носителя грамматической информации. Описанные морфонологические чередования составляют систему морфонологических правил, маркирующих как содержательные, так и системные противопоставления: с одной стороны, фонемная структура отражает процессы словообразования и словоизменения, с другой, – маркируется принадлежность морфем к функциональным классам.

О высоком рейтинге данной работы, по мнению Е.А. Бардамовой, свидетельствует тот факт, что ни одна публикация по фонетике и фонологии агглютинативных языков не обходится без указания на труды В.И. Золхоева в качестве справочного аппарата по данной научной проблеме. Так, в своих трудах ссылаются на работу В.И. Золхоева Е.С. Кубрякова и Ю.Г. Панкрац (1983), В.Б. Касевич (1986), Л.Г.Зубкова (1999, 2010) и др. На наш взгляд, исследование В.И. Золхоева не утратило своей актуальности и может быть основой для продолжения грамматических, словообразовательных проблем агглютинативных языков.

Завершил свой научный путь проф. Золхоев В.И. написанием 35-томного труда «Дифференциальные признаки фонем» на материале 353 языков мира. В этих работах пересмотрена традиционная классификация фонем и предложена универсальная бинарная их систематизация, позволяющая выявить внутренние связи и иерархию между разными классами звуковых единиц. В качестве основания классификации выбраны горизонтальное и вертикальное движения языка, предполагающие основную и дополнительную их таксономию. Такой подход позволяет рассмотреть и описать семиологическую релевантность и функциональные свойства звуковых единиц разных языков, при этом выявляемая дополнительная систематика служит материалом спецификации их фонологических систем. Как отмечает Е.А. Бардамова, монографии написаны в современной и наиболее эффективной манере сплошного систематического описания фонемного состава, оппозиций и дизъюнкций разноструктурных языков, два цифровых кода отсылают к основному фонологическому содержанию, дополнительная цифровая классификация устанавливает качественное и количественное их своеобразие. 35 томов последней работы В.И. Золхоева, выпущенных в научный оборот, представляют собой тщательно выверенную фундаментальную классификацию звуковой материи 353 языков, необходимую для определения внутренних закономерностей функционирования фонологических средств конкретных языков. Научные исследования профессора Золхоева Валентина Игнатьевича являются важной составляющей российской лингвистики.

Непосредственно с научными интересами проф. Золхоева В.И. связан фундаментальный доклад д.ф.н., доц. Л.Д. Раднаевой «Документирование звучащей речи. Фонетический представительный текст как составная часть корпуса данных». Доклад представляет собой обобщение результатов труда по разработке методики фонетически представительного текста бурятской речи. Докладчик детально осветила процесс работы по созда-

нию звуковой модели бурятской речи, учитывающей типичные фонетические явления языка с учетом особенностей фонологической системы языка и ее реализации в речи на основе достоверного статистического анализа функционирования элементов системы. Основой текста послужили слова, выборка которых была произведена из бурятско-русского словаря К.М. Черемисова, с учетом частотности слогов, выявленной путем статистического анализа распределения звуковых единиц языка. В затранскрибированном материале были выявлены консонантный коэффициент, структура и частотность слова в тексте, статистика гласных в тексте, статистика согласных в тексте. В результате проведенной работы был создан фонетический представительный текст как составная часть звукового корпуса бурятского языка. Работа может представлять интерес в плане дальнейшего исследования бурятского языка не только в фонетико-фонологическом, но и в других аспектах.

Большой интерес вызвал доклад д.ф.н., ведущего научного сотрудника отдела урало-алтайских языков Института языкознания РАН Дамбуевой П.П. Докладчик представила лексику традиционной бурятской одежды, относящуюся к историзмам и архаизмам, описала их этимологию. Собранный ею материал может быть полезен для дальнейших исследований по этнолингвистике, а также для лексикографической практики. Исследование представляет в целом историко-культурный интерес.

Участие в пленарном заседании проф. Тармаханова Е.Е. и проф., чл.-кор. РАО Раднаева Э.Р. было показателем преемственности научных традиций в БГУ (на конференции присутствовали как старшее поколение преподавателей БГУ, так и молодые ученые) и примером верности дружбе. На заседании присутствовали также ученые из академического научного учреждения ИМБИТ БНЦ СО РАН, преподаватели из других вузов города Улан-Удэ, аспиранты, студенты, учителя. Выступления почтенных, уважаемых коллег были проникновенны и оказали эмоциональное воздействие на присутствующих.

Секционные заседания проходили в 4 секциях:

1. Актуальные проблемы фонетики, морфемики, словообразования в языках различного строя (Председатель – Майоров А.П., д.ф.н., доц.).
2. Сопоставительные исследования разноструктурных языков (Председатель – Патаева В.Д., к.ф.н., доц.).
3. Языковые средства структуры и семантики текста в различных языках (Председатель – Хамаганова В.М., д.ф.н., проф.).
4. Проблемы концептуализации и категоризации мира в разноструктурных языках (Председатель – Дарбанова Н.А., к.ф.н., доц.).

По всем этим направлениям в Бурятском университете активно ведутся исследования, ученые вносят определенный вклад в их развитие, поэтому представленные доклады были продолжением исследований в этих направлениях.

Опыт работы ученых Бурятского государственного университета в этих направлениях позволил привлечь интерес к тематике конференции

как российских, так и зарубежных коллег. Одним из важных результатов конференции является участие в ней широкого круга российских ученых, что позволило увидеть, над чем работают коллеги, обменяться идеями, сделать срез наработанного на данный период.

Материалы конференции были опубликованы до начала конференции в пяти разделах сборника. Четыре раздела соответствуют названиям секций, еще один раздел – «Проблемы исследования языков в функциональном аспекте». (Поскольку часть докладов были стендовыми, работа в секциях была организована по четырем направлениям).

В первом разделе собраны доклады, в которых представлены исследования проблем фонетики, морфемики, словообразования как в синхроническом, так и в диахроническом аспектах в языках различного строя (бурятском, эвенкийском, шорском, русском (диалектном, региональном), а также в сопоставительном плане в монгольском и калмыцком, в английском и бурятском языках.

Во втором разделе «Проблемы исследования языков в функциональном аспекте» представлены в основном работы, в которых рассматриваются проблемы функционирования, контактирования языков. Часть докладов посвящена анализу состояния национальных языков (якутского, казахского, татарского, бурятского) в иноязычном окружении. Другие доклады освещают особенности функционирования лексем и их отражении в лексикографических источниках.

Третий раздел «Сопоставительные исследования разноструктурных языков» объединяет работы, посвященные анализу определенных аспектов как разноструктурных, так и типологически родственных языков: английского и бурятского, монгольского и калмыцкого, русского, английского и монгольского, русского и бурятского, бурятского и ненецкого, русского и монгольского, тувинского, монгольского и бурятского, бурятского и китайского, английского и русского языков.

Четвертый раздел «Языковые средства структуры и семантики текста в различных языках» по количеству работ немногочислен. Представленные в нем работы базируются на исследовании текста в бурятских летописях, в художественных произведениях на русском языке, китайском языке.

В пятом разделе «Проблемы концептуализации и категоризации мира в разноструктурных языках» собраны работы, исследующие концепты, концептуальную картину мира в различных языках: в бурятском, эвенкийском, русском, монгольском, китайском.

Интересными с точки зрения функционального взаимодействия языков в регионах были стендовые доклады Васильевой Р.И. «Язык и особенности формирования национального самосознания эссыской группы якутов (на материале Красноярского края РФ)», Койше К.К. «Языковые проблемы взаимодействия русского и казахского языков в российско-казахстанском приграничье», Ниязовой Г.Н. «Взаимовлияние разноструктурных языков (на примере лексики материальной культуры диалектов сибирских татар и русского языка)», Ивановой Н.И. «Явление паронимии

в устной речи билингвов-саха», доклад монгольского ученого Цэдэнжав Д. «Разговорный язык бурят Восточной Монголии».

В докладе Васильевой Р.И. описана немногочисленная этническая группа – «ессейские якуты», которая, по материалам сотрудников Института гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН, сохранила свою традиционную якутскую культуру и язык, несмотря на иноэтническое окружение и процессы, связанные с глобализацией. Автор предлагает исследовать проблему сохранения этнических субкультур в условиях с одной стороны натиска процесса урбанизации, с другой стороны – индивидуализации и даже атомизации языковых сообществ в современных реалиях.

Доклад К.К. Койше посвящен анализу этнокультуры сибирских казахов. Как считает автор, наблюдаются процессы активной этнической ассимиляции, происходит увеличение разрыва с «материнской» этнокультурой своего народа у сибирских казахов в российской зоне российско-казахстанского приграничья. Выявляются существенные факты влияния русского языка на казахскую речь западносибирских казахов. Автор поднимает вопрос о региональной норме, отражающей этнические корни языковой личности и воспроизводимой последующими поколениями. По мнению исследователя, «в зависимости от речевой специфики и особенностей ментальности народов-контактеров формируется местный региолект, отражающий материально-духовную культуру региона» (Койше, 2013, с. 89).

Г.Н. Ниязова коротко и емко осветила вопрос взаимовлияния татарского и русского языков. Приведены заимствованные слова из русского языка в татарском языке и тюркские слова в русском языке, свидетельствующие о многовековых контактах сибирских татар с русским населением.

В докладе Н.И.Ивановой представлены интерферентные явления в устной русской речи билингвов-саха, связанные с употреблением в речи паронимов. По наблюдениям автора, данная зона представляет собой существенную трудность в создании корректных текстов на втором языке.

Монгольский ученый Цэдэнжав Д. представил в своем докладе наблюдения над речью бурятского населения, проживающего в аймаке Дорнод Монголии. По его мнению, буряты Дорнота, сохраняя прежнюю этническую идентичность, считают себя традиционными бурятами как в отличие от обрусевшего, с их точки зрения, бурятского населения России, так и в отличие от омонголившихся бурят селенгинского, булганского и хубсугульского аймаков. Бурятский язык продолжает играть чрезвычайно важную роль в жизни этнической группы, служит средством накопления и передачи информации, берет на себя функции внутриэтнического общения. Именно язык выступает для дорнотских бурят одним из основных факторов, отличающих их от других этнических общностей. Это свойство языка позволяет бурятскому этносу сохранять свою самобытность, несмотря на то, что, по наблюдениям исследователя, бурятский язык дор-

нотских бурят подвергается сильному влиянию со стороны монгольского языка.

Результаты объемного труда освещены в докладе Д.А. Суссейвой. Исследователь детально проанализировала морфонологические процессы в слове с точки зрения оппозиции «морфема-слово» в монгольском и калмыцком языках. Проведенная работа позволила наметить перспективы исследования морфонологических процессов, сопровождающих образование грамматических форм в монгольских языках.

На секционных заседаниях всего присутствовало 61 человек, состоялось 25 докладов, выступило при обсуждении на заседаниях 25 человек. На заключительном пленарном заседании выступили председатели секций, которые сообщили о плодотворной работе секций. Особенно полезной конференция оказалась для молодых ученых, магистрантов, аспирантов, представивших свои первые исследования и получивших ценные предложения, замечания для продолжения исследований, а также опыт участия в научных дискуссиях. Конференцию поддержали земляки Валентина Игнатьевича, приехавшие из Осинского района Иркутской области. Участники конференции выразили удовлетворение от работы на конференции.

На заключительном пленарном заседании было принято решение:

1. Продолжить представленные на данной конференции исследования по актуальным направлениям современной лингвистики.
2. Ходатайствовать о создании лаборатории эколингвистики и этноэкологии на основе кафедр общего и исторического языкознания, русского языка Института филологии и межкультурной коммуникации, бурятского языка, ЯКНС для разработки поднятых на конференции проблем.
3. Информацию о прошедшей конференции подать в реферируемый журнал и разместить на сайте ИФМК.

В рамках конференции была открыта выставка фото о жизни В.И. Золхоева, его научных работ в музее БГУ. Кроме сборника материалов научных статей конференции, была опубликована брошюра со статьями воспоминаниями о проф. В.И. Золхоеве.

На конференции состоялся обмен исследовательским опытом ведущих ученых, докторантов, аспирантов. Оргкомитет конференции успешно реализовал поставленную цель, актуализировав научную значимость вклада д.ф.н., проф. Золхоева В.И. в развитие идей общего языкознания и причастность кафедры общего и исторического языкознания к продолжению традиций, сделал достоянием научной общественности результаты научных исследований, опубликовав их в сборнике «Актуальные проблемы синхронии и диахронии разноструктурных языков».

Оргкомитет благодарит ректорат и НИЧ БГУ за помощь в организации конференции.

ВЕСТНИК
БУРЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

1/2014

ЯЗЫК. ЛИТЕРАТУРА. КУЛЬТУРА

В авторской редакции
Компьютерная верстка Н.Ц. Тахинаевой

Св-во о государственной аккредитации
№ 1289 от 23 декабря 2011 г.

Подписано в печать 31.03.14. Формат 70 x 100 1/16.
Усл. печ. л. 7,96. Уч.-изд. л. 6,23. Тираж 1000. Заказ 37.
Цена договорная.

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а
E-mail: riobsu@gmail.com

Отпечатано в типографии Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Сухэ-Батора, 3а